

Книжный червь Переводы книг
ДЖЕТТИ ВУДРАФФ

Annotation

Когда прямо перед началом тропического шторма появилась моя сестра Изабелла, ностальгия и нужда наверстать упущенное время отправила нас в дорогу... прямо в сердце другой катастрофы.

Я проснулась после комы, даже не имея понятия, что у меня была сестра-близнец, муж и две дочери. Несмотря на безумную любовь к детям, которых я не помнила, я чувствовала, что моё место не с Пэкстоном. Я не могла быть той, кем хотела, несмотря на все усилия. Но не всегда ситуация оказывается такой, как нам кажется. Я боролась с собственными демонами, пытаюсь не быть настолько покорной, какой он хотел меня видеть, и, тем не менее, я нуждалась в этом, словно в наркотике. Я хотела его.

Однажды я была одной из пары идентичных близнецов.

Потом я осталась одна.

- [Джетти Вудрафф](#)

- [Пролог](#)
- [Глава 1](#)
- [Глава 2](#)
- [Глава 3](#)
- [Глава 4](#)
- [Глава 5](#)
- [Глава 6](#)
- [Глава 7](#)
- [Глава 8](#)
- [Глава 9](#)
- [Глава 10](#)
- [Глава 11](#)
- [Глава 12](#)
- [Глава 13](#)
- [Глава 14](#)
- [Глава 15](#)
- [Глава 16](#)
- [Глава 17](#)
- [Глава 18](#)
- [Глава 19](#)

- [Глава 20](#)
 - [Глава 21](#)
-

Джетти Вудрафф
Покорная

Пролог

Комната погрузилась в темноту из-за туч, нависших над местностью.

— Сейчас начнется шторм? — спросила Роуэн, присоединившись ко мне у окна. Я улыбнулась ей и провела рукой по ее длинным волосам. Опустившись, моя рука полностью обняла ее спину, пока мы рассматривали небо. Прежний ярко-синий цвет заменился холодным темно-серым.

— Скоро. Вы все собрали на случай отключения света? — неистовая сила шторма нависла над нами, вызывая запах дождя в воздухе и мурашки по спине от предчувствия чего-то страшного.

— Мне не нравится шторм.

— А мне нравится, — встряла Офелия, просовывая свое маленькое тельце между мной и сестрой. Ей тоже хотелось увидеть шторм.

— Ты шутишь? Это же весело, — солгала я. Я тоже их ненавидела. С самого детства. Роуэн была такой же.

Офелия прикрыла глаза одной рукой, словно закрывалась от яркого солнечного света. Света, скрытого где-то за темными тучами.

Я прикусила нижнюю губу, чтобы не засмеяться.

— Я не вижу его. Где шторм?

— Я могу поспать с тобой? — спросила Роуэн, волнение читалось в ее кристально голубых глазах. Она подняла голову, ожидая ответа, и я улыбнулась ей, убирая прядь ее светлых волос назад.

— Я первая спросила, Роуэн, — злобно произнесла Офелия, толкая сестру.

— Эй, перестань. Посмотрим, Роуэн. Давайте съездим в магазин и купим некоторые вещи. На всякий случай. Возможно, мы сможем остановиться в парке ненадолго. Я скажу папе, что мы уезжаем. А ты пока собери свои карандаши. И тот, что закатился под диван, тоже, — сказала я, кивая в сторону кофейного столика. Затем посмотрела на ее сестру, чтобы та присоединилась к уборке. — Офелия, помоги собрать карандаши.

Офелия прыгнула на диван и перевернулась вниз головой, уверяя меня, что не причастна к этому.

— Я этого не делала. Роуэн их рассыпала.

Роуэн театрально возмутилась, войдя в роль на 100 % — приподняла бедро и тому подобное.

— Нет, не я. Это ты сделала, когда искала зеленый цвет. Ты врешь.

Мама, она врет.

Я выходила из гостиной с непреклонным видом. Указав пальцем сначала на одну, потом на другую, я направила его на дверь, напоминая, что их отец дома. Это остановило спор. Пэкстон работал дома, отпустив рабочих на полдня раньше, чтобы они успели подготовиться к надвигающемуся ненастью.

Затемненное окно в конце коридора не скрывало приближение непогоды. Казалось, тропический шторм не минует нас. В последнем выпуске новостей я видела, что кружащиеся красные кольца наметили нас своей целью. Однако я молилась, чтобы это было не так. Синоптики всегда ошибаются. Возможно, он повернет в последнюю минуту.

Я сделала глубокий вдох, набираясь храбрости, чтобы постучать в кабинет Пэкстона. Я не видела его с завтрака. Не зная, в каком он был настроении, я заколебалась на мгновение и легонько постучала.

— Да? — что ж, это звучало неплохо. По крайней мере, не было слышно ненависти. — Что? — голос скорее был отвлеченный, словно он был очень занят. Я открыла дверь и вошла в кабинет. Но не работа занимала его внимание, а прогноз погоды. Пэкстон нахмурил брови, подняв один палец вверх, приказывая подождать, пока сам прислушивался к драме на фоне хаоса. Как только он опустил палец и посмотрел на меня с кивком, я заговорила.

— Я собираюсь в магазин за парой вещей, прежде чем начнется ливень.

— Разве ты не ездила за покупками несколько дней назад?

— Да, но если отключат электричество, то молоко в магазине закончится через день. Я забыла его, и лучше бы взять еще бутылку воды. Генератор готов к работе?

— Генератор — не твоя забота. А вот молоко — да. Ты такая безответственная, — сказал Пэкстон, нахмурившись и тяжело вздохнув. — Скажи мне... Какая мать забывает молоко? Ты должна заботиться лишь о двух вещах: о двух маленьких девочках и доме, — он встал, обошел стол, прислонившись задом к его передней части, и снисходительно посмотрел на меня.

Вот бы это было так. Дом и две маленькие девочки — это куда больше, чем просто две вещи. Если он еще раз приедет домой и скажет, что записал девочек на очередной кружок, я его убью. Но сейчас нет необходимости напоминать ему, чем я занималась. Да он и шанса не даст. Просто заткнет мне рот. А вообще, мне было все равно. Мне нравилась моя работа. Я гордилась своим домом и семьей, заботясь о том, чтобы все было

гладко, как и любил Пэкстон.

Но все же я сказала ему, почему не взяла все необходимое в прошлый раз.

— Это было в тот день, когда Роуэн укусила оса. Она плакала. Я спешила.

Скрестив лодыжки, он задумчиво потер подбородок.

— Ох, точно. Это было в тот день, когда ты допустила, чтобы ее укусила оса.

Я выдержала его взгляд, потому что должна была. Так же, как и молчала, пока он не разрешал говорить. Это я не собиралась комментировать. Неважно, что бы я сказала, это в любом случае оказался бы неправильный ответ. Оса была в машине. Не я ведь сказала Роуэн лезть к насекомому. Она просто сама отмахнулась от нее, откинув прямо себе между ножек, где оса и укусила. Чуть выше колена.

— Девочек не бери.

— Почему? Я пообещала Роуэн, что мы поедем в парк.

— Езжай в магазин и сразу назад. Если шторм и дальше продолжит надвигаться с такой скоростью, мы уедем подальше. Снимем комнату где-нибудь в отеле. Девочек не бери. У них есть игровая площадка на заднем дворе, которую я им построил. Они могут поиграть там. У тебя есть час, — приказал Пэкстон, не спуская с меня глаз, разговаривая короткими предложениями, будто мне было пять лет. Выставив один палец, он бросил на меня суровый взгляд, ожидая ответа.

— Да, хорошо, — отступила я, опустив взгляд в пол.

— Закрой за собой дверь, — приказал он, резко заканчивая разговор. Наклонив голову, он отпустил меня.

Я послушалась и, выдохнув, покинула кабинет.

— Джейк сказал, что Роуэн — мальчишеское имя, — заявила вдруг Роуэн, когда я вошла в гостиную. Мои брови взлетели вверх, интересуясь, с чего она вспомнила об этом. Ее внимание перевелось с телевизора на коробку карандашей. Я понятия не имела, о чем она говорила. Они не виделись с Джейком два дня, с урока танцев. Сев рядом с ней на диван, я уставилась на шоу для дошкольников по телевизору.

— Правда? Что же, он не прав. Роуэн — королева зачарованных земель. Это в прекрасном параллельном мире.

— Где это?

— Здесь, — я подмигнула ей, легонько постукивая пальцем по ее сердечку, — там люди никогда не болеют, они всегда счастливы и любят друг друга всем сердцем.

— И я там королева? — спросила Роуэн с озорной улыбкой.

— И я? — Офелия тоже хотела знать.

— Да, конечно. Вы обе мои маленькие королевы, — я взяла сумку и зонт. — А сейчас мне пора, пока не начался дождь. Скоро вернусь.

Роуэн слезла с дивана, не желая отставать.

— Ты говорила, что я тоже поеду.

— Знаю, но я хочу вернуться до начала шторма. Привезу вам что-нибудь.

— Я завел твою машину. Пойдем, поищем что-нибудь перекусить, Роуэн, — произнес Пэкстон, стоя в дверях. Это был его мягкий способ сказать мне, что он проверил пробег на счетчике.

Встав, я поблагодарила его.

— Я поеду с мамочкой, — настояла Роуэн и схватила меня своей маленькой ручкой.

— И я тоже, — сказала Офелия с той же настойчивостью. Она встала, сделала два шага и споткнулась о свою же ногу. Мы с Пэкстоном обернулись на звук падения и засмеялись. Она подскочила, словно солдатик, и взяла меня за другую руку.

— Никто из вас не поедет. Грядет шторм. Отпустите маму, чтобы она могла быстрее вернуться. Кто хочет мороженое?

И, конечно, это сработало. Обе с криком вскинули свои маленькие ручки вверх: «Яяяяяя».

Роуэн отпустила меня, бросившись на кухню, полностью сконцентрированная на мороженом, Офелия побежала за ней. Роуэн умело прыгала, а ее маленькая сестричка повторяла прыжками, скачками и перебежками. Она изо всех сил старалась скопировать движения старшей сестры, но ей не до конца это удавалось. Близко, но не совсем. Я улыбнулась ей вслед, любя всем сердцем, пока она выкрикивала желание получить розовую ложку.

Пэкстон подошел ко мне с ухмылкой на лице. Он притянул меня к себе, положив руку на поясницу и лишив равновесия.

— Ты имеешь представление, насколько ты сексуальна? Мне нравится это платье. Если бы только на губах была помада. Красная. Мммм, — промычал он, шепнув теплые слова мне на ухо.

Спустя долгие мгновения попыток мягкими поцелуями, он произнес:

— Тебе пора, — его губы коснулись моей кожи, лишив дыхания. Мы жили во Флориде. Если он думал, что я сексуальна, то точно не из-за моих стараний. Мои волосы были убраны в неопрятный пучок на макушке, косметики было по минимуму, одета была в простое платье в пол и

сандалии. И я чертовски уверена, что не собиралась красить губы помадой.

— Скоро увидимся, — я отстранилась, но он притянул меня обратно, переплетая пальцы. Большим пальцем он гладил мою руку и смотрел в глаза.

— Согласно прогнозу погоды, у нас есть четыре часа.

— Обещаю вернуться до шторма, — сказала я, скрывая улыбку. На долю секунды мне показалось, что получилось скрыть сарказм. Но Пэкстон точно знал, что скрывалось за моими словами. Шторм не должен был начаться в течение четырех часов или около того. Я же не могла опоздать и на десять минут, не говоря уже о четырех часах.

Пэкстон сузил глаза, криво ухмыльнувшись, и похлопал меня по попе.

— Поспеш, любимая.

Я подошла к машине, которую Пэкстон уже вывел из гаража. Однажды я сбила мусорный бак. Всего лишь раз. И теперь Пэкстон всегда выводил ее, оставляя работающий двигатель, словно я даже не знала, как заводить машину. Еще один способ показать, что он лучше меня, показать, что я ниже его. Меня это не волновало, не особо. Я привыкла к этому, а также к этой новенькой машине. Она была моя, куплена для меня... и все же не до конца. Он не забудет припомнить мне, что машина записана на его имя, если возникнет необходимость. Машина и все остальное, что окружает меня.

Мурашки побежали по спине от мрачной атмосферы. Окрестности затихли под стать пасмурной погоде. Выежая с подъездной дорожки, я взглянула на часы — начало третьего. Казалось же, что уже было часов девять вечера. Вокруг всё нахмурилось, дворы опустели, все окна закрыты.

Я перевела взгляд на соседский дом. Дом моей лучшей подруги, по крайней мере, до этих пор. Вздохнув, я покачала головой. Я не могла думать об этом. Не сейчас. Поразмышляю над этим позже, когда наступит время. Багажник машины Кэндес был открыт, а на земле рядом стояла спортивная сумка. Видимо Лейн решил уехать подальше. Я надеялась, что мы последуем их примеру. Не хотелось оказаться здесь, когда дождь и ветер обрушатся на дом ночью. Лишь мысль об этом вызывала дрожь. Другие мои соседи, Триша и Брент, уже давно уехали. Их брошенный дом идеально вписывался в окружающую атмосферу. Качели из шин на цепях покачивались на ветру.

Жутко.

Я хотела купить что-то еще? Но хоть убейте, я не могла вспомнить, что именно. Копаясь в своей памяти, я нахмурилась, увидев незнакомую машину, следовавшую за мной. Старая Хонда не принадлежала никому из

нашего района, ничто в ней не вызывало знакомых ассоциаций. Я выключила радио, по которому надоедливый голос в очередной раз напоминал о тропическом шторме. Они постоянно повторяли одно и то же. Снова и снова. А ведь он мог и минуть нас.

— Лейкопластыри, — выкрикнула я, все еще наблюдая за машиной за мной. Мои девочки использовали больше пластырей, чем кто-либо из знакомых. Каждую царапину нужно было заклеить. Я свернула направо, машина последовала за мной. Быстрый срез влево — тот же результат. В этот момент я и начала нервничать.

Сердце ускорилося, когда я увидела водителя. Это на самом деле? Не может быть. Я не сводила глаз с водителя, пока биение в груди все усиливалось и усиливалось. Я свернула на парковку к Первому Банку Картера с трясущимися руками, пересохшим ртом и с самым сильным чувством тоски в моей жизни. Старая машина не отстала и припарковалась прямо за мной. Она не тратила времени. Ни секунды. Через две целых семь десятых секунды она уже была возле моей двери.

Я прикрыла рот рукой, громко вздыхая, слезы мгновенно появились на глазах. Сморгнув расплывчатую пелену, я открыла дверь. Никакие слова не могли описать мои чувства. Не знаю, было ли это связано с сестрами или только с близнецами, но что-то было между нами. Связь, которую нельзя разорвать. Настолько сильная, будто она и не исчезала. Видеть её лицо, знать, что она рядом со мной, наблюдать, как она идет мне навстречу. Все это было нереально. Но это была она. Моя сестра. Мой близнец. Тупая боль сформировалась у меня в груди, давя под ложечкой. Все мое тело трясло от волнения, и я слышала громкое биение сердца в обоих ушах.

Я была потрясена, не зная, как обратиться к ней. Выбрав безопасный путь, я не назвала ее по имени.

— О, Боже. Что ты здесь делаешь? — я была словно в тумане. Не помнила даже, как вышла из машины. Словно я видела себя со стороны, но не совсем себя. На ней было даже надето подобное платье и та же прическа. Я как-то прочитала, что разлученные и воспитанные по отдельности близнецы часто проживали одинаковые жизни. У неё был такой же вкус, как и у меня. Клянусь, казалось, что я смотрела в зеркало. Сейчас даже больше, чем раньше.

Она запустила пальцы в волосы и потянула, сжав их немного. Выражение её лица превышало удивление, читаемое на моем, и я заметила, как она сглотнула ком в горле. Наверно, такой же, как был и у меня.

— Гэбби! О, Боже!

— Иззи, что ты здесь делаешь? — не дожидаясь её ответа, я

продолжила, — у меня немного времени. Мне нужно ехать, — мои ладони вспотели, а тело трясло, словно Пэкстон наблюдал за мной из-за угла. Я сжимала руки, волнуясь за его реакцию. Было ясно, что мой муж не должен был узнать об этом.

Иzzi посмотрела на меня так, будто я ударила её по лицу. Дважды. Полное неверие.

— Ты шутишь? Ты избегала сестру тринадцать лет и говоришь, что тебе нужно ехать?

Сердце сжалось, а вина заполнила сознание.

— Я не бросала тебя, — произнесла я неубедительно.

Иzzi улыбнулась, наклонив голову, как это всегда делала я. Пэкстон постоянно говорит мне не делать так. Но иногда я забываю о его запрете.

— Шучу. Как ты? Выглядишь, ну, как я, — все во мне говорило увильнуть от нее, продолжить свой путь и вернуться домой к семье. Я изо всех сил пыталась отослать ее. Слова были на кончике языка, но произносить их я не хотела. Хотелось посидеть с ней на диване и наверстать упущенное время. Укутаться в пижамы и посмотреть фильм. Узнать, чем она занималась, и познакомить с племянницами.

Я скопировала ее улыбку и склонила голову, снова думая о тикающих часах. У меня не было времени для этого. Пэкстон будет в ярости, если я вернусь с пустыми руками. Мне нужно было уезжать, но, тем не менее, я этого не делала. Не могла. Даже если бы начался ураган, я бы не смогла поступить иначе. Внутренне я засмеялась над своей шуткой, вспомнив, что ураган действительно надвигался на нас. Ну, тропический шторм.

— Давай выпьем кофе или что-то еще, — предложила Иззи молящим тоном и с грустными глазками. Я не могла продинамить ее. Просто не могла. И не хотела.

— Изз, я не могу. Ты не слышала предупреждение об экстремальных погодных условиях? Мне нужно возвращаться домой. Роуэн не любит штормы.

Несмотря на темно-серые тучи, улыбка Иззи озарила мой день.

— Роуэн? Мальчик или девочка?

Ее слова вызвали мгновенную ухмылку на моем лице. Боже, я скучала по ней.

— Девочка, две девочки. Роуэн шесть, а Офелии будет пять через два месяца. Они такие милые, Иззи, — чувство гордости просочилось сквозь мои слова, пока глубокая любовь жгла мне душу. Хотелось бы мне, чтобы они знали ее. Чтобы называли ее тетя Иззи. Мысль о них, видящих нас вместе, радовала сердце. Я представила их замешательство, пока они бы

пытались понять, кто из нас их мамочка.

— Мне не терпится познакомиться с ними. Как ты? Вау, Гэбби. Два ребенка, — Иззи обняла меня, и я закрыла глаза. Между близнецами существует особенное чувство, которое нельзя объяснить. На мгновение я снова почувствовала себя цельной. Я обняла ее в ответ, отдавая всю себя, взамен получая то, по чему скучала.

— Давай покатаемся, — произнесла Иззи с тем же уговаривающим тоном и отчаянной мольбой, наклонив голову в сторону. Она крепко держала меня за плечи, вглядываясь мне в глаза. Боже. Это была она. Я не могла поверить в это.

Я взглянула на телефон, осознав время. Пэкстон посинеет. Я мысленно искала другое время для встречи с ней. Время, когда мужа не будет рядом со мной. Запись Роуэн к стоматологу. Это лучшее, что пришло мне в голову. Пэкстон будет на работе. Схватив сумочку с сидения, я достала визитку с адресом. Не думая, я протянула её ей. Роуэн и Офелия первые побегут рассказывать папе об Иззи. О ком-то идентично похожем на их мамочку.

— Жди меня завтра здесь. Я приеду немного пораньше.

— Подожди. Ты куда? Я не видела тебя тринадцать лет, и теперь ты динамишь меня? — Иззи уставилась на меня, нахмутив брови от замешательства, боль читалась на ее лице.

Между нами опустилась тишина, пока я пыталась повиноваться своему мужу. Прежде чем согласиться, я уже понимала, что это плохая идея, но видеть ее было так хорошо. Я скучала по ней. По нам. Придумаю какую-то ложь для Пэкстона и буду надеяться на лучшее. Может, скажу, что застряла в аварии. Пробка. Это будет не такой уж и ложью. Дороги были намного более заполненные, чем обычно. Людьюми, как я, которые выехали за продуктами, или теми, кто уезжал подальше от шторма.

Взглянув вверх на темные тучи, нависшие над нами, я глубоко вздохнула.

— Прокатимся недолго, — согласилась я. Иззи воодушевленно улыбнулась и запрыгнула на пассажирское сидение моей машины. Это тоже волновало меня. Пэкстон узнает. Она оставит вмятое сидение, потеряет сережку или с ее обуви останется грязь. Он узнает в любом случае.

Иззи провела руками по коричневой коже.

— Вау, классная машина. Спорю, обошлась она в копеечку. Мне нравится.

Лично мне не нравился коричневый. Я хотела серый. А Пэкстон —

коричневый.

— Не так дорого, как ты думаешь. У Пэкстона есть знакомые. Он заключил выгодную сделку.

— Это Лексус, — сказала она с кивком и ухмылкой, глядя пальцами мягкую кожу перед ней. — Не важно, насколько хорошую сделку он заключил. Эта машина влетела в копеечку.

Я уставилась на нее, не веря. Изабелла действительно сидела там, в моей машине. Рядом со мной.

— Она новая. Пэкстон только вчера забрал ее, — пробормотала я, словно подверглась словесному поносу. Я не знала, что сказать. Все эти годы тренировок, репетиций того, что я ей скажу, все исчезло. Ничего не приходило на ум.

— Ты прекрасно выглядишь, Иззи, — сказала я. Меня накрыло чувство ностальгии, когда, глядя на нее, я вспоминала нас. Гэбби и Иззи. Джонни и Клайды.

— Я точная копия тебя, глупышка, — произнесла Иззи тихо.

— Ты действительно удивительно похожа на меня. Немного жутковато. Мы могли бы поменяться одеждой, и ты могла бы занять мое место. Мы бы на время поменялись жизнями, — сказала я, смеясь. Если бы она только знала, как я этого хотела. Так же, как мы делали это в детстве. Был только один человек, которого мы никогда не могли обмануть. Наша мать могла различить нас с расстояния в пятнадцать метров.

Иззи опустила взгляд, закинув ногу лодыжкой на колено.

— Мда, ты не захотела бы моей жизни.

— Не говори так, Изз. Я всегда представляла тебя на реально крутой работе, счастливую и влюбленную.

— В каком-то роде так и есть, — солгала она. Даже спустя все эти годы, я знала, когда она лжет.

— Чем ты занималась? Расскажи мне. Ты поступила в колледж?

— Да, я училась в колледже. Знаешь на кого?

Натянута улыбка застыла на моих губах.

— Нет, но хочу!

— Бизнес и ландшафтный дизайн.

Мое сердце сжалось от тоски, но я не поняла, чем она была вызвана. Тем, что я пропустила все это или потому что тоже хотела? Я так и не поступила в колледж.

— Я не удивлена. Ты всегда была похожа на маму. Постоянно чувствовала нужду быть на природе и в движении. Могу представить тебя в этой профессии. Так, значит у тебя свой бизнес?

Иzzi теребила лямку на сандалии с тревогой на лице. Я мысленно улыбнулась, заметив, что ее обувь была практически идентична моей. Мои были такими же, за исключением золотой пряжки. Ее закрытая улыбка стала хмурой на мгновение.

— Неа, не совсем. Пыталась, но не вышло. Я живу в Мичигане — не самое подходящее место для чего-то подобного. Нужно переехать в Лос-Анджелес или куда-то наподобие него. Понимаешь?

— Это план? — спросила я, возвращая ей ее нахмуренное выражение.

Иzzi вздохнула, стыд и разочарование исказили ее лицо. Но потом она улыбнулась.

— Сомневаюсь. Не знаю. Для этого нужно много денег. Я подрабатываю официанткой. В выходные чаевые очень даже неплохие, — ухмылка Иззи была неубедительна. Фальшивая. Что-то давило на нее. Было ясно, что и у Иззи были испытания в жизни. Мне хотелось услышать об этом все, все до мелких деталей, касающихся последних тринадцати лет. Все.

— О, да? Где? — я пыталась не звучать расстроено. Хотелось, чтобы она жила как в сказке, в которой она была бы счастлива, влюблена и успешна. Внезапно, я подумала о Пэкстоне и его ярости. Цифровые часы кричали мне развернуться и поехать домой, где и было мне место.

Иzzi засмеялась, отчего ее грудь затряслась.

— В «Hooters».

Я захихикала, отвернувшись от часов. Мне было необходимо это время с ней.

— Ты неплохо живешь. Мне нравится твой дом, местность, пляж. Ты живешь у пляжа! О, боже мой, Гэбби, — воскликнула она в счастливом восхищении.

— Знаю. Кто бы мог подумать, да? У тебя кто-то есть, Иззи? Муж, дети?

Иzzi отстучала барабанную дробь двумя пальцами на приборной доске, подобную той, что барабанщики выстукивают для шутки.

— Детей нет, и я только что разорвала отношения в восемь месяцев. До этого я была просто спивающейся шлюхой.

Она хотела, чтобы это было прозвучало мило и весело, но мне так не показалось.

— Грустно это слышать. Ты пьешь?

— Нет, не много. Я в порядке. У меня было хорошее воспитание. Я совершала ошибки, но, эй, кто их не совершает?

Я уставилась на дорогу, соглашаясь.

— Да, наверно.

— Давай поедem куда-то, поговорим. Я хочу все услышать о твоих малышках.

Супермаркет маячил справа от меня. Каждой клеточкой тела я знала, что нужно повернуть, сходить в магазин, высадить Иззи у ее машины и поехать домой. Это я и должна была сделать.

Желудок скрутился и сжался. Я чувствовала все внутренности. Это пугающее чувство, когда понимаешь, что делаешь что-то неправильно, или чувствуешь, что что-то плохое должно случиться. С глубоким вздохом я проехала парковку.

Это того стоило. С Пэкстоном разберусь позже. Я была готова столкнуться с гневом мужа ради дня с Иззи. Без какого-либо пункта назначения в голове, я поехала через город, повернув направо. Меня передернуло от нервов, когда я поняла, что выехала за свои границы. Пэкстон будет в ярости, когда проверит пробег. Пять целых пятнадцать сотых километра до магазина в одну сторону. Плюс ещё небольшой запас, если вдруг понадобится объехать квартал или еще что-то. Я проехала уже четырнадцать. На два километра больше.

— Помнишь, когда мама поднимала нас с кровати посреди ночи, говоря, что нужно бежать? Глупые игры, в которые мы играли по пути к пункту назначения.

Уголки моих губ опустились, когда я задумалась об этом, позволяя воспоминаниям выползти.

— Думаешь, она когда-либо знала, куда мы направлялись?

— Конечно нет. Почему, думаешь, мы проспали в машине половину нашей жизни?

— Правда, но задумайся, Иззи. Нам было все равно, где мы спали, насколько останавливались и куда ехали. Помнишь, как мы парковались под мостом и карабкались по бетонным стенам каждый раз, когда шел дождь? Нас даже не волновало, что снова приходилось есть сэндвичи с арахисовым маслом.

— Да, мы сидели там, слушая дождь, пока мама рассказывала нам истории о том, как должна была измениться наша жизнь. Помнишь, как она всегда обещала, что у нас будет свой дом с одинаковыми кроватями?

— А проселочные дороги, по которым мы слонялись? Словно вечно поворачивали вправо. Никоим образом она не могла знать, где мы закончим. Явно не так.

— Джонни и ее Клайды, — закончила я, мечтательно приподнимая уголки губ воспоминаниями. Так она называла нас. У нее было мужское

имя. Но, к несчастью для нее, она родилась без пениса. Тем не менее, ее родители все равно называли ее Джонни. В честь мертвого дяди или кого-то еще.

— Я Джонни, а это мои Клайды. Поняли, Джонни и Клайд? — произнесла Изабелла, имитируя голос нашей мамы. Она всегда так говорила. Каждый раз, когда мы встречали кого-то нового, она протягивала руку и представляла нас как Джонни и Клайд. Имя было идеально. Подходило нам просто прекрасно. У большинства девочек были милые прозвища, типа Принцесса или Малышка. У нас же с Иззи было одно прозвище. Клайд. Если наша мать звала Клайда, она имела в виду нас обоих. Я была Клайдом, и Иззи была Клайдом, а вместе мы были Джонни и Клайд.

— Хочешь повернуть направо? — спросила я с блеском в глазах, подходящим моей улыбке. Иззи была здесь. Иззи сидела рядом со мной. Моя Клайд. Я обещала себе, что не уеду далеко, может, развернусь на следующей автобусной остановке. Таков был план. Жуткое ощущение бурлило в животе. Чем темнее становились тучи, тем сильнее поднимался ветер. Верхушки деревьев качались из стороны в сторону, разбивая зловещие небеса, пока внезапные порывы ветра сотрясали мою машину.

Глаза Иззи расширились, и она кивнула.

— О, да! — тринадцать лет — долгий период вдали от нее. Невероятно. Я всегда знала, что мы найдем друг друга снова. Только не знала, как и когда.

Впервые с тех пор, как я встретила Пэкстона, я ослушалась его. Не в мелочах, которые раздражали его, как, например, опоздание в несколько минут. А в чем-то значительном. Похожим на это. Мне сулило наказание в месяц, но я готова была принять его. Оно стоило часа, проведенного с моей сестрой.

Мы обсуждали счастливые моменты, пока километры пролетали мимо нас. Час быстро закончился, но мне было все равно. Мне было плевать на время, на злость Пэкстона или шторм. Я даже не почувствовала волнение, когда посмотрела на часы, зная, что он злился на меня. Урон был нанесен. Он измерял шагами комнату, набирая мой номер и выглядывая в окно. Я видела это перед глазами, как ясный день.

Я слушала, как Изабелла рассказывала о песни нашей матери, пытаясь думать о ней. О ней и больше ни о чем.

— Free Bird. Lynyrd Skynyrd, — вскрикнула Иззи, внезапно вспомнив название.

Я отлично помнила эту историю. Мы тогда спали на пляже в

Калифорнии все лето. В палаточном городке. Мама безумно танцевала под эту песню. В смысле, поистине безумно. Подняв руки в воздух, она приседала и вставала под музыку, закрыв глаза с выражением благодарности на лице. Словно она говорила с Богом, молясь вселенной сквозь сияющие звезды. Мы с Иззи сидели, обнимаясь, у костра и ждали, когда она вернется к нам. Нам было не более четырех-пяти лет, но мы уже понимали. Мы не знали, что причиной этому были галлюциногенные грибы, о которых они говорили. Просто думали, что она была больна.

Я отключила звук в телефоне с помощью кнопок на руле, увидев имя Пэкстона на экране приборной доски. Я уже погрязла по колено, какая уж была разница, если погружусь до подбородка. Последствия были бы теми же.

— Ты ведь знаешь, что все то лето она летала выше воздушного змея, да? — спросила я.

— Это было не важно. То были лучшие дни моей жизни. Подумай, какая бы скучная жизнь была бы у нас, если бы мы родились у здравомыслящей матери. Поверни направо, — сказала Иззи, направляя меня указательным пальцем. Я снова повернула направо и в четвертый раз выключила звук на телефоне. Один час и пятнадцать минут сплошных поворотов вправо могут вывезти вас из города и завезти в середину неизвестности крайне быстро. Я понятия не имела, куда мы направлялись, и мне было все равно. Выясню это позже с помощью GPS. Сейчас же я наслаждалась временем с Иззи, напоминающем о добрых, старых временах.

— Он не перестанет звонить, ты ведь знаешь? — сказала Изабелла.

Я послала ей злобную ухмылку, по крайней мере я надеялась, что она такой была, и зажала кнопку на телефоне, выключая его.

Иззи вдруг стала серьезной, сопровождая вид печальным тоном.

— Он хорошо с тобой обращается, Гэбби? Ты счастлива?

Я не сразу ответила на вопрос Иззи. Смотрела вперед на дорогу, обдумывая ответ.

— По большей части, да.

— Что это значит? По большей части?

— Пэкстон иногда может быть чрезмерно контролирующим, но он хороший добытчик. И хороший папа, он всегда ставит нас на первое место.

— Я даже не знаю, что это значит, Гэбби. Хочу, чтобы ты просто была счастлива.

— Я счастлива. Давай не будем об этом, — мне не хотелось говорить с Иззи о Пэкстоне. Этот разговор мог подождать до следующего раза. Может,

мне даже удастся достать предоплаченный телефон, чтобы иметь возможность поговорить с ней. Но не сейчас. Не сегодня. Я слишком сильно наслаждалась сейчас жизнью, чтобы думать о чем-то в этот момент. Мы снова были вместе. Я и Иззи. Наша мать, без сомнения, улыбалась, глядя на нас сверху. «Живи моментом» — это были известные слова, повторяемые мне все детство. Это я и делала. Я жила этим моментом с моей сестрой-близнецом, забыв обо всем остальном.

Следующий наш поворот направо привел нас на грунтовую дорогу. Подъездные дорожки извивались по направлению к участкам разбросанных передвижных домов. Темные тучи следовали за нами. Клочки зеленой травы росли в глубоких выбоинах, на которых подпрыгивала машина. Я представила несколько одинаковых машин, едущих той же дорогой в ближайший город на работу и обратно домой. Но когда мы доехали до развилки через несколько километров, дорога была уже не так плоха. Следующий поворот направо сулил еще, по меньшей мере, десять километров.

Пэкстон будет в ярости. Он убьет меня.

— Ты знаешь, где мы? — спросила Изабелла, смеясь, плечи поднимались и опускались. Приятно было слышать ее смех. Свободный. Словно пение свободной птицы.

— Я видела знак «Ривер Ледж Роуд». Это считается? — спросила я, поддразнивая.

Изабелла указала на следующий поворот впереди нас. Еще одна проселочная дорога, только в этот раз вдоль реки. Незаметно было, чтобы по ней много ездили, но там было красиво. Очень красиво. Я рассматривала высокие, густые деревья, качающиеся от ветра по бокам от дороги и бросающие тень на наш путь. Даже температура воздуха упала из-за надвигающегося шторма.

— Помнишь это? — спросила Изабелла. Я знала, что она собиралась сделать, как только она отстегнула ремень безопасности. Опустив окно, она высунулась из него, вытянув руки навстречу ветру. Я смеялась, как в детстве. Как я смеялась, когда была Клайдом, и Иззи тоже была Клайдом. Когда наша мать была безумна, а все мы были свободными птицами. Были безумны вместе.

— Давай, высунь голову в окно, — позвала она снаружи. Я глупо засмеялась и опустила окно. Для начала я высунула только руку, плывя по волнам ветра, затем высунула и голову. Так делала наша мама. Она включала первую скорость и вела машину ногами, пока мы с Иззи высовывались в окна, раскинув руки навстречу ветру, словно птицы.

Свободные птицы. Нам было не больше, чем Офелии — четыре, может быть, пять лет.

Мои глаза закрылись, когда я вспомнила, насколько счастливы мы были. Раскрепощены. Я снова проигнорировала предчувствие чего-то плохого и переключила машину на первую скорость.

— Да ладно! Ты серьезно? — спросила Иззи, опуская лицо обратно в салон, показывая счастливое выражение лица и сияющие глаза. Я даже не думала об этом. Я выскользнула в окно, как делала мама, скидывая сандалии на пол и поднимая платье до пояса. Дорога выровнялась, и мы едва двигались, но казалось, будто мы реально летели, особенно с порывистым ветром.

— Помнишь, как она говорила нам закрыть глаза и думать о чем-то счастливом? Представлять наше будущее, — спросила Иззи.

Я на мгновение закрыла глаза, раскинув обе руки по ветру, затем посмотрела на свою близняшку.

— Я свое получила, Иззи. Всю свою жизнь я хотела симпатичного, организованного парня. Кого-то, кто усердно бы работал ради семьи. И двух детей. Я хотела мальчика и девочку. У меня две девочки. Вот, о чем я мечтала. Просто хотела семью, — это была правда. Все свое детство я желала иметь дом. Настоящий дом с настоящей семьей с мамой и папой. Мой был не совсем тем, что я представляла в голове, но он был мой. Пока.

— Это не честно. Я потерпела неудачу, а ведь мечтала стать богатой и знаменитой.

Я засмеялась и потянулась к ее руке. Мы не могли соприкоснуться, но притяжение между нами все равно существовало, притяжение, которое могли понять только близнецы.

— Я рада, что ты приехала, — призналась я грустно. Но это было неважно. Я не могла сказать о ней Пэкстону. Об этом я думала, когда увидела поворот и дорожное ограждение впереди. Застучав по крыше машины, я тяжело вздохнула, возвращаясь на водительское сидение. Как же мне хотелось, чтобы все было иначе, чтобы Пэкстон мог принять ее, и она могла бы присутствовать в моей жизни.

Я даже не знала, заметила ли это Изабелла. Ее глаза были закрыты, пока она все громче и громче распевала песни из детских воспоминаний. Все остальное произошло быстро, но словно в замедленной съемке. Я не могла предотвратить этого. Посмотрев на поворот на дороге, я перевела взгляд на педали. Подол платья за что-то зацепился. Я закричала Иззи прямо перед тем, как мы съехали с дороги. Машина спланировала, словно птица, вылетая за дорожное ограждение. Словно мы намеренно сорвались

с обрыва — истинные Тельма и Луиза.

Затем темнота.

Люблю вас, мои маленькие Клайды.

Глава 1

Голова была туманной, словно что-то кипело внутри. В ушах раздавалось протяжное би-и-ип на фоне того, как кто-то звал меня. Габриэлла. Габриэлла? Почему свет был таким ярким? Ничто не имело смысла. Где я была? Мертва? Что-то случилось? Я умерла?

— А вот и Вы. Как себя чувствуете?

Глаза открылись навстречу яркому свету. Расплывчатый доктор и две медсестры нависли надо мной. В глазах пульсировало, а во рту пересохло. Я пыталась понять, что происходит, но терпела неудачу с каждым предположением. Где я была, как я туда попала, что со мной было не так?

— Миссис Пирс. Откройте глаза для меня.

Пирс? Пирс. Нет, это неправильно. Я хотела сказать ему, что я не Пирс, но сухость во рту преодолела недопонимание.

— Можно мне воды?

К моим губам поднесли освежающую, прохладную жидкость, и я потянула, что было сил.

— Можете рассказать мне, что произошло, миссис Пирс? Вы помните, как попали сюда?

— Моя фамилия — Делгардо, — поправила я. Кто, черт возьми, эта миссис Пирс? Подождите. Кто такая Делгардо? Глаза были закрыты, а голова кружилась, пытаясь придать смысл происходящему. Ничего не выходило. Абсолютно.

— Это ее девичья фамилия, — раздался голос из-за спины врача. Я снова открыла глаза. С большим усилием я приподняла голову и увидела мужчину в джинсах, футболке и бейсболке, надетой задом наперед. Одним глазом я заметила у себя ортопедический аппарат от лодыжки до бедра. По обеим сторонам были металлические штыри. Пошевелив пальцами левой руки, я почувствовала их и там. То же самое. Бандаж. Начиная от кисти и заканчивая локтем. Голова была забинтована, а левый глаз не получалось открыть из-за отека. Без сомнения, я была в больнице.

Я изучила парня, пялившегося на меня почти что свирепо. Словно он был зол на меня. Но я не знала его.

— Да, вот так, Гэбби. Оставайтесь со мной, — кашлянул доктор, направляя фонарик-ручку мне в глаз. Я знала, он хотел, чтобы я проследила за ним, но я не могла. Не было сил. От бессилия я опустила голову на подушку, не способная больше держать ее. Перед глазами пролетели

вспышки воспоминаний. Ветер. Тучи. Смех. Авария. Я попала в аварию.

— Никто не зовет ее Гэбби. Она не будет отзываться на это имя, — убедил хорошего доктора строгий голос. Первым желанием было снова найти его взглядом, но слабость не позволяла сделать этого. Я закрыла глаза, нуждаясь в минутке или тысячи. Нужно было подумать о своем состоянии. Понять, где я была и что произошло. В отличие от пазла, ничего не складывалось. Кусочки не стыковались. Я не могла думать о том, кем я была или откуда пришла. Я ни о чем не могла думать. Я отпустила все. Окунулась в темноту. Снова.

Я думала, что спала несколько часов, но позже выяснилось, что прошло три дня. Боль пронзила шею, и голова закружилась, когда я попыталась повернуть ее. По положению солнца было видно, что был уже поздний вечер, но часов я найти не могла. Больничная палата. Я была в больнице. Все тело болело. Казалось, будто меня прокрутило в барабане стиральной машины. Громкий стон слетел с пересохших губ, когда я попыталась пошевелиться.

— Как Вы себя чувствуете? — спросила медсестра сбоку. Ее голос был мягок и мил. Комната была темной и тихой. Никого, кроме медсестры и меня.

— Словно меня переехал грузовик. Это так?

— Вы попали в автомобильную аварию. Насколько я знаю, машину несколько раз перевернуло. Вам повезло, что Вы выжили.

— Я была одна?

— Да. В восьмидесяти милях от дома, — раздался голос в дверях. Тот же мужчина с бейсболкой задом наперед вошел из коридора. Только в этот раз без головного убора. Он впился в меня взглядом, сдувая пар со стакана кофе. Я прищурилась и посмотрела на него, пытаясь сфокусировать зрение, сконцентрировавшись на нем. Ничто в нем не было мне знакомо. Совершенно ничего. Парень наградил медсестру пристальным взглядом, и она сжалась, как испуганный котенок. Она опустила глаза в пол, когда он смотрел на нее, одним выражением лица приказывая ей уйти. Даже без слов это читалось громко и ясно. Медсестра так и поступила.

— Я пойду приготовлю оборудование. Доктор Мираж хочет сделать еще одну компьютерную томографию.

— Все плохо? Что со мной? — Я была больше озабочена своим состоянием, чем этим придурком. Не помня, я осознавала, что он был моим мужем. Я не только была разбита, я еще и была замужем за кретином. Попытки придать смысла происходящему вызывали рой мыслей. В одну секунду я пыталась понять, кем была моя мать, а в другую

задавалась вопросом, каким было мое имя. Я искала в голове ответы, которых там не было.

— Доктор скоро поговорит с Вами. Вы счастливица, — повторила она, улыбаясь и покидая комнату. Чувство дискомфорта охватило меня, когда я поняла, что осталась с ним наедине.

Он наклонил голову в сторону, улыбаясь мне, но это не было милой улыбкой. Он злился на меня. Возможно, мы поругались перед аварией или еще что-то.

— Тебя не спасет притворство о потери памяти.

— Что? Спасет от чего? — спросила я, нахмутив брови. Он щелкнул языком и отпил кофе. Его глаза пристально следили за мной сквозь пар, а ухмылка не покидала его лицо.

Пар все еще поднимался над стаканом, когда он поставил его на полку и повернулся ко мне. Я наблюдала, как он облизал губы и подошел ко мне. Затем перевела взгляд от холодного выражения лица на его пальцы. Я сжала плечи, когда два пальца прошли по моей руке к кончикам пальцев. Комнату охватила тишина, если не считать писка аппаратов и моего громкого сердцебиения. Я молчала, уставившись на него, пока он держал в руке мою ладонь. Подушка под моей головой помешала мне отстраниться, когда он наклонился, приближая свои губы к моим.

— Продолжай. Я на самом деле наслаждаюсь этой фигней. Лишь мысль начать всё заново вызывает стояк, — произнес он мягко напротив моих губ.

Мои губы оставались сжатыми в тонкую, прямую линию, пока он целовал меня. Рычание вырвалось из моей груди, вызванное пронзившей меня болью, когда я попыталась пошевелиться. Что-то влекло меня к нему. Что-то кроме одеколона, и я без сомнения знала, что он был моим мужем. Боже милостивый! Я была разбита и глупа.

— Пожалуйста, скажи, что я не замужем за тобой, — произнесла я, пронзая его молящим взглядом и помогая себе сесть сломанной рукой. Мой так называемый муж просто стоял, даже не предлагая помощь. Я же изо всех сил пыталась дотянуться до пульта управления кроватью.

— О да. Я владею тобой, Габриэлла Пирс, — уверил он меня каким-то пугающим, властным тоном. Глубоким и хриплым. Что за черт?

— Подожди. Ты владеешь мной? Ты шутишь. Пожалуйста, скажи, что ты шутишь. Я даже имени твоего не знаю. — Невероятно. Если он хоть на секунду подумал, что я прогнусь под него, лучше ему подумать еще раз. Этому не бывать.

Он снова приблизился к моим губам, и я ему позволила.

Инстинктивно, мой взгляд опустился на колени. Он поднял мой подбородок одним пальцем и снова поцеловал. Боль пронзила шею и позвоночник. И опять-таки я позволила ему мягко и тепло поцеловать меня. Огонь и лед сжигали мои губы.

— Я владею тобой, владею девочками и владею домом. Я плачу за все. Ты работаешь на меня. Я плачу тебе и... мое имя Пэкстон. Ты зовешь меня Пэкстон. Конечно, я уверен, ты это уже знаешь, но, эй, давай поиграем в эту игру, да?

Это не было реальной жизнью. Люди так себя не вели. Кем себя возомнил этот парень? В голове роились мысли, но ни одного воспоминания. Я не слышала о нем ничего от медсестер. Его рука ласкала мои хрупкие ребра, а губы снова встретились с моими. У меня перехватило дыхание, когда он принялся водить большим пальцем по моему воспаленному телу. По бедру и боку. Не знаю, сама ли я раскрыла губы или это сделал он, но я определенно почувствовала язык во рту.

— Здравствуйте, миссис Пирс. Как Вы себя чувствуете? — спросил доктор, которого я раньше не видела, прерывая наш поцелуй. Я была в замешательстве. В одно мгновение этот парень источал опасность, в другое — опьянял. Почему я просто не могла вспомнить? Пэкстон сделал шаг назад, оставляя поцелуй на моем лбу. Это тоже было больно. Все причиняло боль.

— Я бы сказала, что бывало и лучше, только не знаю так ли это.

— Да, мы говорили с доктором Мираж. К сожалению, я не невролог. Но я Ваш ортопед. Вы счастливица.

— Мне уже говорили. Как давно я здесь?

— Вы были в медикаментозной коме на протяжении девяти дней. У Вас разорвана селезенка, сломано несколько костей и серьезная травма головы. Сильный отек мозга. Поэтому мы поместили Вас в кому. Мозгу нужно было время на восстановление. Как я и сказал, Вам очень повезло. Все это заживет. Вы все еще живы, только это имеет значение, — сказал доктор, обводя жестом мое тело, указывая на то, что должно было зажить. На все.

После комы мой мозг работал прекрасно. Я помнила все вещи, которыми со слов Пэкстона он владел. Я резко повернула голову к нему и скривилась от боли. Ах. Хватит так делать. Темно-зеленые глаза смотрели в ответ на меня. В его взгляде ощущалась истинная злоба. Я не могла понять, была ли его улыбка самодовольной или подозрительной. Он словно хищник ждал, пока я оступлюсь, чтобы поймать меня.

— Ты сказал девочки. Какие девочки? — спросила я, изогнув резко

брови.

Пэкстон скрестил руки.

— Наши дочери, Роуэн и Офелия.

— Здравствуйте, мы готовы отвезти Вас на сканирование, — сказал медбрат, заходя в палату с девушкой, в руках у которой была карта. Моя карта. Мои предписания.

— Поговорим позже, любимая. Иди лечись, чтобы мы могли отправиться домой, — произнес Пэкстон, подмигивая из-за края стакана с горячим кофе.

Я смотрела на него, пока вывозили мою кровать. Это было неправильно. Это казалось неправильным. Роуэн? Офелия?

— Я не знаю этого мужчину. Не думаю, что он мой муж, — прошептала я медбрату, возвышающемуся над моей головой.

Медбрат наклонился к моему уху, увозя меня дальше по коридору. Запах мужского одеколona достиг моего носа раньше, чем слова моих ушей.

— Давайте хорошенько посмотрим на Ваш мозг. Посмотрим, что там происходит.

Я затаила дыхание, когда поняла, что он не собирался встречать в это. Зачем? Он лишь хотел выполнить свои обязанности. Сделать работу и уйти домой. Я осталась одна, пока не пойму, что делать.

Пэкстона не было, когда я вернулась в палату. Слава Богу. Мне необходимо было время, чтобы разобраться. Понять, что делать. Куда идти. У меня явно где-то были родители.

Поездка на сканирование вымотала меня. После нее я чувствовала себя так, будто меня снова переехал грузовик. Я снова позволила темноте одержать верх, засыпая под монотонный писк. Во сне не было никаких картинок прошлого, ни одного воспоминания о том, кем я была и где жила. Ничего, кроме бессознательной темноты.

Когда я проснулась в следующий раз, за окнами было темно. Я чувствовала раздражение, но не понимала почему. Может из-за того, что невролог так и не пришел, как обещал. Может, потому что чувствовала боль. Болело все. Даже глаза. Может беспокойство появилось от его присутствия. Почему? Почему он был здесь? Почему не мог просто уйти? Наградив его злобным взглядом, я нажала кнопку вызова.

Пэкстон благородно подошел ко мне.

— Я могу помочь тебе. Что нужно?

Я отдернула свою руку от него. Собрав все силы в попытке двинуться. Но один только поворот на бок причинил мучительную боль. Боль,

которую я никогда не испытывала в своей жизни. По крайней мере, я этого не помнила.

Я повысила голос, однако он все равно был слаб:

— Хочу выбраться из этой кровати, хочу знать, что со мной происходит, и хочу, чтобы ты ушел. Вот что мне нужно! — Вялые слова — это все, что я смогла выдать. Мне было больно даже просто повышать голос. Мышцы не работали, а те, в которых была какая-то сила, болели слишком сильно, чтобы их напрягать.

— Серьезно? Слезы? Да ладно! — произнес Пэкстон высокомерным тоном.

Хотелось отшить его, сказать ему, чтобы он проваливал. Слова крутились на кончике языка, но произнести их я не могла. Боль не позволяла.

— Чем мы можем помочь Вам, Габриэлла? — спросила новая медсестра. Она обошла койку, проверяя жизненные показатели и капельницу.

— Мне нужно пописать и что-то от боли.

— У Вас стоит катетер, но я могу дать Вам обезболивающее. Скажите, насколько сильна боль по шкале от одного до десяти.

— Десять, больше десяти. О боже. Дайте мне что-то. Пожалуйста, — взмолилась я. Шея и плечи болели каждый раз, когда я шевелила головой, но я ничего не могла поделать. Боль была невыносима, и думать о чем-то еще я не могла. Хотела, чтобы она просто исчезла.

— Где болит, Габриэлла?

— Не знаю. Везде. Голова, шея, спина, ноги. Везде больно. И мне все еще нужно пописать.

— Я принесу Вам далауадид. Сейчас вернусь.

Я корчилась, как могла, ожидая облегчения, закрыв рукой лицо. Попытки выдать боль из висков не работали.

— Шшш, я с тобой. Расслабься, — раздался мягкий шепот, и теплое тело Пэкстона накрыло меня. Его руки блуждали по моему телу, прижимая близко к себе. — Перестань сопротивляться, Габриэлла. Ты делаешь только хуже. Ты в порядке. Я с тобой, — произнес он тихо, оставляя поцелуи на моей шее. Глупо, но казалось, будто это помогло, словно часть боли рассеялась.

Слезы потекли из моих глаз, и он осушил их поцелуем, успокаивая меня нежными словами. Смешанные эмоции наполняли мое тело, пока я плакала в объятиях незнакомого мне мужчины. Я не знала, что сказать, что чувствовать, что делать — ничего. Я ничего не знала.

Пэкстон чмокнул меня в губы и отстранился. Он вытер большим пальцем слезу с моего глаза, когда я успокоилась, позволяя ему быть моей опорой. Что еще мне оставалось? Не похоже было, что кто-то еще придет мне на помощь.

— Так-то лучше. Разве я не всегда заботился о тебе? А? — спросил он, наклонив голову с улыбкой на лице. Он заботливо гладил мои волосы над повязкой на лбу. Мягкие слова соответствовали нежным прикосновениям.

Я передразнила его тихий тон.

— Это вопрос с подвохом?

Пэкстон фыркнул и отошел, подпуская медсестру.

Мгновенное облегчение наступило, когда она сняла с иглы колпачок и влила обезболивающее в капельницу. Буквально через минуту я словно опьянела, не чувствуя ни боли, ни чего-либо еще. Правда, если только я не шевелилась. Я парила в облаках выше птиц.

— Доктор Мираж сказал, что мы можем снять катетер. Ночью будем использовать утку, а утром попробуем поднять вас.

Тяжелые веки открылись, и я убедила ее, что этого не случится:

— Ни в коем случае. Оставьте его. Я не могу встать, — не было ни единого шанса, что я смогла бы стоять. Я бы упала и точно бы сломала оставшиеся кости.

Медсестра делала запись в карте, висящей в ногах моей кровати, пока говорила:

— Посмотрим на Ваше состояние завтра. Пока не будем об этом беспокоиться. Доктор Мираж не назначит вам ничего плохого. Он один из лучших.

Я слушала ее слова, но они были для меня загадкой. Каждое слово отражалось эхом в моих ушах. Она сказала мираж? Вот что это было. Мираж. Иллюзия. У меня были галлюцинации. Это было единственным логическим объяснением.

Я дернулась от боли, когда медсестра подняла мою ногу. На левом колене не было биндажа, но, тем не менее, оно чертовски болело, когда она пошевелила им. Казалось, будто бедренные кости рассыпались на кусочки. В одном кулаке я сжала простынь, во втором — руку Пэкстона. Я чувствовала, как из тела достали посторонний объект, после чего последовало небольшое облегчение.

Добрая медсестра похлопала меня по голой ноге, объясняя свой план:

— Подожди так секунду, милая. Попробуем положить тебя на утку. Сейчас вернусь, — она прикрыла мою наготу и оставила с Пэкстоном.

На секунду мне показалось, что у меня была самая нереальная из всех

галлюцинаций. Пэкстон поднял мой больничный халат вверх по бедру и провел пальцами по животу. Это точно должна была быть галлюцинация. Другого объяснения не существовало. Это не могло происходить в реальности.

Пэкстон злорадно улыбнулся, расплываясь у меня перед глазами, говоря соблазнительным тоном:

— Девять дней без бритья это долго. Может, нам стоит позаботиться об этом, — я услышала животный рык, исходящий от него; этот похотливый звук раздался одновременно с тем, как его пальцы скользнули в меня. Серьезно?

Мне удалось заговорить, не двигаясь при этом.

— Что ты делаешь? Остановись! — я не могла пошевелиться. Во-первых, я парила выше воздушного змея, во-вторых, было больно даже пытаться. Я могла только лежать там и позволять Пэкстону трогать меня. Этот парень был психом. С его головой было что-то не в порядке.

— Это не единственная вещь, для чего девять дней долгий срок, — произнес он возле моих губ серьезным тоном. Он не двигал пальцами, но и не вытаскивал их, пока в палату не вошли две медсестры с уткой в руках. Не знаю, воспользовалась я ей или нет. Я снова отключилась. Провалилась в темноту, пытаюсь заставить все исчезнуть. Это была не моя жизнь. Это не могло быть моей жизнью. Не с этим мужчиной. Не с Пэкстоном Пирсом. Не я.

Я смутно помню, как просила больше болеутоляющих ночью, и как Пэкстон заботился обо мне. Он лежал со мной на кровати, прижимая к себе, пока я корчилась от боли. Его губы оставляли поцелуи на моей голове, а рука ласкала ноющие ребра.

Солнце светило ярко, когда я в следующий раз проснулась. Отблеск на сияющем белом полу привлек мой взгляд, а потом он. Он все еще был там. Почему? Почему он не уходит?

Встретившись взглядом, мы не разрывали контакт, пока я приподнималась в сидячее положение. Встав, Пэкстон поднес стакан с водой к моим губам. Я сосала через трубочку, приветствуя прохладную жидкость.

Напившись, я отвернулась и обвинила его в том, что знала:

— Я знаю, что ты сделал. Ты трогал меня, — воспоминания были туманны, но я знала, что это произошло. Я чувствовала его руку между ног. Каждой клеточкой тела я знала, что это было реально.

Пэкстон поставил стакан обратно на стол и засмеялся. Настоящим гортанным смехом. Даже его глаза зажглись. Я отвернулась, когда он

наклонился для поцелуя, заставляя его промахнуться. Он оставил поцелуй в уголке моих губ.

— Как я и сказал. Я владею тобой и твоей киской. Трогаю ее, когда и где захочу. Не забывай об этом.

Я уставилась на него, чувствуя себя совершенно подавленно. Это было неправильно. Так не может быть.

— Ты псих. Я не уйду отсюда с тобой, — сказала я с максимальной уверенностью, пытаюсь отстраниться.

— Поговорим позже. Мне нужно ехать на работу. Отдохни, — произнес Пэкстон заботливо, поцеловав меня в лоб. Я смотрела, как он уходит, уставившись ему в спину в... шоке? Неверии? Я была испугана. Этот человек был плохим. Это было неправильно. Я не могла быть замужем за Пэкстоном Пирсом. Ни в коем случае.

Вскоре после ухода Пэкстона мне принесли поднос с яйцами, больше похожими на резину, и чашкой кофе. Откусив холодный тост, я скривилась, глядя на яйца. Жуть. Как и обещала медсестра накануне, я встала, против воли, и сквозь боль прошла на костылях несколько коротких метров до ванной комнаты. Для меня это было больше похоже на футбольное поле. Именно такое создавалось ощущение.

— Мы давали Вам размягчитель стула. Посидите здесь минутку, пока я поменяю Вам постель?

Я держалась за холодный поручень, изо всех сил борясь с болью. По большей части она концентрировалась в груди и правой ноге, которая была покрыта синим ортопедическим аппаратом, выставленным передо мной.

— Не могу, — выдохнула я. Не было ни единого шанса, что я могла бы сделать это. Я едва сидела. Простое мочеиспускание забрало все силы.

— Хорошо, просто расслабьтесь и сидите. Мы поменяем постельное белье и дадим Вам что-то от боли.

Нет нужды говорить, что сидение в неудобной позе на туалете вызвало облегчение номер два. Медсестра стояла прямо за дверью, напевая знакомую песенку, но я не хотела ее помощи. Борясь с болью, я вытиралась, стыдясь попросить помощи. Я пожалела об этом решении, как и о том, что вообще изначально пошла в ванную комнату.

Мне было так больно. Не так сильно, как предыдущей ночью, но близко. Как бы привлекательно не звучала идея горячего душа, я не могла сделать этого. Это было слишком.

— Вы почувствуете себя намного лучше, если с нашей помощью примете душ. Возможно, немного подкраситесь потом для Вашего симпатичного мужа.

— Он мне не муж, — сказала я со злости презрительным тоном, убеждая медсестру.

— Простите. Знаю, для Вас это очень тяжело. Это было неосмотрительно с моей стороны.

Ох, к черту. Ее улыбка и мягкий тон ослабили мою реакцию. Моя напряженность спала, и я расслабилась, но только снаружи. Внутри я все еще была злой, в замешательстве и сытой по горло. Я больше не хотела делать этого. Просто хотелось проснуться и знать. Знать все. Ничто из этого не было правильным. Я не чувствовала себя Габриэлой Пирс. Мелодия, которую напевала медсестра Джули, и то звучала более знакомо, чем эта жизнь.

Казалось, что мое плечо выскочило из сустава, когда я медленно подняла руку. Я снова дернулась, почесав зудящую кожу головы. Волосы были отвратительны, и я внезапно почувствовала себя грязной, но все так болело. Я не могла сделать этого. Раздумья, принимать душ или нет, заняли секунды две, прежде чем я решила.

— Я приму душ, но сначала мне нужно обезболивающее.

— Хорошая девочка, — сказала медсестра, хлопая меня по плечу. Слава Богу, в душе, прямо посередине, было сидение. Стыд, который я испытывала до этого, был забыт. Я была совершенно не против, что она меня мыла. Везде. Имела значение лишь боль. Она была повсюду. Мне необходимо было прилечь. Как бы сильно я не хотела почистить зубы, сил хватило только на то, чтобы провести по ним один раз. В любом случае, это было лучше, чем ничего.

Моя больничная койка казалась прекрасной. Я была чистая, постель была чистая, и мне было в десять раз комфортней, чем после сна. Как только спазмы перестали сковывать мышцы, я расслабилась и закрыла глаза. Дыша сквозь зубы, схватилась рукой за перила кровати, молясь о покое.

— Вы уверены, что мое бедро не сломано? — спросила я между болезненными вздохами. Джули двигала мою ногу как можно меньше, надевая обратно аппарат и закрепляя его на ремнях.

— Уверены. Перелом у Вас здесь, — она указала пальцем чуть ниже колена. — Также сломана лодыжка, — объяснила она.

Я слушала одним ухом, ощущая, как начало действовать лекарство. Я сдалась, как только медсестра прикрыла мои ноги, и уронила голову на подушку.

Прижав руку к правой стороне, я пыталась уменьшить боль в ребрах и груди. Свет над моей головой выключился, и Джули сказала мне отдохнуть.

Я не ответила. Не могла. Все болело.

Ни одной мысли не было у меня на уме. Я больше не боялась. Не думала о своих двух девочках, о муже, которого я не знала, об аварии, которую не могла вспомнить. Единственное, о чем я могла думать, это о боли. Боль одержала верх над всем. Над любой мыслью.

Мои немые крики лишь заложили мне нос. Слезы текли из глаз, и я шмыгала носом, пытаясь облегчить боль.

— Шшш. Все хорошо. Ты в порядке. Я с тобой, детка, — услышала я знакомый и мягкий голос Пэкстона. Перила кровати опустились, и его тело скользнуло на место рядом со мной. На кровать. Я даже не стала открывать глаза. Зачем? Пэкстон лег рядом и притянул меня к своей груди. Не знаю, было ли это из-за него, из-за угла, под которым я лежала или из-за болеутоляющих, но боль уменьшилась. Какова бы ни была причина, я чувствовала себя лучше в его объятиях. Более комфортно, что ли.

Мы не разговаривали. Пэкстон крепко обнимал меня, целуя в лоб. Вот и все. Он делал то, что сделал бы любой порядочный мужчина для своей жены. Он заботился обо мне.

Время не имеет значения, когда ты не знаешь кто ты или где твое место. Позже я проснулась в том же положении. Прижатая к груди Пэкстона. Его тяжелое дыхание подсказало мне, что он спит. Глубоким дельта-сном. Я открыла глаза, но не двигалась. Если не считать боли в задней части колена, я чувствовала умиротворенность.

Ощувив поцелуй на голове, я посмотрела вверх, не поднимая голову.

— Чувствуешь себя лучше?

Глубокий вздох слетел с моих губ, когда я попыталась пошевелиться. Пэкстон не позволил мне. Моему слабому телу было не сравниться с его сильными руками.

— Ты пахнешь лучше и хорошо спала. Я бы сказал, это уже начало. Ты так не считаешь?

— Не знаю. Не думаю, что это правда, — сказала я, как ни в чем не бывало, упершись ему в грудь.

— Я этому не верю, но подыграю. Звучит интересно.

— Ты такая задница. Спорю, наши дети тебя ненавидят.

— Они любят меня. И ты любишь меня. Просто не помнишь пока, но скоро воспоминания вернутся. Тебе многому стоит научиться. Хочешь поиграть в игры? Так играй по правилам, куколка, — сказал Пэкстон, соскальзывая с кровати, аккуратно отодвинув меня от своей груди.

Извиваясь, я села с помощью кровати. Я не знала, что сказать. Как вообще отвечать на подобное? Правила? Что за черт? Я решила

проигнорировать. Избежать всего сразу.

— Где моя мама?

Пэкстон налил воды из розового кувшина мне в стакан.

— А мне, черт возьми, откуда знать? Пей.

Я пила прохладную воду через соломинку, которую он поднес к моим губам, только потому что я хотела пить. А не потому что он приказал.

— Мы женаты шесть лет, а ты не знаешь, где моя мать?

— Ты пришла без матери. Без никого. Сама.

— Как это может быть? У меня точно есть семья. Кто-то ведь родил меня.

— Я — твоя семья. Роуэн и Офелия — твоя семья. Тебе и так хорошо, — Пэкстон усмехнулся, качая пальцем в воздухе по направлению ко мне.

— Ты — идиот.

— А сейчас ты сглупила. Никогда больше не называй меня так или подобным образом. Ты поняла меня, Габриэлла? — спросил меня Пэкстон строгим тоном. Впившись пальцами мне в подбородок, он удерживал его, заставляя смотреть в его глаза, цвета сосны.

— Это должна быть страсть. Другого объяснения нет, — сказала я с ухмылкой. Шея заболела от резкого толчка, но, по крайней мере, он знал, что я не собиралась прогибаться под него, ни на секунду.

Холодное и строгое выражение его лица смягчилось, и он улыбнулся.

— Страсть?

— Да, почему же еще я вышла за тебя? Явно не из-за твоего шарма.

— Ты любишь мой шарм. Нужно лишь вспомнить, как сильно.

— Даже не знаю, что это значит.

— Не волнуйся, я покажу тебе, — успокоил меня Пэкстон, когда меня, наконец, пришел осмотреть доктор Мираж, пока я находилась в сознании. Вовремя. В смысле, доктора же должны знать, что нельзя говорить с пациентом сразу после большой дозы наркотиков.

Пэкстон встал возле меня, взяв за руку. Я попыталась отдернуть, но он сжал ее, удерживая своей. Мне было не справиться с его силой. Не при данных обстоятельствах.

— Как себя чувствуете? — спросил низкий доктор на ломанном английском.

— Лучше, кажется, но я все еще не помню. Что со мной не так?

Доктор Мираж говорил со мной так, будто читал лекцию перед аудиторией студентов-медиков:

— Мозг — очень сложный орган. Хотел бы я ответить на Ваш вопрос.

Понадобилось пять дней, чтобы отек мозга спал. Я решил продержать Вас в коме еще четыре дня после этого. Ваше тело нуждалось в глубоком сне, чтобы исцелиться. Сон помогает восстановиться, срастить разорванными тканям, костям и мышцам, укрепить иммунитет. Я доволен Вашим прогрессом. У Вас несколько глубоких порезов на голове. Вы также очень сильно ударились, но, если продолжите так же прогрессировать, я отпущу Вас домой. Может быть, в пятницу.

Пэкстон сжал мне руку, когда я заговорила. Понятно было, что он сделал это, чтобы заткнуть меня, но я не послушала его. Домой?

— Какой сегодня день?

— Вторник, — ответил Пэкстон.

— Домой? Вы не можете этого сделать. Я ведь даже не знаю своего имени. Вы не можете отправить меня домой с кем-то, кого я не знаю.

— Знаю, это неприятно, но мы можем только ждать. Я видел, как подобные случаи излечивались сами по себе за ночь. Но также видел, как на это уходили месяцы, годы, а иногда и вовсе память не возвращалась. Лучший вариант сейчас — отпустить Вас домой, где есть знакомые Вам вещи. Ваш дом, и я слышал, у Вас есть двое детей. Это лучшее место для Вас сейчас.

— Я не поеду! — Нет. Ни в коем случае.

Глава 2

Я так много раз злила Пэкстона за последние несколько дней. Намеренно. Мне тошно становилось от звука его голоса. Мне было плевать, насколько горяч он был, насколько сложен или соблазнителен. Я не хотела идти с ним. Он не говорил со мной ни о чем важном, например, о детях. Все еще подыгрывал, думая, что я симулировала травму головы. Чертов идиот.

Я устроила достаточно ссор за последние несколько дней, чтобы к нам пригласили социальных работников. Но и они мне не помогли. Пэкстон воспользовался всем своим шармом, когда они разговаривали с нами обоими. Через несколько секунд обе женщины ели у него с ладони. А потом он вежливо уклонился, оставляя их поговорить со мной наедине.

— Этот парень чокнутый. Я не уйду с ним, — заверила я женщину средних лет, указывая большим пальцем на дверь. Боль была слишком сильна, чтобы прилагать больше усилий, чем требовал этот жест.

Более высокая женщина предложила небольшую помощь.

— Мы бы могли навестить Вас, если хотите. Не могу представить, что Вы чувствуете, но я честно думаю, что Вам стоит отправиться домой. Ваша семья — лучшее место.

Это было безнадежно. Я никого не волновала. Никто не видел монстра, которого я в нем чувствовала. У меня не было другого выхода, кроме как уехать с ним. Не похоже, что я могла бы сбежать. Я едва ходила, да и куда мне бежать?

К двум часам дня меня отпустили. С каждым днем порезы и кости заживали, но память не возвращалась. Тело ощущалось более сильным с ой минутой, но разум — нет. Ничего. Мне не за что было уцепиться. Все мои воспоминания — это последние шесть дней. Столько дней прошло с момента, как я проснулась из бессознательной темноты в это. В ад.

Я стояла в палате, осматривая парковку, и ждала. Вот только не знала чего именно. Я не чувствовала себя рядом с Пэкстоном. Не чувствовала себя матерью и определенно не хотела уезжать с ним.

— Готова, любовь моя? Я принес тебе сарафан, чтобы поехать домой. Надеюсь, ты не против, — произнес Пэкстон, словно мы возвращались домой с нашим первенцем. Как гордый отец.

Я медленно повернулась и посмотрела на него.

— Да, все нормально. Можешь позвать мне медсестру?

— Зачем? — спросил Пэкстон, нахмутив брови. Закрыв ногой дверь, он открыл сумку.

Скривившись, я напомнила ему очевидные вещи. Я едва могла сидеть на туалете, а он думал, что я смогу двигать руками и ногами в неудобных положениях. Идиот.

— Я не могу еще сама одеться.

Пэкстон взял меня за руку и помог сесть на кровать, поставив мои костыли у стула. Запах его одеколona витал между нами, когда он убрал волосы с моего лица.

— Как ты думаешь, кто будет делать это дома?

— Нет. Я хочу медсестру. Ты не будешь одевать меня, — сказала я уверенно.

Он провел пальцами по моему лицу и шее, опустив губы к моим. Дыхание застряло где-то глубоко в груди, когда его рука обхватила меня вокруг горла. Но дело было не столь в его хватке, сколько в ледяных словах, раздавшихся у моих губ. Слова были холодными, но произнесены с теплым дыханием.

— Я буду твоей медсестрой. Я буду переодевать тебя и я буду мыть твою киску. Мы уяснили это, детка? Я не особо люблю обсуждать что-либо. Знаешь? — спросил он, усиливая хватку и поцеловав меня.

Да. Я знала. Я точно знала, что он имел в виду. Не раскачивать лодку. Как бы сильно я не хотела воспротивиться ему, поставить его на место, это было не в моих силах. Я вздрогнула и кивнула.

— Это моя девочка, — произнес он, мягко целуя меня в губы. Его хватка на горле ослабла, и он приподнял мой подбородок большим пальцем. Было больно смотреть вверх, но адреналин, пульсирующий в крови, сдерживал меня признаться в этом. Сердце равномерно колотилось в груди, когда он целовал меня. Он провел языком по моим губам, но я не раскрыла их. Я сжимала их в тонкую, ровную линию. Он не заставит меня ответить на его поцелуй.

— Открой. Свой. Рот, — приказал он, целуя меня между словами.

Я хотела сказать ему «нет». Таковы были мои намерения, но это не то, что я сделала. Я опустила челюсть, раскрывая губы для его языка. Все дело было в его глазах. Этих пронзительных, темных глазах. Было в них что-то. То, что пугало меня до смерти. Это был первый раз со времени нашей встречи, когда страх сковал мои кости, по крайней мере, из того, что я помнила. Он меня несколько раз пугал, но не ужасал. Не так.

Пэкстон навис надо мной, целуя, но все же держа за горло. Не уверена, ответила я или нет. Не думаю, что у меня был выбор. Сложно было

не ответить, когда его язык так толкался в мой рот.

Я почувствовала, как развязались на спине ленты моей больничной рубашки, когда он отстранился. Пэкстон стоял передо мной, снимая рубашку с моих плеч. Его глаза блестели от голода, пока он раздевал меня, словно мы собирались заняться любовью прямо здесь, в больничной палате.

Я сидела на краю кровати и наблюдала за его лицом и полными похотью глазами. Он облизал губы и провел рукой по моим затвердевшим соскам. Они встали не от возбуждения, они затвердели из-за холода. Конечно, Пэкстон и его эго приняли это на свой счет.

— Я знал, что ты соскучилась по мне, — сказал он самодовольно, ища взглядом мои глаза. Биение моего сердца ускорилося в тысячу раз, отдаваясь эхом в голове. Своей властью Пэкстон показывал мне, кто главный, ставя меня на место. Где бы оно ни было.

Я не произнесла ни слова — не то, чтобы я могла, даже если бы попыталась. Я не знала, что сказать. Это все равно произойдет, неважно, с моим согласием или без. Пэкстон и его любовь к власти унижали меня с некой элегантностью. Словно это было делом его чести принижать мою гордость.

Его слова были мягкими, с любовью, но в то же время самоуверенными и бессердечными.

— Я так рад, что ты не поранила ничего из этого. Было бы жалко.

Моя грудь представляла собой бледно-черное пятно с серовато-желтыми синяками, так же у меня были множественные царапины и порезы, в основном с правой стороны. Я все еще молчала. Я слушала. Слушала и смотрела. Создавалось ощущение, что все мои бунтарские порывы иссякли. Я боялась его. Боялась того, куда меня отвезут и в какую, черт возьми, жизнь я ступлю.

— Не думал, что этот день когда-либо наступит, — сказал он, признавая факт, говорящий о его намерениях по отношению ко мне. Они не были хорошими. Даже я это знала. Он дотронулся до моей ноги, опускаясь на одно колено. Кружевная ткань щекотала мои лодыжки. Я не двигалась. Стринги? Он поднял взгляд, приказывая глазами, прежде чем я подняла для него ногу. Он потянул белые, кружевные трусики вверх по моим ногам, через массивный аппарат, останавливаясь прямо под коленом. Взяв меня за обе руки, Пэкстон поставил меня на ноги.

Его губы оставили поцелуй на моем животе, когда он встал, натягивая сексуальные трусики мне на бедра. Прижав руку к моей голой попке, он притянул мое обнаженное тело к своей груди. Сила его языка была

достаточным приказом.

— О боже. Простите, — проговорила моя любимая медсестра Джули, стоя в дверях.

Пэкстон засмеялся, отрываясь от моих губ.

— Извините, не смог сдержаться. Я соскучился по ней, — признался он с мягкой улыбкой на лице. Он потянул стринги, и тонкое кружево залезло мне между половинками попы. Один рывок, и он отпустил меня, продолжая одевать. Без лифчика. Только платье.

Джулия давала нам указания на выписку, перечисляя мои препараты Пэкстону, пока тот помогал мне надеть сарафан.

Пэкстон пожал медсестре руку и поблагодарил за все. Взяв мои вещи, он пошел подогнать машину, а я снова задумалась, сказать ли что-то. Попросить о милости... и надеяться, что она прислушается.

— Вы везучая женщина, Габриэлла. Знаю, Вам сейчас сложно это понять, но так оно и есть. С Вами все будет хорошо. Благодарите звезды, что Вы живы и что у Вас есть такой привлекательный муж, который заботится о Вас. Это уже больше чем у многих женщин, приходящих и уходящих отсюда. Мы только что отправили одну, Джейн Доу, в инвалидный дом в куда более худшем состоянии, чем Ваше. Никто не опознал бедняжку. У нее не было любящего мужа, как у Вас. Все образумится. Я умею разбираться в людях. Вы подцепили себе очень хорошего человека, — заключила она.

Хорошо разбирается в людях, как бы не так.

Я могла лишь вздохнуть и поблагодарить ее. Пытаться снова сказать им, что я не хотела ехать, не возымело бы успеха. Я уже пробовала. Несколько раз. Джули вывезла меня через двойные двери к Пэкстону, подъехавшему на стильной машине. Я выгнула бровь, увидев ее.

Господи. Я была богата?

— Что думаешь? — улыбнулся он, указывая рукой на внедорожник жемчужного цвета. Лексус. Вау. Я была богата. Или кто-то был. Предполагаю, Пэкстон.

— Хороша. Это наша машина?

— Твоя. В замену той, которую ты разбила. Тебе нравится?

Как она могла мне не нравиться?

— Да.

Джули остановила мое кресло и прошептала на ухо:

— Видишь. Ты первая. Не многие мужья забирают своих жен на новеньких Лексусах. Береги себя, слышишь?

— Да, спасибо за все, Джули. Я ценю Вашу помощь.

— Всего лишь выполняю свою работу. Берегите друг друга.

Пэкстон помог мне залезть на пассажирское сидение, пристегнул ремень безопасности и поцеловал. Знакомый поцелуй. Он так много раз делал это, что я начала привыкать. Это совсем не волновало меня, и странное, неловкое чувство, которое было ранее, исчезло. Больше не казалось, будто это наш первый поцелуй. Не знаю, значило ли это, что я начала вспоминать, или просто он делал это слишком часто.

Первые полчаса поездки прошли в тишине, никто из нас не произнес ни слова. Пэкстон смотрел вперед, держа одну руку на руле, а вторую — на серой кожаной панели между нами. Мне нравилась мягкая кожа и, если быть честной, я не смогла бы выбрать машину лучше. По крайней мере, один из нас знал мои вкусы. Я была первой, кто сломал лед и заговорил, но только из-за боли. Я не могла больше так сидеть.

— Господи, еще долго, Пэкс?

Он так резко посмотрел на меня, что мне показалось, я услышала хруст шеи.

— Никогда снова не называй меня так. Поняла, Габриэлла? Для тебя я Пэкстон. Пока я не скажу иного, я — Пэкстон.

— Остынь, парень, я спросила из-за боли. Не из-за неуважения.

Машина за нами протяжно просигналила, когда Пэкстон подрезал ее.

Быстрое движение вызвало резкую боль в ноге, когда он направил машину к обочине.

— Я не Пэкс. Я не «парень». Для тебя я Пэкстон. Уяснила это? Не хочу возвращаться к этому снова. Скажи, что поняла. Скажи «да, Пэкстон, я поняла», — приказал он злобным, но в то же время нежным тоном. Тем, который говорил, что он серьезен.

На долю секунды, я подумала, что он ударит меня. После аварии мое тело не смогло бы выдержать еще ударов. Не сейчас. Я послушно ответила, переводя взгляд на колени:

— Да, Пэкстон. Я поняла.

— Это моя девочка. Теперь опусти спинку сидения и отдохни. Впереди еще долгая дорога.

— Да? Где мы?

— Мы в Орландо. Дом в Хадсоне, но ты, наверно, уже знаешь это. И если ты скажешь мне, куда собиралась посреди тропического шторма...

— Я не знаю. Я уже говорила тебе это.

— Да, говорила. По крайней мере, раз десять. Теперь, я уже сказал тебе, опусти спинку сидения и отдохни.

Я сделала, как мне было сказано, нажимая кнопки и опуская сидение

в полулежащее состояние. Мои глаза закрылись, и я втянула полные легкие воздуха, пытаясь успокоить дыхание, расслабиться и облегчить боль в ребрах и груди. Там болело сильнее всего. Прямо в груди и в правом боку. Предполагаю, сломанные ребра.

Я искала ответы, закрыв глаза. Каждый раз, когда я спрашивала о девочках, моих детях, Пэкстон закрывал мне рот. Он ничего мне не говорил о них. Единственное объяснение, которое я получила, это почему он не привез их в больницу. Он не хотел испугать их. Это была его причина. Кроме этого, я ничего не знала. Не то, чтобы я сильно старалась. Я не ощущала себя ничьей мамой. Я даже не просила показать фотографию. Должно быть, я ужасная мать.

Я не шевельнула ни одним мускулом, когда почувствовала, как Пэкстон задрал мой сарафан выше колена, на верхнюю часть бедра. Мой муж был нимфоманом. Его жена почти погибла, а у него на уме был только секс. Не открывая глаз, я задержала дыхание, пока он вел машину, лаская мою ногу второй рукой. Тогда я и заметила, что они были грубы. Пэкстон зарабатывал ими на жизнь. Их грубость царапала мою нежную кожу на внутренней стороне бедра. Это меня немного удивило и мне стало интересно, чем он занимался. Но, конечно, интерес был не достаточным, чтобы спросить.

Огонь начал разгораться внизу живота, когда его рука пробиралась дальше, пока он едва не коснулся меня там. Но он не сделал этого. Он подобрался очень близко, массируя внутреннюю часть бедра вплоть до сгиба, где бедро переходило в пах, но там он меня так и не коснулся. Я ждала, но ничего не произошло. Его большой палец двигался взад-вперед, но только по ноге.

Я увидела через щелочку приоткрытого левого глаза, как машина замедлилась, останавливаясь за фурой. По уличным зданиям было понятно, что мы съехали с шоссе и были уже в городе. Только я не знала в каком. Мое дыхание сбилось, а сердце перестало биться, когда он задрал мое платье еще выше.

Пэкстон сдвинул мои трусики в сторону. Веки задрожали, но глаза я не открыла, ожидая контакта, который так и не произошел. Он не коснулся меня. По крайней мере, не там. Он сильнее отодвинул мою здоровую ногу и шумно выдохнул. Даже через малюсенькую щелочку я видела похотливое желание в его глазах, пока он оглядывал меня. Это унижало меня, но я притворилась, будто ничего не случилось. Я так и не открыла нормально глаза, не признала, что это произошло.

Я знала одну вещь и только одну. Как только смогу, я буду бежать

далеко, очень далеко от Пэкстона Пирса. Я придумаю, найду способ. Мне было все равно на то, что говорил он, что говорили все. Я никак не отношусь к нему и уж тем более не принадлежу Пэкстону. Может раньше, но не сейчас. Уже нет. Я никогда не смогла бы подчиняться этому авторитарному человеку. Я ненавидела этого парня и то, как он окружающими путями показывал мне, кто здесь главный. Это была не я, и я ничего не могла с этим поделать.

На данный момент.

Когда Пэкстон-извращенец отстранился, я через какое-то время задремала. Ненадолго. Сложно было дышать, так как поездка вскоре стала невыносимой.

Сиденье зажужжало, когда я подняла его в вертикальное положение.

— Мне нужно принять что-то, Пэкс...Пэкстон, — пробормотала я, быстро исправившись. Боже, эта боль. Сложно было думать о чем-либо, кроме нее. Тупая боль в пояснице, резкая — между лопаток, стреляющая — в колене. Я не могла больше терпеть. Мне нужно было обезболивающее и место, где можно было бы прилечь. Все равно, где. Где угодно.

Пэкстон переплел свои пальцы с моими и поднес их к губам. Это тоже было больно, достаточно, чтобы втянуть резко воздух и вырвать руку. Только от того, что она не была сломана, не значило, что я могла ее так выворачивать. Господи.

— Прости, не хотел причинить тебе боль. Ты в порядке?

Голова болела у основания шейных позвонков, но я задумалась о причине. Был ли это приступ из-за его очередного раздвоения личности или из-за моей аварии?

— В порядке. Долго еще?

— Около двадцати минут. Скоро ты должна уже начать узнавать окрестности. Вот справа танцевальный класс Роуэн. Одна из твоих границ.

Я ущипнула себя за переносицу, боль была слишком сильна, чтобы отвечать. Я все еще сидела с закрытыми глазами, когда Пэкстон стал указывать на разные ориентиры.

Ничто не выглядело знакомым. Ни одно место. Ни магазин, где он утверждал, я закупалась, ни танцевальная студия, в которую я предположительно отводила дочерей, ни парк, где мы играли. Ничто.

— Помнишь? — спросил Пэкстон, поворачивая направо в очень милый район.

Я принялась крутить головой по сторонам, пока мои нервы накалялись, а интерес усиливался. Как оказалось, мы жили в чрезвычайно милом районе, в глухом переулке с множеством участков. Пэкстон

остановился у знака «стоп» на перекрестке, затем повернул снова направо.

— Мы богаты? — выпалила я, широко раскрыв глаза.

Пэкстон засмеялся, похлопав меня рукой.

— Мы не богаты. Состоятельны, но не богаты. По крайней мере, пока.

— Но у нас хорошие вещи. — Не знаю, почему я это сказала, правда. Бормотание. Вот, что это было. Бессмысленная речь.

— Да, любимая. Мы живем в американской мечте. Выплаты и тому подобное, но это не наш дом. Здесь находились наши дочери, пока мы отсутствовали несколько недель.

— Подожди. Ты просто вот так вот хочешь забрать их? Мне нужна минутка, прежде чем ты их бросишь в меня.

— Брошу в тебя?

— Пожалуйста, — взмолилась я, прося больше времени. Мне, по меньшей мере, нужно было что-то от боли. — Пожалуйста, Пэкстон. Мы можем сначала поехать домой? Мне нужно обезболивающее, и я хочу сначала осмотреться и, эм... привыкнуть ко всему этому... шоку.

— Они ждали две недели. Они соскучились по тебе.

— Знаю. Понимаю. Честно. Просто боль очень сильна. Не хочу, чтобы им показалось, будто я совсем по ним не скучала.

Пэкстон посмотрел вниз на мою руку, лежащую на его предплечье, и сдался. Слава Богу.

— Хорошо, мы уложим тебя сначала в комнате с лекарствами. Я приеду за девочками, пока ты будешь отдыхать.

— Спасибо, — мягко сказала я со вздохом облегчения. Не было ни единого шанса, что я смогла бы притвориться радостной при встрече с ними. Не с той болью, которую ощущала.

Пэкстон развернулся и поехал в обратном направлении, откуда мы приехали. Он остановился на том же знаке на перекрестке и проехал прямо. Наш дом находился на лучшем участке, в тупике улицы с битумной подъездной дорожкой. Двор поразил меня. На территории простирались саговые пальмы вперемешку с африканскими лилиями. Я бы никогда не додумалась до такого.

Подождите. Откуда я это знала? Как я могла знать названия тропических растений, но не помнить собственную семью? Я не понимала, откуда я знала, что ковер из пахучих цветов — это калифорнийская эшшольция. Кто бы захотел иметь такие сомнительные цветы так близко к дому? Стоп. Что? Я собиралась вступить в жизнь, которую не знала, но при этом перебирала цветы в голове.

Что за черт?

— Что это? — спросила я, указывая на здание на расстоянии футбольного поля от дома. Проклятье, это место очаровало меня.

— Маленький коттедж или мой магазин?

— Магазин? — Боковым зрением я видела грузовик, приближающийся к зданию по проселочной дороге, но не повернула голову. Мне было слишком больно, чтобы задумываться.

— Да. Моя работа.

Я схватилась за ручку и сжала ее изо всех сил, пытаюсь не закричать. Боль после двухчасовой поездки была невыносима. Думаете, моего мужа это волновало? Нет, ни капельки. Он повернул и проехал через боковой двор, пока мы не оказались на той же дороге, что и грузовик. Как бы я не хотела, я не произнесла ни слова. Я сжала челюсть и дышала длинными, глубокими вздохами.

Пэкстон опустил окно и заговорил с парнем об очистительной системе и фонтане. Я пыталась прислушиваться. Обращать внимание на детали и вспомнить что-то, но не могла. Боль, пронзающая ногу, бедро и поясницу была слишком сильна, чтобы сконцентрироваться. Или виной была боль в шее? Я не могла понять.

— Привет, Габриэлла. Как себя чувствуешь? — спросил низкий парень на ломанном английском.

— Привет, хорошо. Спасибо, — солгала я с улыбкой. Я была готова плакать. Единственным моим желанием была кровать.

Мужчина постарше улыбнулся, показав мне свои белоснежные зубы, и кивнул.

— Рад слышать. Я видел твою машину. Ты везучая.

— Ты видел машину? — Мой интерес, наверно, был немного выше нужного. По крайней мере, голос уж точно. Я хотела увидеть машину. Может она могла бы вызвать какие-то воспоминания.

Пэкстон не дал своему рабочему ответить. По двухминутной беседе я поняла, что он и над ним имел власть. Этот парень упивался своей значимостью. Пэкстон наградил меня взглядом, который я быстро научилась понимать, как «заткнись», продолжая свой важный разговор. Из их обсуждения я узнала, что Пэкстон занимался ландшафтным дизайном, возможно, что-то связанное с бассейнами и водными установками. Но мне было все равно. Я хотела домой. Где бы это ни было.

Я осмотрела окрестности. Невероятная обстановка. У нас по правде был лучший участок. Он был огромен, и, хотя я не видела, я знала, что задний двор выходил на океан. Я ощущала морской бриз на своем лице, чувствовала его в воздухе и слышала на расстоянии. Волны плескались о

берег. Срань Господня. Я жила у океана.

Но мое восхищение было не долгим, пока боль не пронзила спину. Я не знала, о чем говорили Пэкстон и парень, которого, как я поняла, звали Тони. Я не знала, как выглядела остальная часть района. Знала только то, что боль была адской, и мне необходимо было отдохнуть.

Как бы я ни старалась держать рот закрытым и позволить Пэкстону объяснить, что он хотел видеть сделанным на объекте, я не могла. Больше ни секунды.

— Пэкстон, пожалуйста, — взмолилась я едва слышно. От силы, с которой я сжимала ручку двери, костяшки стали белыми.

Пэкстон посмотрел на меня и повернулся обратно к Тони.

— Я позвоню тебе позже. Постарайся выполнить работу у Ботлеров завтра, чтобы в понедельник утром мы могли начать у Веллингтонов. Тот камень уже привезли?

— Пэкстон! — взмолилась я снова. Должна была.

— Хорошо, хорошо. Я позвоню тебе позже, Тони.

Пэкстон поехал обратно к нашему дому и припарковался в гараже на три машины. Даже гараж был блестящий. Чистый. Все лежало на своих местах. Мои пальцы стучали по консоли между нами, пока Пэкстон доставал мои костыли с заднего сидения. Эмоции смешались с болью, и сердцебиение ускорило от ожидания.

— Ты взял мою сумку с лекарствами? — спросила я. Это было все, чего я хотела. Какое-то обезболивающее и место, где можно было бы прилечь.

— Да, я уже сказал, что дам его тебе, когда мы приедем домой. Тебе не нужно волноваться об этом.

Ему легко говорить.

Я еле вылезла из машины, задержав дыхание и волоча за собой негнущуюся ногу.

— Я взрослая. Думаю, могу сама позаботиться о своих лекарствах, — рявкнула я. Пэкстон не двигался, а значит и я не могла.

— Я позволю этому остаться безнаказанным, потому что ты испытываешь боль. Не делай этого больше.

У меня не было сил препираться. Плевать. Мне было все равно, кто будет давать их мне. Я только хотела получить препараты. Мне не хватило выносливости осмотреть дом. Я знала, что из гаража мы вошли в кладовую. По одну сторону находились стиральная и сушильная машины, посередине комнаты стояла лавочка из синих и белых стропил и четыре кабинки с нашими именами — конечно, начиная с имени Пэкстона.

Розовые и белые сандалии стояли на полке под крючками, на которых висели белые курточки. Срань Господня! Это все — правда.

Я была матерью.

Следующая дверь вела на огромную кухню. В стиле Cribs или подобном, а рядом открытая столовая, переходящая в гостиную, в которой было еще больше признаков маленьких девочек. На столике лежала раскраска Барби с сумкой в виде сэндвича доверху набитой карандашами. Дешевая игрушка из МакДональдс, зеленый свисток и розовый пластиковый браслет со звездочками.

Пэкстон поставил мою единственную сумку на пол и убрал вещи на свое место, в ящичек под красивым буфетом. Изящным. Из блестящего черного мрамора или чего-то подобного. Он был великолепен и полностью совпадал с остальным декором.

— Ну как? Хотя что-то из этого кажется знакомым? — спросил Пэкстон, доставая баночку с обезболивающими из моей сумки. Спасибо Господу Всевышнему!

Я оглядела комнату, но была раздражена как никогда. Мне было больно. Так больно, что я едва могла стоять. Хорошо, что у меня были эти чертовы костыли. Что-то должно было поддерживать меня.

— Пэкс, мы можем заняться этим позже? Может не тогда, когда я готова упасть в обморок и удариться о пол? — Я даже не задумалась об имени. Я ни о чем не думала, и не хотела. Хотела только, чтобы боль ушла.

— Значит, снова? Начинаем все заново? С начала?

Мое правое плечо немного расслабилось, пока я смотрела на него так, будто он говорил на французском. На диалекте, которого я не понимала.

— Что? — спросила я серьезно, пытаюсь сделать так, чтобы выражение моего лица соответствовало тону.

Пэкстон сделал два шага ко мне, жесткие линии пересекали его нахмуренный лоб. Я закричала от боли в нижней части спины, когда он обхватил меня рукой и притянул к себе. Ублюдок. Я была вынуждена закинуть руку ему на плечо, когда он выбил костыль из-под меня. Этот жест выбил воздух из моих легких, настолько было больно. Боль началась у меня в колене и пронзила бедро. Костыль упал на пол с громким стуком, а его рука запуталась в моих волосах у основания шеи. Он не дернул, скорее, сжал волосы в кулак. Это способ Пэкстона быть нежным со мной.

— Я знаю, что тебе сейчас больно. Поэтому я прощу тебе на этот раз. Но назовешь меня Пэксом снова, я обещаю, что преподам тебе урок. Такой, что ты никогда не забудешь, — произнес Пэкстон жаркие, угрожающие слова мне на ухо.

Я хотела спросить почему, но он остановил меня своими губами.

— Нет, нет, детка. Ты говоришь, когда я разрешаю тебе, — пропел он глубоким, темным, сексуальным тоном. Нет, не сексуальным. Господи. Теперь я бредила. В этом мужчине не было ничего сексуального. Кроме, разве что, его улыбки, и возможно того, как он носил джинсы, и того, как его грудь ощущалась напротив моей. Ох, ради Бога.

Мой взгляд пронзил его, но я молчала. Не потому, что боялась его угрозы, а потому что не могла противоречить. Не в тот момент.

Вместо спора, я взмолилась.

— Могу я просто прилечь ненадолго?

Пэкстон продолжил целовать меня, сопровождая поцелуи нежными, любящими ласками и холодными словами. Одной рукой он сжал мою попу, толкаясь бедрами в мое разбитое тело, другой рукой потянул на волосы. Идиот.

— Иди в кровать. Я сейчас приду.

Пэкстон держал меня за руку, пока не убедился, что я правильно взяла костыль. Глазами я поискала свою комнату, надеясь, что это не был лофт наверху. Я бы не смогла подняться по этой лестнице.

— До конца по коридору. Спальня на первом этаже, — сказал Пэкстон, переводя взгляд с меня на двойную белую дверь. Кивком он указал мне, куда идти, и я поковыляла туда. Как бы сильно я не хотела вспомнить, кем я была и почему вышла за такого, как Пэкстон, я не осматривалась. Даже когда открыла дверь в большую комнату с королевской кроватью посередине. Там я тоже не осматривалась. Пошла прямо к кровати и легла, позволяя костылям удариться друг о друга и упасть на пол.

Кровать была мягкой, накрытой белым пушистым одеялом, и я утонула в нем, наслаждаясь облегчением, когда напряжение в теле спало. Повернувшись на бок, я закрыла глаза, дыша длинными и глубокими вздохами, стараясь унять боль. Меня не должно было быть еще дома. Они не должны были выписывать меня из больницы. Приближалась ночь, и я знала, что она будет недоброй.

Я туманно помню, как приняла от Пэкстона две таблетки. Знаю, что проглотила их, запив стаканом воды, знаю, что Пэкстон накрыл меня покрывалом и поцеловал в лоб. И все. Дальше темнота — это последнее, что я запомнила. По крайней мере, она была мирной.

Глава 3

Мои глаза открылись навстречу темноте. Плотные, цвета морской волны шторы не давали свету просочиться в комнату. Для начала я оценила боль. Большая ее часть исчезла. По крайней мере, стреляющая боль в бедре и нижней части спины отступила. Ребра и грудная клетка немного болели, но терпимо.

Упираясь в матрас рукой, я смогла сесть, моргая от мутности, я искала взглядом ближайшую ванную. Боль стала почти невыносимой, когда мне пришлось наклониться за костылями. Никогда не повторю этого. Нужно ставить их рядом, а не бросать на пол.

Я проковыляла к двери, открыла ее и осмотрела пространство.

Такая красивая ванная и все же она меня смущала. Незнакомая косметика, парфюмы и украшения застилали прекрасный туалетный столик у стены. Воплотившаяся в реальность мечта любой девушки. Душевая была достаточно большой, способной уместить пятерых человек, в ее центре установлена скамья, на которую было направленно множество распылителей. Я предвкушала эти роскошные ощущения.

Скривившись, я опустилась на унитаз, следя за тем, где ставила костыли. Я не ощущала тонкие стринги, пока не стала спускать их вниз по бедрам, вытягивая тонкую полоску из ягодиц. Я не чувствовала себя в них комфортно. Ничто не ощущалось комфортным. Глубокий вдох и поднятые к потолку глаза уберегли меня от слез. Стараясь держаться и не потерять контроль, я решила думать о чем-то другом. Это было необходимо. По крайней мере, пока я не решу, что делать. Это не могло быть моей жизнью.

Мне понадобилось почти пять минут, чтобы надеть трусики назад и встать, и, как только я это сделала, боль прекратилась. Но дорога сюда меня просто убивала.

Смыв туалет, я вернулась в комнату, которая также была мне чужой. Я бы никогда не смешала темно-синий с белым. Мне нравились светлые тона. И цвета земли, например, коричневый и зеленый.

Мое удивление стало еще больше, когда я открыла дверь в гардеробную. Восхитительно. Вдоль одной стены выстроились белые полки, наполненные сложенными джинсами, обувью, сумочками и футболками. Красивые платья с разными ансамблями аккуратно висели по другую сторону. Я вытаращилась на несколько вечерних и огромное количество повседневных платьев, сарафанов, платьев в пол и сандалий

всевозможных моделей и цветов, наполняющих комнату. Как только я включила свет, все исчезло, все, что было в гардеробной. Я не видела ничего, кроме себя.

Круглые белые лампы обрамляли зеркало в полный рост. Нечто подобное можно увидеть в голливудских гримерных. Но не это привлекло мое внимание. Его центром был призрак, стоящий передо мной. Я выглядела слабой и разбитой с впавшими глазами — потерянная душа, которой некуда идти. Я знала, что это было неправильно. Ощущения были неправильными. Я не принадлежала этому месту. Некоторые люди проживают свои жизни с чувством пустоты, но я чувствовала себя потерянной. Я была потерянним звеном, сломанным, которое никуда не подходило. И снова я переключилась на что-то другое... как всегда учила меня мама.

Подождите. Моя мама? Откуда я знаю это?

Выключив свет, я обдумала свое внезапное озарение. Оно было реально. Это предчувствие было реальным, но не ясным. Я знала, что меня учили не расстраиваться, фокусироваться на чем-то другом. Чем-то счастливым. Однако меня не учили, как делать это при отсутствии воспоминаний. Мое самое раннее воспоминание было о куче медсестер, большинство из которых были безымянными. Я не видела их часто, чтобы запомнить, или они меня недостаточно волновали, чтобы пытаться выучить их имена. Я даже не могла запомнить свое имя, находясь в больнице.

Мое замешательство усилилось, когда я открыла длинный ящик комода. Все внутри было моим и ничего его. Женственные бюстгалтеры и соответствующие им стринги различных цветов были аккуратно сложены там. Черного было не много. Мне же казалось, что я предпочитала черный. Что? Это правда? Признаков Пэкстона в комнате не было. Ни единой мужской вещи. Ни одной. У нас были отдельные комнаты? Учитывая факт, что Пэкстон был извращенцем, это удивило меня. Вау. Мы не жили в одной комнате, и это меня радовало. Должна признать, это был один из моих страхов, когда у меня не было другого выбора, кроме как поехать с ним. Я не хотела спать с ним в одной кровати, и все же это было странно. Хотя все происходящее было странным. Я пожала плечами, сопровождая жест тяжелым вздохом, и попыталась открыть двери шкафа. Двойные двери и все четыре ящичка были заперты.

— Ключ у меня. Не думаю, что ты уже готова к этому. Возможно позже.

Я повернула голову к двери, к Пэкстону. Моему мужу. Он облокотился

на дверной косяк, скрестив руки и лодыжки. Баскетбольные шорты скрывали длинные босые ноги. Та тень, на которую он был похож ранее, сменилась на аккуратно выбритого и приветливого мужчину. Видимо так он выглядел обычно. Ему шло.

— Что в нем?

— Увидишь. Они ждут. Не могу сдерживать их дольше.

— Эм, хорошо, — сказала я писклявым голосом, внезапно разволновавшись. Облокотившись на костыли, я помолилась о том, чтобы не облажаться и суметь сыграть их мать так, чтобы они не заметили обман. Долгий вдох наполнил легкие, и я задалась вопросом, должна ли притвориться, что помню их.

Пэкстон расправил руки и помахал им.

Мои губы приподнялись в фальшивой улыбке еще даже до того, как я их увидела. Но когда мой взгляд упал на них, она исчезла, сменившись замешательством. Младшая выглядела как мини я — мягкие черные волосы, ровные по всей длине, за исключением кончиков. Они завивались, как и мои. Ее глаза имели такой же сероватый оттенок, как и у меня. У нее был мой естественный темный оттенок кожи и мои длинные ноги. Разница в росте между девочками была минимальна. Меньше даже пяти сантиметров, и я без сомнения почувствовала, что та, что повыше, была младшей. Она была наша с Пэкстоном. В Офелии я видела больше себя, но и его черты тоже были заметны. А в Роуэн — нет. Она была моей, но не знаю, чьей еще.

Растерянная, я перевела взгляд к холодным глазам Пэкстона, затем обратно на девочек. Роуэн была на капельку ниже с длинными, цвета меда волосами, ярко-голубыми глазами и бледной кожей. Ее глаза были цвета океана — бирюзовые, ближе к голубому, с жемчужным отливом. Они смотрели на меня с ноткой незащищенности, заставляя подавить смешок. Я принадлежала этому месту. Я сознательно чувствовала связь — я связана с ними. Неважно откуда это взялось, я связана с ними. Моими Клайдами.

Подождите. Что? Клайдами?

— Подойдите сюда, — прошептала я самым милым голосом, каким только могла. Они обе поспешили ко мне с мгновенно появившимися улыбками и обняли, просовываясь между моих костылей и обхватывая руками ноги. Я несомненно была влюблена.

— Папочка сказал, ты не вспомнишь нас. Он сказал, что Бавария заставила тебя забыть, — пролепетала моя маленькая блондиночка, и мое сердце защемило. Самый сладкий и ангельский звук, который я когда-либо слышала, слетел с ее губ.

Даже смех Пэкстона был настоящим. Не наигранным, к которому я уже успела привыкнуть.

— Авария. Авария заставила ее забыть. Не Бавария, — прояснил он.

— Я так и сказала.

— Я никогда бы не смогла забыть вас. Но, тем не менее, мне сложно вспомнить некоторые вещи. Так что вам придется помогать мне, хорошо? — спросила я, гладя ее мягкие волосы.

— И меня тоже, да, мамочка? Ты знаешь меня тоже.

Желание упасть на одно колено и обнять их обеих исчезло, как только я подумала о нем. Я ни за что не встану, не без упаковки сильного наркотика. Вместо этого я приподняла пальцем ее подбородок.

— Конечно я помню тебя, Фи.

Офелия захихикала и наградила меня широкой, зубастой улыбкой, пока веселое выражение лица Пэкстона изменилось. Оно за долю секунды прошло путь от демонстрации широкой улыбки до ярости. В чем дело, парень?

— Мы помогли папочке приготовить твой любимый ужин, — заявила Роуэн, восторженная из-за причастия к готовке. Мое сердце до краев наполнилось любовью, когда они обе взяли меня своими маленькими ручками за запястья и повели к столу. Они мешались под ногами больше, чем что-либо еще. Я едва могла переставлять костыли, но ничего им не сказала. Они так гордились, что помогали мне.

Я ковыляла и остановилась у двери, пропуская их вперед. Мой взгляд упал на Пэкстона, и он улыбнулся. Шоу для девочек, подумала я, а затем поняла. Выражение его лица было холодным, как ледяные узоры на окне. Как только девочки опередили нас, он поставил ногу передо мной. Боль мгновенно пронзила ребра, выбивая из меня воздух, когда тело было вынуждено согнуться в талии.

Пэкстон помог мне, положив руку на спину, когда заметил гримасу боли на моем лице из-за неожиданного рывка. На долю секунды я подумала, что увидела сожаление в его глазах. Его голос был насмехающимся, губы близки к моим.

— Ее зовут Офелия. Помнишь? Она была названа в честь моей бабушки. Офелия Пирс. Что-то напоминает? «Мейфлауэр»? Она была пассажиром на «Мейфлауэре». Сопровождала вдовца.

— Пойдем, папочка, — позвала Роуэн.

Я посмотрела ему через плечо, чтобы увидеть их, моих девочек. Они обе смотрели на нас в ожидании.

— Если твоя бабушка приехала сюда на «Мэйфлауэре», то тебе должно

быть, по крайней мере, лет триста. Очень сомневаюсь, что это был «Мэйфлауэр». Хотя, ты можешь быть вампиром. Это бы все объяснило.

— Этот язык накличет на тебя проблем. Возвращаются старые воспоминания, да? — Его губы встретились с моими, и язык погрузился внутрь. Один стон и быстрый поцелуй, и он позволил мне пройти.

— Троль, — пробормотала я себе.

— Прости?

— Ничего.

Он был словно троль. Троль, который говорил мне, где я могу переходить мост, какой мост мне дозволено пересекать и как долго. Я, должно быть, была сумасшедшей, когда согласилась выйти замуж за этого человека. Может тогда у меня тоже была мозговая травма?

— Смотри, мама, это твоё любимое, — заявила Роуэн, драматично раскрывая руки и обводя жестом стол. Посередине стоял салат, и три крытых блюда окружали его.

— Ммм, я люблю салат, — сказала я с улыбкой и погладила её длинные светлые волосы.

Роуэн хихикнула, показывая мне свою белозубую улыбку. Не идеальные, но белые. Искривленный зуб над верхней губой поддерживали брекеты. Языком я поискала такой же изъём. Ничего. Ровные, насколько это вообще возможно.

— Не это твоё любимое. Оно там, глупенькая, — объяснила она, указывая на третье крытое блюдо.

Пэкстон поднял крышку со средней сковороды, улыбаясь. Его улыбка была не такой милой, как у Роуэн. Ах. Я ненавидела курицу.

Подождите. Ненавидела?

— Мое любимое — курица? — спросила я, пока Пэкстон выдвигал стул и забирал мои костыли. Опираясь на край стола для поддержки, я села, чувствуя пронзившую ногу боль.

— Папа приготовил её на гриле, — сообщила Офелия. Я сжала губы, стараясь не скривиться. Мне не нравилась курица. Это, черт возьми, точно. И, оказывается, Пэкстон тоже это знал. Или так, или он всегда был таким самодовольным.

Я ела все вокруг курицы — поклевала салат, рис и спаржу на пару, слушая рассказы девочек об их жизни, пока меня не было. Я пропустила много. У Роуэн выпал первый зуб. Передний снизу. Она открыла счет в детском бейсболе и поцарапала коленку. Она даже показала мне доказательства. Офелия была так же занята. У неё была ранка на локте. Она не открыла счет, потому что упала, и настаивала, что тоже потеряет

зуб, когда ей исполнится шесть.

Я несколько раз закусывала губу, пытаясь сдержаться от смеха. Пэкстон исправлял их произношение, тоже скрывая смех, кусая курицу с кости. Фу. Насколько голодной я была, я все равно не смогла бы съесть это. Даже не коснулась ее.

— Мы покажем тебе книгу. Это книга с картинками, так что ты вспомнишь, — объяснила Роуэн.

Пэкстон убрал ее напиток от тарелки и поправил на правильное «вспомнишь». Лично мне больше нравилось «вспомнишь».

— Какая хорошая идея, — ответила я. Может это поможет. То есть, нельзя же забыть собственных детей, правильно?

А вот и нет. Пэкстон повел их в ванную, а я сидела на диване и ждала их. Пусть я чувствовала себя лучше, но сделать большее не могла. Пройти несколько шагов и сесть. Это быстро стало моим образом жизни.

— Думаешь, сможешь хотя бы расчесать их? — спросил Пэкстон тоном, который я не поняла. Он ненавидел меня.

— Ты женоненавистник до мозга костей или я удостоилась особенной чести?

Пэкстон оказался на диване возле меня в мгновение ока. Его рука обхватила мою шею, лицо выражало злость. Сжав мне челюсть, он рассказал, как обстоят дела. Снова...

— Ты нарываешься. Я ни на грамм не верю в это дерьмо. Ты полна дерьма. Думаешь, я не уловил твой взгляд? Выражение лица, когда ты заметила насколько они разные? Я видел, Габриэлла. Ты облажалась. Актерство — не твой талант. Почему бы тебе не быть маленькой хорошей шлюшкой и сказать мне, где ты была. Почему ты была так далеко от дома?

Я открыла рот, начиная говорить, но Пэкстон остановил меня.

— Нет, нет. Шшш. Просто делай, что сказано, и закрой рот. Сейчас же! — произнес он злые слова напротив моих губ.

В том затруднительном положении, в котором я оказалась, мне не оставалось ничего, кроме как послушаться. По крайней мере, пока не выясню, кем я была. Не таким человеком. В этом я была уверена. Я могла лишь повиноваться и ждать. Но чего ждать, я не знала. Памяти, а затем выхода. Роуэн и Офелия улучшали ситуацию. Я мучилась, расчесывая золотые локоны Роуэн, пока она сидела у меня между ног. Если я использовала правую руку — болело запястье. Левую — плечо.

— Я могу помочь тебе, мамочка, — предложила Офелия ангельским голоском. Она забрала щетку из моей руки и села на пол. Роуэн села перед ней, скрестив ноги. Это было первое предчувствие чего-то очень яркого.

Две маленькие девочки сидели так же, как Роуэн и Офелия. Их наряды были одинаковы — белые сарафаны на естественно темной коже, наверно, средиземноморских корней. Они выглядели одинаково. Совершенно одинаково.

— Что случилось? — спросил Пэкстон. Видение маленьких девочек исчезло, когда я моргнула.

— Ничего, я просто...

— Принесите те две книги, о которых мы говорили, — сказал Пэкстон девочкам, перебивая меня на полуслове. Он склонился через спинку дивана, положив руку мне на волосы, и поцеловал в шею. — Если только ты не хочешь прекратить это дерьмо и сказать мне, где была, я не хочу ничего слышать. Мне плевать.

Я не ответила. Знала уже, что он не ждал ответа. Пэкстон провел рукой по моей груди и ущипнул, заставляя соски затвердеть под блузкой.

— Не могу дождаться, когда искупаю тебя, — прошептал он при следующем щипке. Без спроса сорвавшийся стон был вызван болью, а не возбуждением. Пэкстон поцеловал меня в щеку и отстранился, когда вернулись девочки, неся фотоальбомы.

Волнение загло мою нервную систему, посылая мурашки по позвоночнику. Я попыталась проглотить сухой ком, однако он застрял еще сильнее.

— Вы, девочки, помогите маме вспомнить, пока я приберу на кухне. — Он ткнул Офелию в бок, проходя мимо. Я засмеялась, но не с него. С нее. Она упала на колени на пол, чтобы избежать его прикосновения. Прямо как я. Я тоже ненавидела щекотку.

Правда?

— Я первая, — сказала Роуэн, скользя своим маленьким тельцем рядом со мной. Я почувствовала запах клубничного шампуня в ее влажных волосах и запах лаванды от ее летней пижамы. Мммм. Люблю лаванду. Я даже не собиралась спрашивать почему. Слишком много было таких вещей, предчувствий, которых я не понимала. Я знала разные вещи, но неизвестно откуда. Например, любовь лаванды и ненависть щекотки.

— Нет, я буду первой. Папа! Ты говорил, что я могу! — оцетибилась Офелия, плюхаясь на пол с пронзительным криком. Господи. Милая и очаровательная, разразившаяся истерикой. Пэкстон посмотрел на меня, и я вернула ему взгляд. Если он считал, что я знала, что делать, он безумен. Я не знала. Опустившись на одно колено, он погладил ее по животу.

— Эй, мы только говорили об этом. Ты не получишь желаемое с помощью истерик. Ты не можешь кричать, когда злишься.

Офелия успокоилась, но продолжила хныкать.

— Но я уже сделала это.

— Знаю, и мне это не нравится. В следующий раз будешь наказана. Хорошо? Вы можете по очереди переворачивать страницы, вместе.

Я смотрела, как он поднимает ее и легонько шлепает по попе. Подняв ее альбом, он дал ей возможность сесть возле меня. Я заправила ее пижаму и прикрыла босые ножки, затем расслабилась, откинувшись на спинку дивана. Мое сердце растаяло от любви.

— Можешь открыть сначала свой, Роуэн, — предложил Пэкстон. Его строгий взгляд на Офелию заставил ее сдерживать плач, которым она готова была разразиться. Тихонько хныча, она свернулась у меня под рукой. Я обняла ее, прижав поближе, и поцеловала мокрые волосы, свежий запах клубники и лаванды удовлетворили мое обоняние.

Роуэн улыбнулась мне с блеском в бирюзовых глазах.

— Это — когда я была маленькой, — начала она, открывая альбом. На больничном фото была она, Пэкстон и кто-то, кто не был мной. Сногсшибательная блондинка держала ее на руках. — Это моя первая мамочка, но она ушла.

Мой взгляд перескочил на альбом Офелии, когда та настояла, что наступила ее очередь. Я посмотрела на первую страницу, все еще с мыслями о Роуэн, и увидела новорожденного. Я держала ее на руках, пока Пэкстон держал Роуэн. У Офелии было больше волос, чем у нее, но я понимала, что это была Роуэн. Белый пушок торчал на ее маленькой головке. Они были почти одного возраста. Максимум год разницы.

Выражение лица Пэкстона на обеих фотографии было несравнимо. Он был влюблен в блондинку и новорожденного в альбоме Роуэн. Он был влюблен в Роуэн и Офелию во втором альбоме. Не в меня. Несколько последующих страниц были подобными... до полугодового возраста. Фотографии счастливой семьи сменились фотографиями меня — новой мамы.

Они значительно отличались от предыдущих фото, где Пэкстон обнимал девушку на каждой фотографии, и если его губы не целовали Роуэн, то они целовали ее. Роуэн была не моей. Роуэн была Пэкстона и ее. Кем бы она ни была. Я не решалась спрашивать Роуэн, не зная, какой будет реакция Пэкстона. Решив спросить позже его самого, я сдержалась. Уверена, девочки пережили достаточно. Их мама ушла посреди шторма и не возвращалась две недели.

Шторма?

Вместо того, чтобы раздумывать, я разглядывала фото. Ничего. Я

ничего не вспоминала. Ни вечеринок в честь их первых дней рождений, ни людей на них, ни первых шагов, ни первых па, ни стрижек — ничего. Не помнила ни единой вещи. Мы много времени проводили семьей, но не так, как хотелось бы. Были фотографии Пэкстона и девочек или меня и девочек. Но ни одной фотографии, где были бы мы вчетвером, за исключением тех, где девочки разделяли нас. Эти фотографии не были похожи на те, что были с блондинкой. Никакого физического контакта между нами. Ни прикосновений, ни объятий, ни поцелуев.

Я совершенно не понимала этого. Этот мужчина не мог пройти мимо меня без поцелуя или касания, но на фото все по-другому. Ни единого доказательства этого притяжения.

Мне нужны были ответы независимо от злости Пэкстона. Были вещи, которые он обязан был рассказать мне. Например, это. Не могу поверить, что он не сказал мне, что Роуэн была от другой женщины. Я бы никогда не догадалась. Даже мысли бы не закралось. Инстинкт защищать ее и любить был таким же сильным, как и по отношению к Офелии. Я не понимала. Мне стало грустно, только не знаю отчего.

Я лгала девочкам каждый раз, когда они спрашивали меня, помню ли я то или иное. Например, когда Пэкстон учил их ездить на двухколесных велосипедах на улице перед домом. Я предположила, что раз меня не было на этих фотографиях, значит я их делала. Их было много — от фото плавания в океане до чайных вечеринок. Банкеты отцов и дочерей. Спорт. Дневной лагерь. Выходы в парк. Дисней Уорлд. Эти девочки в пять лет видели больше чем многие за всю свою жизнь. Мы были загружены.

Я не могла оторваться ни от одной из них весь остаток вечера. Если я уходила в туалет, они ждали снаружи. Если ковыляла на кухню за водой, они шли за мной. Даже когда пришло время спать, они молили о разрешении поспать со мной. Конечно, Пэкстон не разрешил. Они согласились, когда он объяснил, что они могут ударить меня и причинить боль. А они этого не хотели.

Я поцеловала их обеих на ночь, наклонившись на костылях и желая большего. Хотелось лечь рядом с ними, почитать сказку и сказать, как сильно я люблю их. Но из-за неусыпного взгляда Пэкстона, я не позволила своему голосу стать слишком мягким или вовсе заговорить по-детски, хотя и хотелось.

Пэкстон последовал за мной в холл, говоря девочкам, что вернется, чтобы почитать им. Я тоже хотела сесть и послушать, чтобы просто быть рядом, но снова я промолчала. Я была не в форме для споров. Без сомнений, я бы проиграла. В любом случае, не многое можно было

сделать. Я все еще пыталась понять, что за брак это был.

— Не раздевайся. Я сам хочу это сделать, — прошептал он, целуя меня в шею под ухом.

— А что, если я не хочу?

— Не важно. Иди к себе в комнату. — Его язык проник мне в рот и на этот раз, мне показалось, что я могла поперхнуться.

Хихиканье двух девочек, прикрывающих рот рукой с трясущимися плечами, раздалось в холле.

Ах! Несмотря на этот жуткий поцелуй, который я только что пережила, эти малышки были чертовски милыми. Я засмеялась слегка, но всего на секунду.

Роуэн прервала веселье замечанием:

— Папочка любит мамочку.

Офелия последовала примеру сестры и встряла:

— П-Ц-Л-Й, — пропела она, пытаясь произнести по буквам «поцелуй». Она упустила несколько букв. Пэкстон отпустил меня и пошел к ним, заставляя их неистово кричать. Улыбнувшись, я продолжила свой путь. По крайней мере он хорошо к ним относился. Это что-то, да значит. Не знаю что, но значит.

Уставшая, я была готова лечь и отдохнуть, все еще не имея возможности осмотреться. Исследовать дом. Я знала, обе комнаты девочек были украшены девичьими вещами. Аккуратные и чистые. Мне понравилась открытость гостиной и столовой, а также кухни. О мой Бог. Это была мечта шеф-повара, если вам такое нравится. Мне казалось, я была не лучшим поваром. И, кроме ванной и моей комнаты, я больше ничего не видела. Я была вымотана и все же приятно взволнована. Взволнована из-за ожидания приема ванны.

Глава 4

Я доскакала к стене со шторами и остановилась, чтобы поправить костыль, упирая его в левую подмышку. С тяжелым вздохом я выглянула в окно на солнце, готовое поцеловать океан. Мне сразу открылся вид на бассейн, находящийся прямо за дверью моей комнаты, огражденный двор и деревянную детскую площадку с двумя качелями и витой горкой. Дом действительно был лучшим во всей округе. Уверена, мы владели, по меньшей мере, четверть, а может и пятью участками. Ну, Пэкстон владел ими. Не знаю, что было моим. Явно не Роуэн.

Плечо заболело, когда я подняла руку, но это не остановило меня от массажа висков. Голова болела сильнее плеча. В большей степени из-за неведения: почему мой муж был моим мужем, почему я появилась в жизни Роуэн, когда ей было шесть месяцев, или почему Пэкстон считал, что кто-то будет лгать о подобных вещах. Кто имитирует травму головы? Я была разбита. Фотографии моей жизни с девочками ничего не прояснили, лишь больше запутали меня. Я знаю, что на них была я, и все же так не казалось. Я не помнила этого. Ни одной фотографии.

Я слышала, как Пэкстон открыл и закрыл дверь, затем подошел ко мне, но я не двигалась. Мои ладони вспотели, а сердцебиение было слышно в ушах, но я не показывала страха. Хотя, возможно, и стоило.

— Красиво, не так ли? — спросил он любящим голосом, обнимая меня и целуя в шею. Я вздрогнула от его прикосновений и попыталась отойти. Он сжал меня сильнее и продолжил целовать.

— Не думаю, что могу уже заниматься сексом, — резко подметила я.

Пэкстон прижал ладонь к низу моего живота и толкнулся бедрами в меня.

— Потому что не хочешь или потому что тебе больно?

— И то, и другое.

— К счастью для тебя, я не хочу тебя трахать, — признался он, блуждая рукой вверх-вниз по моим бедрам, ягодицам и груди. При этом продолжая целовать и облизывать мою шею.

— Почему ты не сказал мне о Роуэн? Я думала она моя, но не твоя, — ответила я, совершенно игнорируя его комментарий и, возможно, одну из его границ. Я не собиралась отвечать на это. Стояла стойко, пытаясь не замечать его блуждающие пальцы, наблюдая за солнцем. Даже когда он прижимался ко мне бедрами, океан был завораживающий. Бесподобный.

Словно я видела его впервые.

Он прекратил свои движения и засмеялся мне на ухо.

— Ха! Ты действительно думаешь, что я отношусь к тем мужчинам, которые будут любить чужого ребенка?

Я знала, что обзывать его свиньей не в моих интересах. Было очевидно, мне было не позволено отвечать, не говоря уже о том, чтобы называть его омерзительной крысой.

— Расскажи, как мы встретились, — произнесла я вместо этого.

Атака на мое тело продолжилась вместе с поцелуями и горячими словами.

— Нет. Тиш, не говори больше ни слова. Ты вспомнишь, или я научу тебя всему заново.

Мой ответ был заглушен подушечками его пальцев. Не было слова, которое я бы произнесла, чтобы этот мужчина понял и ответил по-человечески. Он не был человеком. Он был дьявольским отродьем.

— Это моя девочка. А теперь иди в ванную, чтобы мы могли раздеть тебя.

И тогда я почувствовала. Растущая эрекция. Прекрасно... Пэкстон толкнулся бедрами в мой зад и отпустил. Отвернувшись, он ушел, оставляя меня смотреть ему вслед. Я смотрела, как он идет в ванную, и размышляла, что делать. Я последовала за ним, когда он остановился в дверях и помахал мне рукой, кивнув в сторону комнаты. Сделав незаметный вдох смелости, я поковыляла в ад.

Мне удалось добраться до ближайшей тумбочки, прежде чем я вынуждена была остановиться. Боль, пронзающая бедро, пригвоздила меня к месту на минуту. Серо-черная поверхность была заставлена лаками для ногтей. Всех цветов. Я посмотрела на свои не накрашенные ногти на руках, затем на ногах. Никакого лака. Раковина в ванной прекрасно сыграла роль подставки, пока я ждала, когда Пэкстон соберет необходимые вещи.

Он насвистывал знакомую мелодию, доставая электрическую бритву, а затем простую. Но не обычную — с тремя лезвиями. У этой было одно длинное лезвие.

— Все готово, — произнес он голосом, соответствующим бахвальству, написанному на его лице. Он сократил между нами расстояние тремя шагами. Сначала он опустил на колено и растегнул четыре застёжки на моем аппарате. Должна признать, ощущения были потрясающие. Приятно было не ощущать его на ноге. Моя пленная нога приветствовала воздух с радостью. Мне кажется, я даже вздохнула от облегчения. Желтые синяки почти исчезли, а свежий шрам извивался с внутренней части колена,

вокруг ноги и на другую сторону. Я видела крошечные дырочки, где были швы.

Руки Пэкстона были теплыми, и он с рассчитанной силой давил на ногу, что было неожиданным удовольствием, но оно долго не продлилось.

— Я всегда брилась там внизу? — спросила я, не способная выкинуть острое лезвие из головы и поля зрения. Клянусь, оно блестело, как хрустальная призма.

— Тшш... Игрушка. Молчи. Не открывай свой рот.

Игрушка? Знаю, мои глаза расширились. Не знаю, что шокировало меня больше — само слово или смысл, скрытый за ним. Я попыталась сглотнуть, но глотать было нечего. Мой рот был сух, ноги дрожали, а сердцебиение было слышно в голове. Пэкстон провел руками вверх по моим бедрам, поднимая край платья. Его пальцы скользили по задней стороне моих ног, поднимаясь к ягодицам. Наши глаза встретились, и я выдержала его взгляд, ищущий ответы. Он пугал меня, в этом не было сомнения, но я не собиралась показывать ему это. Я выдержала его взгляд, не отводя глаз.

— Смотри вниз, — тихо приказал он горячим, страстным тоном, пробирающим меня до костей.

Я как трусиха посмотрела вниз, не произнося ни слова. Пэкстон тоже молчал. Он аккуратно раздел меня, сняв платье через голову и бросив его на пол. Дальше должна была наступить очередь трусиков. Он взял обе мои руки и потянул, призывая меня встать. И, словно щенок на поводке, я послушалась. Мое тело развернулось к раковине с его помощью, и я схватилась за нее для поддержки.

В отражении на меня смотрело потерянное выражение лица. Ничто из этого не имело эротической подоплеки. От этого становилось тошно. Пэкстон Пирс был больным человеком. Я едва могла стоять, и все же он хотел поиграть, словно я была его игрушкой. Что за черт? Я стояла неподвижно, воздух застревал в легких, пока он доставал полоску стринг из моих ягодиц. Жар его тяжелого дыхания согревал мою кожу.

Следующий вздох застрял у меня в горле, когда нужно было переступить трусики. Пальцами я нервно выстукивала по поверхности, пока не прошла боль.

Мое тело постепенно расслабилось, а глаза закрылись, когда Пэкстон провел пальцами между моих ног. Глупый гормон дофамин мгновенно взорвался в мозге. Боль исчезла, сменившись пульсацией между ног.

Прекрасно.

Мои глаза открылись навстречу собственному отражению, когда его

палец скользнул глубоко в меня. О боже. Это плохо. Я не должна так реагировать. Какого черта? Мои губы приоткрылись, и тихий вздох слетел с них, когда его пальцы коснулись моих складок.

Пэкстон зашикал на меня, творя магию пальцами на моем пульсирующем клиторе.

— Вот это — моя шлюшка, — прошептал он, целуя мою правую ягодицу. Я следила в зеркале за тем, как мое шокированное выражение лица приобретало эротическое сияние по мере реакции моего тела.

— Пэкстон, мне нужно сесть, — произнесла я, симулируя сильную боль. Эндорфины, наполнившие мое тело, не давали ощутить в полной мере всю боль, но это единственное оправдание, которое пришло мне на ум. В любом случае, это не важно. Мое стремление контролировать ситуацию угасло, и я оказалась в еще большем затруднении.

Мягкие поцелуи были оставлены по всему моему телу, доходя до плеча. Одним пальцем он провел по позвоночнику, начиная от расщелины между ягодицами, неотрывно глядя мне в глаза в отражении зеркала. И снова у меня захватило дыхание. Темные пронзительные глаза. Глаза, которые меня ненавидели. Почему? Что я сделала этому мужчине? Он повернул меня к себе лицом и провел языком по моим губам, прежде чем ворваться в рот.

Господи. Что со мной было не так? Я поцеловала его, не наоборот. Это была я. Мои губы потянулись к нему, и наши языки переплелись. Все вокруг меня изменилось. Воздух, ощущение его прикосновений на моей спине, его губы. Я буквально чувствовала, как напряжение покидает мое тело. Мои пальцы едва коснулись твердого живота под его футболкой, как я застонала ему в рот.

Это охладило его. Он отстранился, и глаза его расширились, возможно, от удивления.

— Иди в душ, — приказал он неуверенным тоном. Меня это сбило с толку. Казалось, Пэкстона смутил мой порыв больше, чем меня саму.

Он передал мне костыли, и я слегка подпрыгнула, когда холодный металл коснулся кожи. Он без слов, кивком, направил меня в сторону душа. Будучи аккуратной с неприкрытой ногой, я поковыляла к широкому душу, пока его голодный взгляд пожирал мою обнаженную попку. Как только я добралась до скамьи, то заколебалась, не зная, что делать.

— Ты не помнишь? Конечно, ты помнишь свой душ, — сказал Пэкстон беззаботным тоном. Он снова забрал мои костыли и поставил их у стеклянной стены. Я не ответила. Ждала, прикусив щеку.

Он снял футболку, бросив ее на пол, и остался лишь в баскетбольных

шортах. Я уставилась на него, словно никогда не видела без рубашки. Пэкстон не был большим мужчиной, в каком бы то ни было смысле, но черт. Он был высоким, в хорошей форме, подтянутым. Его мышцы выпирали, но естественно. Пропорции были идеальны.

Пэкстон вошел в душевую и обнял меня. Моя грудь была прижата к его, и соски тут же отреагировали. Он прижал меня ближе, заставляя коснуться руками его груди, а сердце затрепетать. Мои пальцы дернулись, будто обожглись, и сжались, не желая касаться его грудных мышц.

Он склонил голову и приподнял мой подбородок.

— Улыбнись. Тебе понравится это наказание.

В этот раз я заговорила.

— Наказание?

— Тиш, молчи.

Он прижал руку к моей попке, и я скривилась, когда боль пронзила бедро и ногу. Он ослабил давление, как только заметил это, но выражение его лица было невозмутимым, затем он опустил палец мне на губы. Это был знак молчать.

Он резко отошел назад, и мои руки беспомощно упали по бокам. Внезапная потеря равновесия вынудила меня опереться на ногу, что сразу отдало в колено. Взяв меня за руку, он кивком приказал мне сесть. Я вздрогнула, коснувшись холодного мрамора, и это движение причинило мне боль. Взглянув вверх, я пыталась понять его настроение по глазам. Но он не был зол, как я ожидала. Наоборот, он уложил меня на скамью с нежной заботой, одну руку положив на спину, вторую на ребра.

Мне понадобилось несколько секунд, чтобы расслабиться на холодном мраморе, пока напряженные мышцы и кости привыкли. В итоге было достаточно комфортно.

Я закрыла глаза, когда он подтолкнул меня раздвинуть ноги.

— Глаза держи открытыми, — тихо приказал он.

Я смотрела, как он уходит, чтобы взять принадлежности для бритья волос у меня между ног.

И снова не было произнесено ни слова. Я лежала неподвижно, пока Пэкстон использовал жужжащую бритву. Если не учитывать смущение, мое наказание было не таким уж и плохим. Пока, по крайней мере. Мои глаза закрылись, когда он раскрыл меня больше своими пальцами для лучшего доступа бритве. Конечно, он снова приказал мне открыть их. Кроме этого, мы ни о чем больше не говорили.

Как только он закончил с электрической бритвой, включил воду и снял один из душевых распылителей. Наши глаза встретились, и я сглотнула,

когда вода ударила мне в грудь. Слава Богу, она была теплой. Пэкстон опустил распылитель ниже, мне между ног, ополаскивая меня. Он следил за моими глазами или, быть может, выражением лица. Вода дождем лилась на меня, как раз в центр моего тела — прямо мне между ног.

Мои нервы накалились немного, когда он отошел и вернулся с длинным лезвием. Божечки. Он действительно собирался это сделать. Если это было намеренное действие, чтобы испугать меня, у него вышло. Он размазал крем для бритья по оставшейся щетине и опустился на колени. Я не двигалась, даже не дышала.

Пэкстон очень аккуратно брил меня. Медленно, скользящими движениями в сторону моей щели. Время тянулось, и вскоре тело начало противиться одной позе. Мне показалось, что Пэкстон почувствовал мой дискомфорт и ускорился ради меня. И снова, может это просто я искала в нем что-то хорошее. Затем он опять достал распылитель и отрегулировал температуру воды.

Теплая вода дождем лилась мне на тело, пока крем для бритья стекал в слив. Ни слова не было произнесено между нами. Даже когда он сменил воду на тонкую струйку сиреневого геля для душа, нанося его мне вокруг сосков и на открытую щель. Лаванда.

Мое тело расслабилось от его прикосновений. Обе руки намыливали меня мягкими движениями, превращая гель в пену. Я забыла о дискомфорте. Ни один сантиметр не остался без внимания. Он исследовал каждую часть моего тела. Каждый палец руки до подушечки, каждый палец ноги, боящийся щекотки, и все интимные места. Я снова затаила дыхание.

Пальцы Пэкстона слегка коснулись входа в мою попу, и мое тело напряглось. Один палец проник в меня и тут же выскользнул. Внимание, которое он уделял моему пульсирующему клитору, заставило меня застонать, и не раз, а при каждом проникновении в мою попу и прикосновении к увеличившемуся клитору.

Эндорфины снова выбили все рациональные мысли из моей головы. Я даже слегка отодвинула здоровую ногу. В этот момент он и остановился. Как раз тогда, когда я готова была позволить ему делать абсолютно все. Точка невозврата. Я не должна переживать из-за этого. Пэкстон не позволил мне добраться до нее, что уж думать о возврате. Он с легким давлением провел рукой по моим скользким складочкам и сфинктеру.

Мгновенная боль пронзила бедро, когда я выгнула спину, но ее легко было игнорировать. Мои губы раскрылись, и я боролась со стоном, когда Пэкстон раскрыл пальцами мои половые губы и легонько ударил по пульсирующему клитору. Возможно, мне нравилось наказание. Возможно,

это было не так уж и плохо, после всего. Я изо всех сил пыталась держаться, сжимая руки в кулаки. Пэкстон остановился, как только я застонала, чувствуя приближение разрядки. Растущий оргазм, который я не получила.

Ублюдок.

Пэкстон ухмыльнулся и придвинулся к моей голове. Я видела выступающую из мокрых баскетбольных шорт эрекцию. Сначала я подумала, что он заставит меня сделать ему минет, но ошиблась. Он сполоснул мои волосы и аккуратно втер пену мне в голову, обходя мои шрамы. Один слева на голове, второй сзади у шеи.

К этому времени я была совершенно растерянная и неудовлетворённая. Вот оно. Это было мое наказание? Хорошо...

Пэкстон помог мне сесть и вытер все мое тело. Он поцеловал меня — жадно, страстно, с желанием — и был так нежен со мной, словно хотел меня, словно любил, но это было не так. Отстранившись, он передал мне костыли и ушел. Я в замешательстве покачала головой и, обнаженная, последовала за ним к кровати. Он расстелил постель и жестом приказал залезать, переводя взгляд с меня на кровать.

С этим у меня не было проблем. Я уже так хотела лечь. Он помог мне сесть на край и надеть ночнушку через голову. Не говоря ни слова, не предлагая трусики. Мой взгляд метнулся от выпуклости на его шортах к высокомерному взгляду. Он помог мне лечь и вернулся в ванную, оставив меня на показ. Я не видела нужды прикрываться, не после этой интимной ванны.

— Нет, я не хочу спать с ним. Без него так хорошо, — пожаловалась я, не ожидая громоздкого аппарата. Он проигнорировал меня и аккуратно поместил его под ногу, закрывая застёжки, он пялился на мои побритые гениталии. Наклонившись, поцеловал меня в лоб, проводя пальцами по гладкости половых губ.

— Я вернусь через двадцать минут с твоими таблетками, — прошептал он, оставляя меня отдыхать.

— Что, мать твою, здесь происходит? — спросила я пустую комнату, когда дверь за ним закрылась. Это не настоящая жизнь. Все так запутано. Я лежала, не двигаясь. Ни один мускул не дрогнул, пока я ждала, погрузившись в размышления. Мне казалось, словно я ехала на каникулы, пролетая высоко над облаками. Я знала, что было что-то главное, что-то очень важное, о чем я забыла и не могла вспомнить. Так я себя чувствовала. Будто я вечно пыталась вспомнить, что забыла.

Может я не вспоминала, потому что не хотела. Возможно, мое

подсознание защищало мозг от еще большей травмы. От Пэкстона Пирса. Хорошо было бы вспомнить хотя бы девочек. К счастью для меня, их детский возраст позволял с легкостью восполнить утраченное. За тот короткий промежуток времени, который я провела с ними, было понятно, что они не осознают происходящего. Не совсем. Черт, я сама не понимала. Знала, что это была не моя вина, но я была зла на себя не только за то, что забыла, что нас связывало, но и что эта связь вообще была. Я никогда не думала о них, находясь в больнице. Не скучала по ним. Совсем. Когда кто-то упоминал моих детей, я думала о них больше в стиле «что за черт». Словно я не могла иметь детей и переживала, что не люблю их из-за их отца. Может моя томография через несколько дней даст нам больше информации. Улучшение.

Это тоже расстраивало меня. Казалось, никто не знал, как работает мозг. Даже доктора. Все разные. Требуется время. Мозг — сложный орган. Бла, бла, бла. Мне было плевать на все это. Вспомнить бы хотя бы один день. Всего-то один день. Это все, что мне было нужно.

Все мысли тут же исчезли, как только я увидела медленно открывающуюся дверь, затем появился темный силуэт Пэкстона. Даже в темной, хоть глаз выколи комнате я видела источаемую им сексуальность. Жаль, что он был кретином. Когда он положил таблетки мне на язык, я заметила, что он был голым. Абсолютно голым.

Мое сердце забилося быстрее, когда он опустил пальцы мне на веки и задержал там.

— Тишшш, — зашипел он. На долю секунды я подумала, что на моих губах был палец, напоминающий мне молчать, но не понадобилось много времени, чтобы осознать, что это было не так. Мягкая головка, скользящая по моим губам, не была пальцем. Я пыталась открыть глаза, но он не давал.

Ни за что, придурок. Я повернула голову, но его бедра последовали за мной. Боль, пронзившая плечо, когда я дернула головой, удерживала меня от повторения этого жеста. Пэкстон возвышался надо мной, скользя головкой члена по моим губам. Мои легкие наполнились воздухом, когда он схватил меня за щеки, поворачивая к себе. Я могла лишь повиноваться. Он молчал. А я хотела, чтобы он заговорил. Даже если это было бы что-то пошлое. Почему он все время молчал, когда помогался меня?

Я крепко сжала губы в узкую линию. Не собиралась сдаваться без боя. Он, казалось, наслаждался касаниями, двигаясь вперед-назад. Мягкость его головки с каждым толчком сменялась твердостью, прикасаясь к моим губам.

— Габриэлла. Давай же. Мы действительно будем играть в это? Ты

знаешь, что делать. Высунь язык.

Хоть я и не могла пошевелить головой, пока его пальцы держали мои веки, но я сжала зубы. Высунь язык. Пффф. Пошел ты.

Большим и указательным пальцем он надавил мне на челюсть, разрывая сжатые губы и зубы. По собственной воле я заглушила стон боли, желая сохранить максимум гордости.

— Высунь язык, шлюха, — приказал он хриплым, серьезным тоном.

Боль в челюсти отступила, когда кончик моего языка был в его распоряжении. Пэкстон выдохнул в тот же момент, как я ощутила соленую субстанцию. Он водил рукой по своему стволу, скользя вверх-вниз по моему языку, все еще держа мои глаза закрытыми. Я ощущала каждую каплю.

Я знала, что не было смысла сопротивляться, когда он приподнял мою голову навстречу себе и вставил головку мне в рот. Только лишь головку. Туда — обратно. Внутрь — наружу. Движения не открывали мне достаточного вида, но сквозь маленькую щелку я могла видеть хоть что-то. Он стоял на коленях возле моей головы, держа рукой основание своего ствола. Он был хорош. Не достаточно большой для наслаждения, но все же достаточный для удовлетворения.

О, Боже. Я бредила. Мой разум и тело предали меня, отсылая в вихрь смятения. Я не хотела этого. Я чувствовала себя изнасилованной, но мне нравилось. Постоянная пульсация между моих ног была окончательным предательством.

И опять, за исключением приглушенных ахов и охов, едва улавливаемых на слух, на нас опустилась тишина. Не было ничего. Пэкстон был нежен. Очень нежен. То, как он легонько закрывал мне веки и как нежно входил и выходил изо рта, было сделано с нежностью. Он ускорился немного, продвигаясь ближе к стенке горла. Тогда я поняла, что он не закрывал мне глаза, он держал мою голову, пытаясь не причинить боль.

Благородный ублюдок.

Мысли, посещающие меня во время минета, были о курице на кости. О красивой матери Роуэн. Истерики, закатанной Офелией. Моей встрече с доктором через два дня. Соседке, приглядывавшей за девочками в мое отсутствие. И молоке, среди всего прочего. Тогда я почувствовала, что что-то произойдет. И задалась вопросом, когда и где это произойдет. Пэкстон дернул бедрами, толкаясь мне в горло, сопровождая движения стонами и рычанием, и я поняла, что он заканчивал.

Внезапная хватка на челюсти значила, что мне не стоит закрывать рот, когда он вытащил член. Мне не было больно, но приказ был достаточно

ясен. Стоя прямо надо мной, он дрожил, а я смотрела, ожидая неизбежного.

Я сжала губы вокруг него, когда он толкнулся к задней стенке горла, ощутив первую струю. Пэкстон зарычал, выйдя из меня, брызгая остатками мне на губы. Я сглотнула так быстро, как только могла, собирая слюну на смену сперме. Проведя рукой еще несколько раз, он отодвинулся от моего рта.

— Знаешь, молоко стоит больше четырех долларов за галлон, — выпалила я, когда он уходил.

Он остановился, как вкопанный, и повернулся. Мне не нужно было видеть замешательство на его лице, чтобы прочесть его. Достаточно было его тона.

— Что?

— Просто захотелось сказать это. Чтобы ты знал, о чем я думала, пока ты трахал мой рот.

— Вау, Габриэлла. Я впечатлен. Но спорю на порку, что ты ошибаешься.

— Что? Ошибаюсь по поводу чего? — спросила я, уверена, мое выражение лица сменилось на озадаченность.

Он широкими шагами вернулся к кровати, и даже в приглушенном свете комнаты я знала, что он ухмылялся. Покрывало было стянуто с моего тела, и прохладный воздух коснулся моих гладких гениталий. Его пальцы скользнули мне между ног, и я дернула бедрами, пытаясь увернуться от прикосновений в месте, так жаждущем его. Его пальцы были близко, касались моих губ, но не клитора.

— Я это имею в виду. Если это игра, то ты хороша, действительно хороша. Должен сказать, мне нравится. Ты никогда так не извивалась. Интересно, влажная ли ты. А, Габриэлла?

Мое дыхание стало быстрым, и сердце забилося в том же ритме. Один слабый стон слетел с моих губ, когда Пэкстон провел пальцем по моим скользким складочкам, доказывая то, что я и так уже знала.

Когда он остановился, мои бедра изогнулись навстречу его пальцам, желая большего. Какой бы безумной меня это не делало, я не хотела, чтобы он останавливался. Мне нужно было больше, и на долю секунды я подумала о том, чтобы сказать ему об этом. Изумленное выражение его лица остановило меня.

— Ты такая мокрая, что вот-вот взорвешься. Ты шлюха. Вот, что происходит со шлюхами. Тебе нужно кончить. Не так ли, Габриэлла? Все еще думаешь о молоке? — спросил он, продолжая ублажать тремя пальцами мой пульсирующий бугорок. Короткими, грубыми движениями.

Вверх и вниз. Мое сердце колотилось, как сумасшедшее, пока адреналин наполнял вены. Каждый нерв в моем теле был на пределе, а мир вокруг кружился.

Я изо всех сил старалась не качать бедрами навстречу его пальцам, но не знаю, получилось ли у меня. Я простонала в ответ, когда он ущипнул мой клитор и прокрутил его, туда-обратно. Мое тело дрожало под его рукой, готовясь к разрядке. Но она так и не наступила. Пэкстон снова провел пальцами по моим складкам. Медленно. Верх и вниз, а затем по телу.

Он запихнул указательный палец мне в рот, и я позволила ему, чувствуя свое возбуждение на языке.

— Ты не кончишь. Не знаю, кончишь ли когда-либо еще. По крайней мере, пока я не выясню где и почему ты была в такой дали от дома.

Я снова попыталась ответить, но он заткнул меня тихим тишш и ушел. Моей первой мыслью было сказать ему что-то умное в ответ. Что-то о том, что мне не нужна была его помощь в этом, что я способна была сама все сделать. Вот только это было не так. Пэкстон не вышел за дверь. Он подошел к шкафу в углу и открыл первый ящик.

Я все еще молчала. Не думаю, что могла бы что-то произнести. Я была шокирована. Верхняя часть штуковины состояла из мягкой ткани, соединенной вместе, словно звенья цепи. Средняя часть была кожаной, а часть, которая должна была скользнуть мне между ягодиц, была сделана из настоящей цепи. Металл.

Ох, черт, нет.

— Ты не наденешь эту штуку на меня, — воспротивилась я тоном, который должен был дать ему знать, что этому я подчиняться не собиралась. Ни в коем случае.

— Тишш. Тебе нужно вспомнить, как все это работает. Я устанавливаю правила, я говорю. Не ты, — произнес он с большей уверенностью, чем была в моем голосе. — Перестань трындеть.

Я лежала неподвижно, пока мой муж надевал на меня нечто, наподобие современного пояса верности.

Пэкстон слегка приподнял мою здоровую ногу, а я подняла бедра, чтобы помочь этой вещи скользнуть мне под попу. Выбор был — или помочь, или терпеть боль, которую он мне причинил бы. Я лучше понимала, как могу двигаться. Он потянул, медленно протягивая холодный металл мне между ягодиц.

Он раздвинул мои половые губы двумя пальцами и поцеловал клитор. Мне почти хватило того, как он внезапно засосал его. Он делал это, двигая

головой, пока я не впала в состояние, когда пути назад уже не было. Я знала, что он не позволит мне кончить. Возможно это меня и возбуждало. Что бы то ни было, это облегчение стало единственной вещью на земле, которую я хотела.

Пэкстон остановился, в последний раз засосав мой бугорок и выпустив его. Мое тело напряглось, вместо того, чтобы расслабиться. Я была голодна, как животное, мне нужно было больше. Еще один поцелуй в мой увеличившийся бугорок и все. Этого было бы достаточно. Но вместо этого плотная, но мягкая ткань скользнула мне между ног, и я услышала щелчок.

— Можешь спокойно шевелиться. Оно сделано для сна. Если понадобится в туалет, скажи мне по интеркому. Он всегда включен. Спокойной ночи, любимая. Сладких снов, — добавил он, прежде чем встретиться со мной губами.

Что-то происходило. Что-то, чего я не понимала. Голова кипела от мыслей о сне в поясе верности. Моя вагина сжалась, а грудь странно защипало, словно блески смешали с фейерверками.

К удивлению, несмотря на то, сколько мыслей крутилось у меня в голове, я заснула. Уверена, большая заслуга в этом принадлежала лекарствам, а ни чему-то еще. Я знала, что без них в моем мозгу были бы американские горки всю ночь. Я даже не помню, как засыпала. Просто отключилась.

Глава 5

— Мама, Иззи сказала, что у нас не будет красивого дома. Она сказала, что мы снова будем жить с кем-то. Это правда, мам? — спросила я, сидя на переднем сидении. Я была маленькой. Очень. Возможно такого же возраста, как и Офелия.

— Ты трепло! Я не хотела, чтобы ты говорила ей это, — пожаловалась Иззи с заднего сидения и ударила меня. Подождите. Ударила кого? Я была на переднем сидении. Или на заднем?

— Почему ты так сказала, Изабелла? — спросила мама, оглядываясь через плечо, бросая на Иззи строгий взгляд.

— Ну, ты всегда об этом говоришь, но никогда эти слова не становятся реальностью, — сказала я правду. Все было так знакомо и в то же время так чуждо. Безопасность. Я чувствовала себя в безопасности. Больше, чем когда-либо в жизни. Я думаю...

— Могли бы мы так жить, если бы нам нужно было заботиться о доме? Неужели вам действительно хочется жить в стенах одного и того же дома год за годом? — Мама подмигнула, и ярчайшая улыбка зажгла ее лицо. Она обнажила белые зубы из-под красных губ. Это значило, что я была права. У нас не будет своего дома.

Я видела свою молодую мать, словно она стояла у меня перед глазами. Словно могла протянуть руку и коснуться ее прекрасного лица. Ее волосы завивались, как у меня и Иззи, у кончиков. Подождите. Иззи? Настоящая жизнь смешалась с другой реальностью в моем сне, который больше походил на некое подобие галлюцинации. Она была реальной и все же не совсем.

— Ну, у нас могли бы быть качели, — произнесла я снова с переднего сидения.

Голос Изабеллы прервал беседу между мной и мамой.

— Посмотрите на все эти цветы, — произнесла она чуть громче шепота. Ангельский голосок. Наши с мамой разговоры о доме с двухуровневыми кроватями и игровой площадкой закончились с этими мягкими словами.

Я выглянула в окно. Золотые цветы походили на ковер, устилающий пустыню. Сотни цветов, а может и миллионы триллионов. Там было больше цвета, чем у меня в цветных карандашах. Я была поражена. Все мы были.

— Пойдемте, девочки, — сказала мама веселым голосом. Это означало новые приключения. Нас ожидало веселье. По мере взросления мы поняли, что это обычно значило нарушение закона.

Мы с Гэбби выскочили из машины и побежали за мамой, наши руки парили в воздухе, словно орлы, летающие высоко в небе. Запах желтых и оранжевых цветов наполнял наши носы, пока мы бегали в свете солнца.

— Ложитесь. Мы должны лечь, — настояла мама. Конечно, мы с Иззи сделали это. Рука об руку мы легли на кровать из цветов. В ярко-голубом летнем небе виднелись молочного цвета облака. Легкие и пушистые. Легкий ветерок приносил к нам аромат цветов. Я видела, как наши с Иззи носики морщились. Запах был похож на рыбий. Эти цветы не были благоухающими. От них не пахло чудесной лавандой или розой. Но мама даже не заметила этого. Она была в том состоянии, когда просто веришь во что-то большее, возможно, размышляла, что мы были посланы на эту землю не просто так. Все это был лишь тест перед тем, что нас ожидало. Моя мама повторяла нам это, сколько я себя помнила.

— Что вы видите, Клайды?

— Я вижу пони, — произнесла я, но тут же поняла, что она имела в виду не это.

Мою руку сжали с тихим пониманием, и я услышала вздох. Дальше была очередь Иззи, и она произнесла то, что мама хотела услышать.

— Я вижу весь мир, — сказала она в восхищении, не замечая плывущего пони, но видя что-то волшебное. Что-то грандиозное, большее, чем она сама. Что-то, что видела и моя мать.

— Правильно, малышка. Там весь мир. Не забывайте это. Слышишь, Габриэлла? Не позволяйте кому-либо ограничивать вас. Вы должны уметь за себя постоять. Слышите?

Мама всегда говорила мне подобные вещи. Я не была похожа на Иззи. Не внутренне. Я была легкой добычей. Даже дети на игровой площадке брали надо мной верх, толкая с качелей или прогоняя с горки. Я всегда смирялась, в то время как Иззи давала им по носу. Я всегда была тихой, следовала примеру других, выполняла просьбы и приказы.

Даже там, лежа на кровати из цветов, глядя в волшебный мир, я узко мыслила. Пони в облаках. Мама не хотела, чтобы мы видели пони. Она хотела, чтобы мы видели нечто большее. Отпустив мою руку, она оперлась на локоть, обращая все внимание на меня.

— Гэбби, скажи, что видишь больше. Скажи, что видишь вселенную. Что-то большее, чем ты сама, — молила она, положив руку на мое сердце.

— Больше, чем я? — Я этого не понимала. Не потому, что была глупа. Я была умной. Просто не настолько умной, как Иззи.

— Да, Габриэлла. Больше, чем ты. Здесь. Никогда не сдавайся. Бери все, что хочешь. Обещай мне это.

— Обещаю, — сказала я, убеждая ее в чем-то, чего не понимала. Какова бы ни была причина. Иззи понимала. Может ей передался ген безумия? Кто знает.

Я сорвала цветок, не заинтересовавшись в чуждых убеждениях матери.

— Это калифорнийские маки. Они закрываются ночью. И плохо пахнут. Как рыба.

Мама вздохнула и откинулась назад, снова взяв каждую из нас за руку. Это была одна из врожденных вещей — духовность, которую чувствуешь. Нельзя этому научить. Она просто есть. Внутри. Я ее не понимала и не имела.

Мама захихикала и посмотрела на меня.

— Таков, значит, запах?

— Эй! Вы что делаете? Вам сюда нельзя.

Мы трое подняли головы навстречу егерю. Шляпа с широкими полями защищала его глаза от солнца, а сам он был одет в темно-серую форму.

— Оставайтесь тут, девочки, — сказала мама, поднимаясь на ноги.

— Простите. Мы уйдем. Мы никому не хотели навредить. Я, эм... У меня своеобразная миссия с ними. У меня осталось мало времени.

— Мало времени? — спросил мужчина в форме, попавшись на крючок. Мама подошла к нему ближе, чтобы поведать свою историю, в которой ей осталось жить три месяца. Маковое поле — один из пунктов в ее длинном списке дел, которые нужно успеть сделать с девочками до смерти.

Эта история была хорошей. Парень разрешил собрать нам столько вонючих цветов, сколько мы хотели, а затем отвез в город покормить. Настоящей едой. Не арахисовым маслом.

Мы также бесплатно получили комнату в отеле на пять полных ночей. Какой-то парень поставил на машину мамы новые шины, также для нас был проведен сбор средств в церкви, куда мы ходили с егерем и его женой.

Мне там понравилось. Это был дом, которого я так жаждала. Стабильность, настолько необходимая маленькой девочке. Кровать, которую можно было назвать своей. Но, несмотря на мои мольбы, обращенные к матери, о разрешении остаться, мы уехали тем днем.

Уехали с полным баком бензина, корзиной продуктов для нас с Иззи и конвертом, набитым деньгами. Поехали на север, кто знает куда.

* * *

Мои глаза открылись на звуки океана и прохладного бриза, наполняющего мои легкие. Ошеломленная, я лежала неподвижно, ощущая безнадежность. Шторы раскачивались взад-вперед, а яркое солнце отражалось от мраморных плит. Сделав глубокий вдох, я задумалась о сне. Это была реальность. Я знала это. Воспоминание. Это хорошие новости. Значит, я шла на поправку.

Пошевелив здоровой ногой, я вспомнила о плотной коже и поясе верности между ног. И, естественно, мне нужно было в туалет. Часы на прикроватном столике показывали девять утра. Если мои дети спали до такого времени, я была счастливой матерью. Мне удалось сесть, и взглядом я поискала интерком и кнопку связи. Ничего не обнаружив, я поняла, что значили слова «постоянно включен».

— Алло? — выкрикнула я в пустую комнату.

— Дай две минуты. Сейчас буду, — раздался голос Пэкстона неизвестно откуда. Услышав его во всей комнате, я резко дернула головой и скривилась от возникшей боли.

Дотянувшись до костылей, я поковыляла на веранду, не заметив, как он подошел и открыл раздвижные двери. Я ничего не слышала.

— Вау, — пробормотала я. Океан вдали вызывал чувство улучшения. Вид был восхитительным. Завораживающим. Не знаю, что повлияло на меня — магнитура океана или сон. Черт, может, моя мать. Что бы то ни было, я чувствовала себя лучше. словно все наладится. Я чувствовала это. Также я чувствовала пояс между ног и нужду пописать.

— Хочешь позавтракать там? В это время здесь хорошо. Вплоть до двух часов, когда солнце находится прямо над домом. Но когда оно огибает дом, атмосфера снова прекрасная. Обычно около пяти вечера. Можно будет пожарить мясо на гриле, пока девочки будут играть.

Я нахмурилась, переведя взгляд на голос Пэкстона. Он жизнерадостно улыбался — слишком жизнерадостно. Я потеряла шею, задумавшись, что вызвало боль — его смена настроения или моя авария.

Он ненормальный.

— Эм. Да. Хорошо. Они еще спят?

— Нет. Триша отвезла их в дневной лагерь. Сегодня они делают бумажные маски. — Он усмехнулся так, словно мы были обычными мужем

и женой, обсуждающими своих детей.

— Триша?

— Да, она присматривала за ними, пока нас не было. Нам все еще нужно выяснить, куда ты направлялась. Как спалось? — спросил он, обнимая меня за талию. Поцеловав мою шею, он устоял на океан вместе со мной. — Люблю находиться здесь в это время. Моя любимая часть дня.

Я молчала. Не была уверена, когда мне позволено говорить, а когда нет. Я не произнесла ни слова, но точно знала, что он слышал мое сердцебиение.

Его рука залезла мне под ночнушку, вверх по животу, к груди и дальше к соскам. Пэкстон присосался к моей шее, крутя возбужденные соски между пальцами. Другая его рука скользнула по внутренней части моей ноги, в то время как его пах прижался к моей попе.

Естественно, мгновенно появилась эрекция. Он толкался своим твердым жезлом мне в попу, исследуя руками ребра и грудь. Затем, схватив меня за шею, он прошептал хриплым голосом.

— Боже, я чертовски по тебе скучал.

Мир вокруг закружился, когда он отошел назад, оставляя меня задыхаться от злости. Слабая пульсация между ног говорила мне правду, вот только мозг ее отвергал.

— На будущее: обычно ты остаешься в постели, пока я не приду и не освобожу тебя. На этот раз ничего страшного. Сделаем это в ванной, — объяснил Пэкстон, снова притворяясь нормальным мужем, обсуждающим с женой что-то обыденное.

Я втянула воздух и поскакала к ванной, Пэкстон следовал за мной. Он держал руку на моей спине, не убирая ее всю дорогу до туалета. Повернув меня к себе лицом, он опустился на колено и открыл все три замка. Я услышала щелчок и почувствовала легкий бриз, когда он опустил переднюю часть. Он посмотрел на меня и затем передвинулся к моей попе. Пэкстон с великой гордостью вынимал цепь из моих ягодиц. Медленно вытянул ее и забрал костыли, предлагая руку.

Как мило. Кретин.

Я приняла ее только лишь потому, что мне была необходима помощь, чтобы сесть.

— О, боже мой, Пэкс. Я даже пописать без тебя не могу? То есть, Пэкстон. Пэкстон, — повторила я, увидев, как его лицо мгновенно похолодело. Он не сказал ничего. Ни слова. Лишь безразлично смотрел на меня. — Прости, но я не могу писать, когда ты смотришь на меня, —

призналась я более мягким тоном. Больше самой себе, нежели ему. Я не собиралась потакать его эго. Мне просто хотелось сходить в туалет без публики.

— Да, ты можешь. Всегда так делаешь. Ты сможешь сделать это, — убедил он меня. Злость ослабла, расправляя морщины у него на лбу. Он перевел от меня взгляд и раздвинул мои ноги, самодовольно ухмыляясь. Я взглядом метала в него невидимые ножи, но он этого не замечал. Он был слишком занят своим извращением. Большим пальцем он отодвинул левую половую губу в сторону, облизывая при этом свои губы.

Я не могла писать. Как сильно бы не старалась. Не получалось.

— Не выходит.

— Уверена? Это убережет тебя от боли, вызванной возвращением сюда чуть позже. Или делай дело, или вставай.

— Seriously, Пэкстон. Хотя бы отвернись.

Пэкстон приблизился к моим губам, массируя пальцами мой клитор. Провел рукой по моей челюсти, запустил ее мне в волосы у шеи, хватая их в кулак, и рывком дернул голову назад.

— Молчи. Это ведь так просто. Не хочу слышать ни слова, пока не разрешу. Эта киска стала моей, когда я позволил тебе взять мою фамилию. Эта киска писает, когда я говорю ей. Пописай. Сейчас же, или мы закончили здесь.

Я не ответила.

Но все еще не могла сходить в туалет. Неважно, как я себя уговаривала. Просто не могла, да и Пэкстон не давал мне. Его большой палец на моем клиторе удерживал меня. Это именно то, что ему нужно.

— Если это игра, продолжай играть в нее. Мне кажется, я выиграл лотерею. Нравится забавляться с тобой. Мой член твердеет от мысли об этом, — сказал он, поднимаясь. Наклонившись, он снова поцеловал меня, пропихивая язык мне в рот. Его пальцы скользнули от моей пульсирующей кнопочки ко входу, распространяя смазку от заднего входа до клитора и обратно. — Знаешь, что еще?

И снова я промолчала. Смотрела на него широко раскрыв глаза.

— Тебе это, черт возьми, нравится. Твоя киска не может не намочнуть, когда я подхожу к тебе. Мне нравится эта новая ты. Продолжай в том же духе.

И как обычно он остановился. Два пальца скользнули глубоко в меня, большой палец надавил на бугорок, и еще один на анус. И все. После этого он просто встал и протянул мне мои костыли.

Пэкстон повел меня на веранду, держа руку на моей пояснице. Ноги

отказывались идти, когда я поняла, что он хотел вывести меня на улицу без трусиков.

— Я не выйду туда на обозрение всему миру полураздетой, — запротестовала я.

Он потянул меня за руку, а я должна была выбрать — идти или упасть. Я пошла. И, конечно, как только я сделала первый шаг, снова ощутила нужду. Он оставил меня, а сам пошел за кофе и тарелкой с беконом, яйцами и тостом. Я наслаждалась утром, по большей части. И мне все еще нужно было в туалет.

Я отказалась от еды, но взяла кофе и таблетку. Хотя, казалось, она не особо была мне нужна. Небольшая боль чувствовалась в бедре и плече, но в основном, когда я двигала ими. Я приняла таблетку ради кайфа. Ради возможности избежать этого безумия, возможно, даже вздремнуть.

Пэкстон разговаривал, сидя возле меня лицом к океану, будто мы были самой счастливой парой на свете. Я видела мужчину с собакой, прогуливавшихся по пляжу, и одного бегуна. Это был красивый, открытый пляж. Я была в раю, но замужем за дьяволом. Соседей с этой стороны дома видно не было. Ничего, кроме зеленой лужайки, открытого пространства и бесконечного моря.

— Мне нужно уехать после полудня ненадолго. Нужно встретиться с Уолтонами для последней проверки. Триша поможет тебе с обедом и уложить девочек. Думаю, ты справишься с ними сама, пока я не вернусь.

Я заколебалась, гадая, было ли мне позволено говорить. И все равно заговорила.

— Мы с ней друзья, с Тришей?

Пэкстон засмеялся.

— Ну, если хочешь, называй это так. У тебя особо нет друзей. Я твой друг, Роуэн твоя подруга и Офелия твоя подруга. Это все, что тебе нужно. Остальные — знакомые. Общество мамочек. Для тебя этого достаточно.

— Ох, конечно, раз ты так говоришь, — ответила я саркастично. Не смогла сдержаться. Неужели он действительно имел это в виду? Серьезно? Он выбирал и моих друзей? Выражение его лица подтверждало слова. Конечно, он был серьезен. — Не взрослые ли они уже для дневного сна? — спросила я, борясь с желанием сказать больше.

— Почти. Офелии точно еще нужен сон. Она похожа на медведя с занозой в лапе, если не отдохнет. Роуэн в основном не спит, но мы все равно заставляем ее успокоиться и отдохнуть немного. Им это полезно.

Он улыбнулся, тихонько фыркнув. Его голова и плечи слегка дернулись. Я почувствовала грубость его пальцев, когда он подтянул к себе

мое колено, открывая себе вид. Я абсолютно не дрогнула. Даже от боли в бедре. Вместо этого, я потянулась к тосту, взяла кусочек и положила в рот, не отводя от него взгляда.

— Ты не была такой дерзкой шесть лет назад. Напрашиваешься вставить член тебе в рот. Продолжай в том же духе, — предупредил он угрожающим тоном.

Но я ничего не продолжала. Мне нужно было в туалет, и кофе лишь усугубило проблему. Мои мышцы сжимались, но незаметно. Я пыталась не давать ему повода для удовольствия, но долго не продержалась. Мне нужно было пописать.

— Мне нужно в туалет.

— Не понадобилось много времени.

Пэкстон снова отвел меня в ванную и принял ту же позицию. Прямо у меня между ног. Одна его рука лежала на моем колене. Ублюдок даже не смотрел. Это было не более, чем демонстрация власти. Он просто стоял и смотрел в окно, пока я справляла нужду. Самодовольный дурак.

К несчастью для меня, туалетная бумага была со стороны моего больного плеча. Я зарычала от острой боли, когда потянулась к ней. Пэкстон провел по моей щеке тыльной стороной пальцев и позаботился об этом.

— Позволь помочь, — проговорил он хриплым тоном. Теперь он смотрел. Смотрел, пока вытирал меня, затем перевел взгляд на мои глаза, его лицо находилось в сантиметрах от моего. Наши глаза боролись за контроль, и я сдалась, отведя их.

Его рука легла мне на щеку, и я почувствовала его. Его запах.

— Из-за этого румянца мой член твердеет. Это единственное, что спасает сейчас твою попку. Не уверен, что ты можешь сейчас имитировать смущение. Мне это нравится. Не останавливайся. Мне нравится.

Прижав мягкие губы к моему лбу, Пэкстон выбросил бумагу у меня между ног и ушел. Я последовала за ним в свою комнату и увидела, как он ищет что-то в комод.

— Эти должны быть удобными, — объявил он, бросая на кровать пару белых шорт и розовый топ. Не стоило удивляться этому доброму жесту, но, тем не менее, я удивилась. Пэкстон снова помог мне переодеться, протягивая стринги мне между ягодиц.

— Какое-то время побудешь одна. Триша с девочками придут около часа.

— Да. Хорошо, — убедила его я. Я хотела остаться одна. Хотела осмотреться. Найти что-то, что вернет мои воспоминания. Это было

неправильно. Я не жила такой жизнью.

— Не пытайся сделать какие-то глупости. Все заперто. Хотя и идти тебе некуда. — Мои слова заглушили его губы, и он ушел.

Пока я дошла до гостиной на костылях, он уже выезжал из гаража на бордовом форде F-250. Я смотрела ему вслед, пока был виден багажник машины, затем отвернулась с тяжелым вздохом. Открыв дверь, я вышла на улицу, чтобы осмотреть передний дворик, прекрасное соседство и его рабочий магазин. Тот, что находился сразу за небольшим коттеджем.

Наш сад был безупречен. Достоин журнала «Лучшие дома и сады». Я присела на скамью под окнами гостиной, но ненадолго. Даже под навесом палящее на меня солнце было жарким. Это и удивило меня во дворике. Там было слишком жарко для такой красивой зелени. Я поковыляла обратно внутрь к прохладному воздуху, оставляя влажность снаружи.

Лишь мое дыхание было слышно в тихой комнате, пока я осматривалась. Элегантные узоры украшали стены. Черно-белое фото океана и длинного пирса. Что-то блестящее и серебряное в форме геометрических фигур и изгибов свисало над камином из белого камня. Я пристально разглядывала это и хмурилась. Настенное искусство?

Ищи тетрадь. Блокнот, хоть что-то. Гэбби всегда писала. Я нахмурилась предчувствию и осмотрелась по сторонам, словно я была не одна, подавляя свой внутренний диалог в третьем лице. Что за хрень? Я прошла по комнате, немного прислушиваясь к интуиции. Я писала? Хм. Я действительно не помнила ничего. Как во сне. Я знала, что у меня был близнец, и теперь я знала, что писала. Два кусочка пазла из тысячи.

Я поковыляла по красивому дому, осматривая все, прежде чем остановилась у двух комнат, разделенных ванной, идеальной для двух девочек. Круглая ванна стояла посреди розово-белой комнаты. Двойная раковина и два набора детской косметики с их именами. Я надеялась, что сама обустроила эту комнату. Мне она нравилась.

Милость зашкаливала в их спальнях. Одна была аккуратной и чистой, заполненной книгами и постерами с дельфинами. Вторая — беспорядочная и уставленная повсюду Барби. Куклам Роуэн повезло. У моей никогда даже не было домика или бассейна. Она сидела на заднем сидении машины или лежала на дне рюкзака. Хм... Еще один бессмысленный кусочек пазла. В детстве у меня была Барби без дома. Почему, черт возьми, я не могла вспомнить что-то, что имело значение? Нахрен Барби и ее домик.

Материнский инстинкт потянул меня к носкам на полу, но боль в пояснице не дала их поднять, так что я пошла дальше. Следующей была

комната с двумя стеклянными стенами. Заполненное солнцем пространство вмещало достаточно игрушек для собственного игрушечного магазина. Мои дети были избалованы. Всего было по два экземпляра. Можно было подумать, что они близняшки. Дальняя стена, выходящая на океан, была заставлена спортивным оборудованием. Беговая дорожка, велосипед, силовой тренажер с эспандером, турник. Передвижной, свисающий со стены. Тренировки с красивым видом.

Разделяли северную и южную стороны дома кухня и открытая гостиная. Еще одна стеклянная стена вела на летнюю кухню, бассейн и задний дворик. Дворик сразу перед океаном. Я предположила, что другая сторона дома была вне доступа. Четыре двери с той стороны были открыты. Красивая спальня в черно-белых тонах. Шикарная и роскошная. У кого-то был вкус. Я улыбнулась, надеясь, что этим «кто-то» была я. Открыв шкаф и не увидев ничего, кроме нескольких одеял и подушек, я поняла, что это была не комната Пэкстона. Должно быть, гостевая спальня.

После нее комната была заперта, а дальше шла большая гостевая ванная. Три ванные комнаты. Вау. Следующая дверь также была закрыта, а за ней был домашний кинотеатр. Четыре откидных театральных кресла и огромный экран. Черт. Мы были избалованы.

Следующей была дверь, выходящая с кухни. Гараж. Жемчужного цвета Лексус был припаркован там же, где мы его и оставили.

Я была благословлена всем. Хорошим домом. Машиной. Прекрасными детьми. Бассейном сразу за дверью моей комнаты. Океаном всего в нескольких десятках метров от дома. И...

Одним хреновым браком. Я была пленницей. Черное и белое. Красное и зеленое. Я была блаженной шлюхой.

Глава 6

Я уложила ногу на стул перед собой, напротив очаровательного вида на океан. Я даже не понимала, что заснула, пока не услышала девочек в доме.

— Нет, Роуэн. Я первая ее взяла. Скажи ей, Триша, — пронзительно вопила Офелия. Я зевнула и выпрямилась.

— Нееет! Мама! Мам! — прокричала Роуэн еще более громко и высоко.

Подождите. Это же я. Я их мама. Я встала, чтобы пойти и разрешить спор, как вдруг услышала другой голос.

— Эй, ребята. Ну же. Это всего лишь линейка. Не могли найти более весомый повод для спора? Идите кто-нибудь проверьте в комнате ли мама.

— Я здесь, — отозвалась я из-за стеклянной двери. Я смотрела на незнакомку и совершенно ее не узнавала. Она была симпатичной. Явно с богатыми запросами. На ней были красные туфли на шпильках и черные шорты с белой кофточкой. Ее ногти, волосы и макияж выглядели так, будто она только что сошла с обложки журнала *Vogue*.

— О, Боже мой. Габриэлла! Ты ужасно выглядишь. Ты в порядке? Я хотела навестить тебя, но Пэкстон сказал, что ты не хочешь никого видеть. Ты правда не помнишь? Не помнишь меня?

Я выгнула брови, ожидая, пока она закончит.

— Мама, скажи Офелии, что я первая взяла.

— Я взяла первая, — заныла Офелия с полными слез темно-серыми глазами. Моими глазами. Я улыбнулась соседке и подняла палец, прося ее остановиться. Офелия села на пол, пряча пластиковую линейку за спиной и не давая сестре возможность выхватить ее.

Я почти упала на диван. Все шло хорошо до последних пяти сантиметров. Боль, пронзившая ногу, добила меня.

— Можно мне посмотреть линейку? — спросила я, раскрыв руку. Офелия шмыгнула носом и вытерла стекающие слезы, размышляя о том, было ли это уловкой, прежде чем дала ее мне.

— Для чего она тебе нужна? — спросила я с уверенностью, что это был спор о самом предмете, а не о его использовании.

— Она для рисования ровных линий и для измерения, — объяснила она самым милым голоском. Я прикусила нижнюю губу, чтобы не улыбнуться, чувствуя, как тает мое сердце. Офелия села на свои руки и

принялась раскачиваться туда-сюда на попе, широко раскрыв глаза и надув губки.

— Но что ты будешь с ней делать?

— Я просто. Я просто. Просто буду держать ее в руке, — ответила она, подбирая правильный ответ. На ее лице была видна усталость — две маленькие линии появлялись у нее на лбу, когда она нервничала, также как и у Пэкстона.

— Я хочу нарисовать ровную линию, — сказала Роуэн. Ее более логичный ответ превзошел глупый Офелии.

— Я нарисую ровную линию! — закричала снова Офелия, на этот раз разразившись истерикой. Ее тело упало на пол, словно она была одержима. Демоны завладели ее маленьким тельцем.

Думаю, я застыла. Не знала, что с ней делать. Что сказать, чтобы успокоить ее крики. Моя соседка Триша пришла на помощь, пока я просто смотрела, боясь даже пошевелиться. Она подняла Офелию с пола и поставила ее на ноги. Мы обменялись взглядом, и она продолжила. Думаю, она хотела увидеть, буду ли я против ее воспитания моего ребенка. Я не протестовала.

— Почему бы тебе не пойти помыть руки перед обедом. Тебе еще нужно рассказать маме о маске, которую ты сделала сегодня. Помнишь?

— Я-я-я-я сделала маску. На ней много блесток и камушков.

— На моей есть перо, — вставила Роуэн с умным видом, пронзая взглядом сестру и борясь за внимание. Боже.

Триша поощряла разговор об их поделках, подталкивая к ванной, чтобы те вымылись перед обедом.

— Я заказала китайскую еду. Должны доставить с минуты на минуту, — сказала она, когда девочки успокоились.

— О, хорошо. — Мне нравилась китайская еда? Почему-то я так не думала.

— Это так странно. Ты правда не знаешь, кто я, не так ли?

Я фыркнула, тяжело вздохнув, и улыбнулась.

— Понятия не имею.

Триша села на диван и закачала головой, широко раскрыв глаза, когда девочки снова начали ссору в ванной. В этот раз из-за мыла.

— Им обеим нужно поспать. Представить не могу как это. Ты ничего не помнишь?

— Ничего. Было несколько вспышек, но они бессмысленны. Ты не знаешь, у меня есть сестра?

— Не думаю. Ты никогда не говорила о семье. Однажды я спросила

тебя о родителях, но ты увильнула от ответа. Сказала, что не видела мать более десяти лет. Не знаю, что это значило. Ты не хотела об этом говорить.

Роуэн и Офелия прервали ее. Ну, хотя бы не ссорой. Они исполняли что-то вроде танца, дважды прокручиваясь вокруг себя и выкидывая правую ногу. Чертовски забавно.

Триша позаботилась о еде, накрыв во дворе. Я была права. Я ненавидела китайскую еду. Все, кроме овощей ломьен, и те не любила. Просто их можно было есть.

— Триша, я вегетарианка? — спросила я. Казалось, что так и было. Мне не нравилась ни курица, ни китайская еда. Дело в мясе. Мне не нравилось мясо.

Триша пожала плечами.

— До аварии не была. Всегда ела бургеры и хот-доги.

— Правда? Где?

— Здесь, у меня, у Шейлы, у Кэндес, когда мы собирались. Раньше ела.

— Значит мы друзья? Проводим время вместе?

Триша улыбнулась кривой улыбкой и наклонила голову.

— Да, проводим. Конечно мы друзья.

Я слабо улыбнулась и откусила зеленый перец. Я была рада, что у меня были друзья, пусть даже и фальшивые. Все же лучше, чем знать, что кроме Пэкстона, у меня никого нет.

— Не верь ни единому ее слову. Она лгунья, — раздался голос позади меня. Обернувшись, я увидела очень привлекательную девушку, выходящую из-за угла дома. Блондинка, ноги от ушей и сиськи. Вау. Бесспорно фальшивые. — О, Боже мой, Габриэлла. Ты ужасно выглядишь. Бедняжка. Твое красивое лицо, — пропела она драматично, глядя мои волосы. Ее я тоже не знала. Совершенно.

— Ты правда не помнишь меня?

Я улыбнулась, опустив плечи.

— Прости.

— О, боже. И как это?

— Господи, Шей, оставь ее, — произнесла Триша. Шей чувствовала себя как дома, а ее сын тут же прыгнул в мой бассейн. Мальчишка лет десяти. Это была самая странная вещь. Я не представляла, как вести себя с этими девушками. Как быть нормальной.

— Я тоже пойду в бассейн, — решила Офелия, соскальзывая со стула. Я просто смотрела ей вслед. Не знала, что сказать.

— Думаю, стоит сначала заставить ее поспать, — сказала Триша,

кивая в сторону Офелии.

Я посмотрела на дочь, затем обратно на Тришу.

— Как мне это сделать?

— Вау, — произнесла Шейла, чрезмерно затягивая слово. Я была фриком.

— Я сделаю это сегодня. Шей, заberi своего ребенка из бассейна, чтобы девочки могли лечь.

— Я хотела поболтать. У меня миллион вопросов к Габриэлле.

— Габриэлла ответит на твои вопросы позже, — раздался глубокий голос. Пэкстон вышел из дверей и подхватил Офелию.

— Я иду купаться с Коллином, папочка, — заныла она, зевая. Пэкстон поцеловал ее в щечку и потер животик. Встав за мной, он поцеловал меня в макушку.

— Можешь поплавать позже со мной и мамой. А сейчас нужно поспать.

— Я не устала.

— Можешь просто полежать немного. Ты в порядке, Габриэлла? Время принимать болеутоляющие, если хочешь.

— Думаю, я приму, — ответила я. На самом деле было не так больно. Немного давало о себе знать правое бедро из-за долгого сидения. Таблетки необходимы для того, чтобы отдохнул мой мозг. Остановиться на минуту и все осознать. А осознать нужно было многое.

— Мне нужно забрать Феникс. Я позвоню тебе позже. О, подожди. Твой телефон уцелел в аварии? — спросила Триша, поднимаясь. Я перевела взгляд на Пэкстона в поисках ответа, которого я не знала.

— Он у нее. В твоей сумочке, — объяснил Пэкстон, положив руку мне на плечо.

Шейла крикнула своему сыну, чтобы он выбирался из бассейна. Коллин нырнул в последний раз. Пушечным ядром с самого края. Роуэн тут же закричала на него, втянув воздух из-за обрызгавшей ее холодной воды.

— Коллин! Это мое новое платье, — пожаловалась она громко и пронзительно.

— О, все в порядке. Давай. Пойдем, отдохнем.

— Я не устала, — заныла Роуэн тоже. Она знала, что будет следующей в списке на сон.

Пэкстон все равно взял ее за руку, держа на руках ее младшую сестру.

— Хочу, чтобы мама пошла с нами, — ревела Роуэн, протягивая ко мне руки. Мое сердце наполнилось любовью, и я поднялась со стула, используя стол для опоры.

Пэкстон опустил Офелию на ноги и взял меня за руку. Мы стояли, держась за руки, и разговаривали с соседями, которых я не знала. Я услышала о терапии, которую буду проходить, впервые, когда он рассказывал о ней нашим соседям. Он и Триша обсуждали расписание девочек на следующую неделю, а я стояла. Держала его руку и разыгрывала любовь, пока он говорил вместо меня. Казалось, это для него привычное дело. Неважно. Я не могла бы ничего объяснить.

Расписание девочек было очень плотное. Гимнастика в понедельник, среду и пятницу. Творческий лагерь каждый день с двух часов дня. Уроки игры на пианино утром по средам. Школа актерского мастерства каждую пятницу. Детский бейсбол утром по субботам и молодежный гольф в субботу днем. Господи. Я никогда не успею за всем этим. Молодежный гольф? Что это вообще такое? Творческий лагерь?

Соседи пожелали мне всего хорошего, и Триша убедила меня, что у нее все под контролем. Мне стоило беспокоиться только о выздоровлении. Я поблагодарила ее за обед и за помощь.

Как только наши друзья исчезли из виду, Пэкстон отпустил мою руку. Ах, значит вот оно что, да? Лишь демонстрация нашей любви на публике. Фальшь.

— Иди к себе в комнату. Я принесу таблетки, — приказал он тихо, заводя девочек внутрь и оставляя меня одну. Кретин.

Я слышала плачь девочек, просящих, чтобы их мама легла вместе с ними. Пэкстон напомнил им, что я больна, и они отступили. Я ничего не сделала. Даже не пошла к ним. Пэкстон о них позаботится. Я была так потеряна. Недоступна. Не существовало слов, способных описать мое состояние. Словно я знала, что не принадлежу Пэкстону Пирсу, но должна быть с девочками.

Я встретила взгляд с ним, проходя мимо ванной. Он склонился над раковиной, клацая что-то в телефоне. Роуэн и Офелия были слишком заняты очередным спором из-за мыла, чтобы заметить меня. Он поднял взгляд, не поднимая головы. Наши глаза встретились на секунду, и я продолжила путь, не говоря ни слова.

После того как сама сходила в ванную, я закрыла шторы и легла. Тяжелый вздох с чувством волнения прозвучал в комнате. Я уже поняла, что Пэкстон не дожидался ночи. Он получал, что хотел, как днем, так и ночью.

Долгое пребывание на солнце и в центре безумия, окружающего меня, обессилили меня. Я была эмоционально выжата, как лимон. Но это изменилось, когда Пэкстон присоединился ко мне со стаканом воды и

таблеткой в руках.

— Кто это, Габриэлла? — спросил он, протягивая мне телефон.

Я в замешательстве посмотрела. На экране была фотография дверной ручки внутри машины и чего-то коричневого с плотной текстурой. Возможно кошелек или сумочка. Едва видно было руку над дверью, и на этом все. Откуда я могла знать, кто это был?

— Ты хочешь, чтобы я угадала?

Пэкстон забрал у меня стакан воды и поставил на тумбу.

— Хочу, чтобы ты сказала, кто был с тобой. Это твоя машина. Кто это? Фотография была сделана спустя пятнадцать минут после твоего отъезда.

— Может это кто-то из соседей. Шейла или Триша.

— Нет. Не они. Я спрашивал. Никто не в курсе. А ты больше никого не знаешь. Не общаешься ни с кем за пределами этого района. Кто это, мать твою, Габриэлла? Что-то здесь не так. Я тебя знаю. Это на тебя не похоже, но я выясню. Выясню, куда ты собиралась, кто был с тобой и почему.

— Отлично, Пэкс. Может поделишься со мной информацией, когда закончишь играть в детектива.

Пэкстон не сказал ни слова. Он пронзил меня взглядом, полным злости. Я не исправилась. Это было глупо. Почему мне нельзя называть его Пэксом? В чем проблема?

— Видишь? Вот, что я имею в виду, Габриэлла, — произнес он тихо, скользя пальцем мне между ног и буравя холодным взглядом. — Ты никогда не называла меня Пэксом. Не осмелилась бы назвать меня как-либо, помимо Пэкстона. Но ты все продолжаешь. Или ты спятила, или тебе нравится, что я делаю с тобой. Спорю, твоя киска уже мокрая. Не так ли, Габриэлла? Хм? Твоя киска пульсирует?

Я не ответила. Слишком много безумных реакций происходило в моем теле. Сердце билось так громко, что я слышала стук в ушах, адреналин наполнял вены, а вагина меня предала. Жажда появилась между моих ног. Сначала это была просто слабая пульсация то здесь, то там. Но когда он стянул мои шорты с бедер, то она усилилась. Стала быстрее, сильнее.

— Ты не представляешь, как сильно я хочу перекинуть тебя через колено. Обещаю тебе одну вещь: как только я получу разрешение от врача, ты получишь лучшую порку в твоей жизни. Я сделаю так, чтобы ты ее не забыла, — пригрозил Пэкстон.

Я молчала. Ждала эту порку с чрезмерным трепетом между ног. Вот и все. Я была шлюхой, и мне это нравилось. Господи. Мои бедра приподнялись, помогая Пэкстону снять трусики.

Сначала он стянул спереди. Прохладный ветерок касался моих

половых губ, пока я ждала, когда он снимет стринги. Пэкстон аккуратно приподнял мою ногу и достал ткань из моей попы. Затем повторил движение еще несколько раз, снимая трусики с лодыжек. Далее последовала моя рубашка. Он стянул ее через верх, ущипнув при этом за сосок и прокрутив его. Острая боль пронзила меня от груди до пульсирующей сердцевины. Мгновенно. Без сомнения, я была уже влажной. Господи. Со мной серьезно было что-то не так.

Как только Пэкстон раздел меня, он быстрыми шагами направился к комоду, снимая рубашку через голову. Я нахмурила брови, оценивая его телосложение. Джинсы низко сидели на бедрах. Серая полоска виднелась на его узкой талии, обнажая линию загара.

Если честно, я была даже немного разочарована. Я ожидала чего-то поинтереснее. Не знаю, чего именно, но явно не баночку смазки. Она мне даже не нужна была. Я уже достаточно мокрая.

— Ах, — застонала я, когда Пэкстон втирал смазку со своих пальцев мне в клитор. Запах мяты сначала достиг моего носа, и только затем между ног защипало. Срань Господня! Это была не простая смазка. Она мгновенно начала щипать, принося чувство жара — снова и снова в той же области.

Пэкстон остановился после моего стога. Очевидно, мне было запрещено даже стонать. Его пристальный взгляд и недвижимые пальцы убедили меня в этом. Подталкивать бедра навстречу его пальцам тоже нельзя. Он сделал то же самое, когда я попробовала. Нужно было лежать и терпеть, без единого движения. Без единого звука. Seriously?

С давлением трех пальцев Пэкстона на мой клитор и зудом, вызванным содержимым баночки, я была готова взорваться. Двумя пальцами он раскрыл мои половые губы, наблюдая, как я таю от его прикосновений. У меня снова вырвался стон, глаза закатились, а спина выгнулась с ощущениями, будто я была на вершине. Совсем рядом. Готовая сорваться.

Я почувствовала одно содрогание. Одно. И все. Пэкстон остановился. Он опять проделал этот трюк — положил ладонь на пульсирующий бугорок, одним пальцем войдя в меня, и перестал двигаться. Замер, как и я. Я открыла один глаз, когда поняла, что это все. Это было мое наказание. Пэкстон превратил его в игру. Пытку.

— Ты такая мокрая, — выдохнул он, осматривая меня между ног. Несколько раз его палец вошел и вышел, но этого было недостаточно. Его большой палец касался входа в мою попку, но и этого было мало. Всего не хватало. Пэкстон не собирался давать мне желаемое.

Я наблюдала, как он одной рукой освобождал свою твердость из джинсов, скользя другой по моим складочкам. Размазывая секрет от переда к задку.

Воздух застрял в легких, когда я смотрела, как он дрожит, двигаясь у меня между ног. Он был аккуратен, пытаясь не касаться моих ран и не опираться на меня своим весом. Он встал на колени, скользя головкой члена вверх-вниз, заняв место его пальцев. Пэкстон стонал и громко дышал, а я ждала с нетерпением. словно голодный зверь, я ждала, когда он войдет в меня.

Но этого не случилось.

Он передвинулся к моему рту.

— Высунь...

Я оборвала его приказ на полуслове, слизав первые капли спермы вперемешку с моей влагой. Затем я проглотила его до задней стенки горла, сося так сильно, как только могла. Не знаю даже, откуда взялся этот порыв. Просто я была так сильно возбуждена.

Пэкстон позволил сосать ему меньше минуты. Ему не нравилось отдавать мне контроль. Он ему был необходим. С мужским рыком он вышел из моего рта, его упругий член хлопнул меня по губам.

— Перестань, — приказал он шепотом. Мышцы шеи и плеч расслабленно упали на подушку, и я стала ждать его. Пэкстон вернулся к моим возбужденным гениталиям и принялся скользить вверх-вниз по моим складочкам. Головка его ствола придвинулась к моему входу и надавила, подразнивая. Мои бедра дернулись к нему, приглашая внутрь. Нет. Умоляя его войти. Но он этого не сделал. Он вернулся к моему рту, ухудшая ситуацию. Она больше не была смешной. Вкус секса был эйфоричен, и я была близка к этому. Внезапно оргазм стал единственной мыслью в моей голове. Единственным, чего я хотела. Единственным, что меня заботило.

— Вот так, детка. Ммм, да, — простонал Пэкстон, просовывая член мне до стенки глотки. Он еще несколько раз передвигался от моей киски к моему рту, прежде чем я поняла, что он готов. Даже учитывая, что это был всего второй минет, который я помнила, я знала, что он готов. Его бедра двигались очень быстро, рельефная грудь покрылась потом, и он держал мою голову, чтобы я не отвернулась. Все это значило, что Пэкстон готов.

— О, черт, детка. Ммм, открой свой ротик для меня, — простонал он, дрожа. В этот раз я не сопротивлялась. Я хотела его. Всего. Должно быть, виной тому была травма головы. Это было неправильно. Это должно быть мне противно. Но нет. Совершенно нет. Мне это нравилось. Первые брызги спермы разлились вокруг моих губ, остальное стекло по языку в горло.

Дыхание Пэкстона замедлилось, пока он двигал членом внутрь и наружу, теряя силы с каждым толчком.

И вот так просто Пэкстон закончил со мной. Встал и пошел к комоду с ментоловым лосьоном, собираясь убрать его. Дерьмо.

Но прежде чем убрать его, он выпрыснул приличное количество жидкости себе на пальцы. Возвращаясь ко мне, он нес тот же пояс верности и горсть пыток.

Ох, черт, нет!

— Думаешь, меня это заботит? Думаешь, можешь сломать меня, не давая кончить? Это абсурд. Это ни капли не влияет на меня.

Пэкстон молчал. Усмехался, игнорируя мою тираду. Слова, которые необходимо было услышать больше мне, чем ему. Мои ноги раздвинулись, когда он втирал щипающее масло мне в клитор. Тот еще не совсем упокоился после прошлого раза. Я была на грани мольбы. Это было все, о чем я могла думать. Может у меня получится достичь достаточного трения о пояс для облегчения.

Не знаю, что произошло со мной. Я открылась ему, словно обезумевшее животное. Не хотела, чтобы он переставал касаться меня. Хотела, чтобы он поиграл со мной. Комната превратилась в некий мираж. Все стало иллюзией. Все, кроме моих эмоций и подвергаемой пыткам киски.

Пэкстон надел на меня похожее на памперс устройство и потянул цепочку, вставляя ее мне между ягодиц. Я застонала, почувствовав прикосновение прохладного металла к анусу, и снова качнулась навстречу ему.

— Тебя это не волнует, да? — спросил он, фыркнув. Он коснулся меня еще несколько раз, скользя пальцами внутрь, уделяя особое внимание опухшему клитору и проводя большим пальцем по заднему входу, не забыв ни про одну чувственную часть моего тела. Наши взгляды встретились, пока он творил чудеса, вытягивая оргазм из моего тела.

Почти.

Черт подери!

Передняя часть приспособления была надета на свое место и закреплена. Оно не сильно плотно прилегало, и я была уверена, что мои пальцы пролезут сверху. Пошло оно все, я сделаю это. Умру, но кончу. Сейчас же!

Пэкстон грубо поцеловал меня в губы, работая языком у меня во рту.

— Крепких снов, любовь моя.

Я подождала, пока дверь закроется, прежде чем предпринять попытку.

Пальцы идеально проходили. Это не было проблемой. Но дурацкая штука была сделана с неким углублением, которое защищало от любых прикосновений к чему-то важному. Чему-то, что безумно пульсировало. В том числе и от меня.

Я ненавидела его. Ненавидела Пэкстона Пирса, и хоть убейте, я не понимала, что заставило меня выйти замуж за такого человека. Он был злом. Я не спала. Даже не отдыхала. Я боролась с щипающим ощущением вокруг моего клитора и танцевала бедрами, изо всех сил добиваясь хотя бы малейшего трения. Не получалось, как бы я ни двигалась. Ничто не могло коснуться меня там. Даже я сама. Сукин сын.

Оставленный на прикроватном столике телефон завладел моим вниманием. Я прочла все сообщения, пытаюсь вспомнить хоть что-то. Большинство из них были от Пэкстона. Девяносто пять процентов. Несколько от Кэндес, на тему какого-то телевизионного шоу, и какая-то ссылка. Я нажала на нее, но она не работала.

Ко времени, когда мое тело и разум достаточно расслабились для сна, я уже слышала девочек. По крайней мере, мне так казалось. Они уже проснулись? Который был час? Еще несколько раз я выныривала из дремоты в сознание, прежде чем поддаться коматозному состоянию.

* * *

— *Смотри под ноги. Не отставай от Изабеллы.*

— *Мне страшно. Я не хочу лезть выше, — произнесла Иззи надо мной. Мы были высоко. Очень высоко.*

— *Я сразу за вами. Вы не упадете. Мы почти добрались, — подбадривала мама. Я тоже не хотела лезть выше. Даже в шесть лет я понимала, что это не безопасно. Какая мать разрешит своим маленьким дочерям залезть на билборд возле шоссе? Моя мать. Вот кто. Билборд находился прямо над трассой, ведущей к аэропорту. Не знаю, в каком мы были штате, но он был большим. Огромные самолеты летали над нашими головами.*

Лишь добравшись до вершины, мы ощутили высоту. Планка была метра полтора шириной, и страх упасть затмевал красоту открывающегося вида. Мама скинула рюкзак с плеч и села под огромной рекламой за нашими спинами — «Заправка и мотель за следующим поворотом». Расстелив тонкое покрывало из рюкзака, она прижала нас к себе. По близняшке с каждой стороны. На Иззи была такая же красная маечка, как и на мне, с такими же белыми шортами в клубничках. Мы все

разулись и принялись ждать следующий взлет.

— Так много людей. Все отправляются в разные места. Куда, думаете, они летят, Клайды? — спросила мама далеким тоном, доставая хлеб и арахисовое масло. Снова. Это же будет и нашим завтраком. Ну, возможно еще мед, если он остался.

— Может, в Мэн. Я хочу поехать в Мэн, — огласила я.

— Я хочу поехать в Мэн с Гэбби на поезде. Некоторые люди спят в поездах.

Мама передала мне бутерброд, странно посмотрев на меня.

— А что в Мэне?

Я откусила бутерброд и ответила с полным ртом:

— Я тебе покажу, — пробормотала я, доставая сложенный лист бумаги из заднего кармана. Я его вырвала из журнала, когда мы ждали, пока какой-то мужчина починит нашу машину в гараже. Вот, почему мы должны были снова есть арахисовое масло. Мама сказала, что нам пришлось потратить все деньги на новый стартер.

Мама взяла неаккуратно сложенный лист и раскрыла.

— Национальный парк Акадия?

— Ага. Посмотри. Там есть скалы, на которые мы с Иззи сможем взобраться.

— Один из самых высоких приливов в Соединенных Штатах, — прочитала она.

— Да, переверни. Видишь, прилив совсем у скал, — объяснила я, указывая маленьким пальчиком на те же скалы.

— Хорошо, поедem в Мэн. Держи, запиши это, Иззи.

— Нет. Я запишу это, потому что Иззи хочет увидеть поезд. Она может написать о нем, — пожаловалась я.

— Точно. Правильно подмечено, — согласилась мама, улыбаясь. Ее палец игриво стучал по виску. Наклонившись, она укусила собственный бутерброд, протягивая Иззи начатую бутылку воды. Я написала свою идею в наш синий блокнот и передала его Иззи.

— Воу! — внезапно воскликнула Иззи, когда шум становился все громче и громче. Самолет был достаточно близок, чтобы прочесть надпись. Он пролетел над нами с молниеносной скоростью. Я всегда думала, что самолеты летали медленно. Всегда казалось, что они едва движутся в небе. Ну, по крайней мере, до той ночи. Самолеты были быстрыми. Молниеносно быстрыми.

— Пожелайте им удачи, — крикнула мама, размахивая рукой. — Пока, веселого и безопасного путешествия.

Мы с Иззи сделали то же самое, выкрикивая прощания и размахивая в воздухе бутербродами. Мы были так близко. Гигантский самолет появился прямо над нашими головами и исчез, оставляя нам порыв ветра и изумление. Мгновение, которое я никогда не забуду.

Никогда не ощущала себя в большей безопасности. Пятнадцать метров над землей. Но я чувствовала безопасность. Мама все говорила о следующих наших пунктах назначения, прерываясь на взлеты и посадки. Мы с Иззи по очереди рассказывали бессмысленные шутки, пели песни и считали звезды, слушая маму, рассказывающую о вещах, которых я не понимала. О вселенной и случайностях. Что мы всегда должны быть счастливыми. Добрыми ко всем, кого встречаем, и всегда прислушиваться к инстинктам.

Нормальных девочек в шесть лет учили выполнять работу по дому и нести ответственность. Нас с Иззи учили, что ответы приходят изнутри. Не из учебников. Не от учителей или докторов. Ответы всегда приходили изнутри. Мы с Иззи всегда соглашались. Обе лгали, что понимаем. Но это было не так. Никто из нас не понимал. Было похоже на то, что она нас готовила. Словно она знала. Хотела, чтобы мы были счастливы, не избалованы. Она ненавидела барахло, и поэтому у нас его никогда не было.

Даже дома.

— Прислушивайтесь к этому голосу. Первому инстинкту. Он всегда прав, девочки. Слышите? — твердила мама серьезным тоном, сжимая наши руки. Она часто проповедовала нам о звездах, глядя в никуда. Мы провели весь вечер на вершине мира, слушая безумные разговоры нашей счастливой матери и наблюдая за самолетами.

Как только на окрестности опустилась темнота, на нас обрушилось совершенно иное чудо. Ясная ночь с сияющими звездами и яркие огни самолетов открыли нам совершенно другое загадочное измерение.

Когда мы с Иззи устали, мы положили головы маме на колени. Каждая на одну ногу. Мы часто так делали. Засыпали вот так, где-нибудь в Соединенных Штатах. Мы заснули, пока мама перебирала наши волосы. Она часами смотрела в небо, но рано или поздно ложилась вместе с нами. Нас даже не беспокоил шум. Будучи рядом с мамой и держась с Иззи за руки, мы спали счастливым, мирным сном. С гулом парящих над нашими головами самолетов.

Глава 7

Изо дня в день мне становилось лучше. И изо дня в день я ничего не вспоминала. Помнила какие-то моменты, события и голоса. Маму и Иззи. Помнила их и больше ничего. Помнила путешествие через горы на поезде с бродягой по имени Бу. Он нравился нам с Иззи. Он играл на губной гармошке, пока мама танцевала с нами вокруг машины. Он даже поделился с нами пачкой картофельных чипсов. Моими любимыми. Я также помнила наше путешествие в Мэн. Мы с Иззи взбирались на высокие валуны, наверно, даже выше того билборда.

Я многое узнала, задавая вопросы девочкам, пока Пэкстона не было дома. Когда они прекращали носиться под солнцем, играя во всё, что угодно, мы узнавали друг друга. Меня завораживало каждое их движение, и я чувствовала безумную, глубокую любовь к ним. Обеим.

Я много времени провела в одиночестве, пока они были заняты, но в субботу Пэкстон заставил меня пойти на детский бейсбол. Я была не против. Кроме походов к доктору, я никуда не выбиралась. Даже на прогулку на пляж. Мне не терпелось сделать это.

— Вставай. У нас полно дел сегодня, — услышала я сквозь глубокий сон. Пэкстон раскрыл занавески, и яркое солнце заполнило комнату. Прищурившись, я посмотрела на часы. Семь тридцать. Детский бейсбол не начинался с первыми лучами солнца.

Я потеряла лицо и села, замечая, что впервые сделала это с легкостью. Никакой резкой боли или ноющих мышц.

— Я всегда позволяю тебе указывать, что мне делать?

— Да, с первого дня, — признался он, выгнув брови и широкими шагами направляясь ко мне. Положив руку мне на грудь, он толкнул меня назад, заставляя лечь. Простыни слетели с меня, и пояс был расстегнут. Рутина. Каждое утро, перед тем, как я могла пойти в ванную, Пэкстон снимал мой охранный подгузник. Когда он раздвинул мои ноги и провел пальцем по моим складкам, уже не было такой влажности, как в предыдущую ночь. И все же он делал это. Каждое утро.

Закатив глаза, я мысленно покачала головой, раздраженная.

— Мне нужно пописать.

Мне уже не нужна была его помощь, но Пэкстон, тем не менее, помог мне подняться и последовал за мной.

— Я бы хотел, чтобы ты снова начала заниматься домом. Начнем с

мелкого, но я не могу делать все сам, а Трише больше платить за это не собираюсь. Ты можешь возить девочек. И с этого дня будешь готовить.

— Я готовлю?

— Конечно, готовишь. Думаешь, получаешь все это ни за что? — спросил Пэкстон грубым тоном, жестом обводя руками комнату. Да. Дом был хорош. Очень хорош, но это был не дворец. Наверно, высший слой общества среднего класса. Он мог засунуть себе его в задницу.

Пэкстон взял мою зубную щетку и принялся чистить зубы. Меня это не заботило. А почему должно? Он оставил свой яд у меня во рту прошлой ночью. Не похоже, что я от него чем-то заразилась. Очевидно, я была тупицей в прошлой жизни.

Внезапная вспышка перед глазами заставила меня потерять дар речи на пару секунд. Слова Пэкстона влетали мне в уши, но я его не слышала. Комната с тонкими желтыми гардинами стояла перед глазами. Они висели перед стеклянной дверью и развивались на ветру.

— Ты меня слышала? — спросил Пэкстон все тем же злым тоном.

Что за черт?

— А?

— Дом. Я только что сказал, что он был в ужасном состоянии, что мне пришлось платить, чтобы его убрали. Тебе пора начать помогать. Ты мне не нужна, если не можешь выполнять свои обязанности.

Я поковыляла к нему без помощи костылей. Новый аппарат, который дал мне доктор на последнем осмотре, сильно помогал. По крайней мере, моя нога не была больше недвижима. Он хотел, чтобы я начала разрабатывать колено, и назначил терапию на следующий понедельник.

— Мне кажется, я нормально справляюсь с обязанностями. Несмотря на травму головы. Я не умею готовить, — усмехнулась я, сжимая челюсть и бросая на него взгляд.

— У тебя есть планшет. Найди рецепт и ознакомься с ним, или же мне придется приложить усилия, прежде чем мы уедем. — Его слова источали угрозу, даже когда он касался губами моих губ. Это испытывало меня — сколько еще дерьма Пэкстона я была способна выдержать? В одно мгновение он унижал меня, в другое — совал язык мне в горло. Он совершенно мне не помогал. Я не могла спросить его о том, кем была ранее. Получала в ответ одно и то же. Скажи мне: где была, с кем и куда собиралась. Но я не могла ему этого сказать. Я, черт возьми, не знала.

Девочки и соседи могли помочь в определенных рамках, они не знали нас. Не настоящих нас. Они видели фасад. Что-то ненастоящее. Иллюзию. Они не были здесь с самого начала. Триша была моей единственной

подругой или соседкой. Я бы не называла ее пока подругой. Не знаю, были ли мы действительно ими. Она сказала, что мы были подругами, и это все, на что я могла опираться.

— Не думаю, что ты хочешь, чтобы я готовила для тебя или для кого-то еще. Мне кажется, будто ты меня похитил и пытаешься дать мне жизнь, которая не является моей. Не чувствую я себя той, которая подчинялась бы.

Пэкстон приложил палец к моим губам, заставляя замолчать тихим «тшш».

— Заткнись. Уверяю тебя, ты именно тот тип, что подвластен контролю. Поэтому ты сосешь мой член. Поэтому твои ноги разводятся, когда бы я ни подошел к тебе. Ты шлюха. Моя шлюха. Я владею тобой, — сказал он тихим, пылким голосом, проводя пальцами по шее. Ком встал в горле, когда он нежно обхватил пальцами мою шею. Его хватка сжалась, а губы встретились с моими. — Тшш, молчи, детка. Повернись и прими душ, как тебе велено.

Трусливое чувство пронзило меня. Я опустила взгляд в пол и повиновалась. Этому я тоже быстро научилась. Если Пэкстон не принимал душ со мной, он выступал в роли зрителя. Как в этот раз. Он облокотился на стойку, скрестив ноги в лодыжках, и пялился, пока я пыталась снять рубашку через голову. Он остановил меня очередным приказом, когда я наклонилась, чтобы снять аппарат с ноги.

— Повернись спиной и сделай это.

— Серьезно?

Прежде чем я успела моргнуть, Пэкстон излил ярость мне в лицо. Его ноздри расширились, вены вздулись. У меня перекрыло дыхание, когда он потянул меня за волосы сильным рывком.

— Тебе стоит остановиться, Габриэлла. Ты молчишь. Закрой свою пасть и делай, что велено. Поняла меня?

Я попыталась сдаться, отступить. Но не могла. Я честно считала, что он спутал меня с кем-то. Это не была моя жизнь. Не могла быть. Никто в здравом уме не связался бы с этим парнем.

— А что, если не поняла?

Пэкстон внезапно отпустил меня и отошел назад.

— Тогда иди. Выйди за дверь и иди, — он указал на дверь, пока я стояла на месте. Мой взгляд метнулся к его серьезному, суровому лицу, затем к двери.

— Куда, черт возьми, мне идти? Ты ни о чем мне не рассказываешь. Где мои родители? Моя сестра? Я знаю, что у меня есть сестра. Ты хочешь, чтобы я вспомнила, но не помогаешь мне. Я не твоя собственность. Ты не

можешь владеть людьми, — выпалила я в ответ. Не могла сдержаться. Он был невыносим.

От волнения его лоб рассекли две линии, прямо над прямыми бровями — выражение, которое я видела уже много раз.

— Ты хотела этого. Знала, чего я ожидал, еще до того, как согласилась на что-либо из этого. Ты тоже хотела этого. Теперь же ты считаешь, что можешь просто так изменить правила. Это моя гребаная игра. Или ты играешь по моим правилам, или проваливай нахрен.

— Почему так сложно поговорить со мной, Пэкстон?

— Скажи мне, где была, и я скажу все, что ты хочешь знать, — ответил он, понизив голос до несвойственного ему спокойствия.

Я закрыла глаза с глубоким вздохом. Вернулись к начальной точке. Это было безнадежно. Пэкстону застилала глаза пелена. Пелена, от которой он не хотел избавляться. По крайней мере, не ради меня. Я была вынуждена следовать его капризам. Без причины. Просто потому что. Потому что Пэкстон так сказал.

Бросив на него «пошел ты» взгляд и качнув бедрами, я вывернулась из его рук и склонилась. Затем медленно расстегнула застёжку. Ты хочешь сабмиссива, ублюдок...? Получи.

Я не спешила, стоя попой кверху и намеренно выставляя все прелести. Звук расстегивающейся текстильной застёжки усиливался с каждой новой полоской. Сантиметр за сантиметром я снимала его. Когда мне нечем больше было заняться, я встала, снова не спеша. Я даже выгнула спину для лучшего шоу.

Скинув рывком волосы с плеча, я обернулась на него, ожидая увидеть его враждебный взгляд. Нет. Даже и близко. Пэкстон стоял, раздвинув ноги и скрестив руки, улыбаясь. Ему было весело. Я его развеселила. Опустив руку к своей промежности, он схватил себя и подошел ко мне. И опять-таки он не сделал то, чего я ожидала. Мышцы моей шеи уже сжались, защищаясь в ожидании его руки.

Это была первая порка, по крайней мере, на моей памяти. Я не ожидала ее, учитывая положение его тела. Его грудь была прижата к моему левому плечу, а рука с громким хлопком встретилась с моей попкой. Мое тело отреагировало на удар.

— Продолжай в том же духе. У меня появилась идея на потом, — произнес он с угрозой, касаясь губами моей шеи.

Мое сердце колотилось, а мозг пытался осознать происходящее. Рука Пэкстона успокаивала щипание на моей попке нежными поглаживаниями. Я ничего не делала. Ничего не говорила. Ничего не чувствовала.

Ошарашенная, я не знала, как реагировать.

— Потом? — выпалила я, словно квакнула, не понимая, почему это сделала. Я ведь даже не думала об этом.

— Да, потом. Сначала мы должны пойти к Лейну и Кэндес.

— Ох, — и опять это все, что я смогла придумать. — Могу я теперь принять душ?

— Ты спросила. Хорошая девочка. Это меня радует, а член твердеет. Думаю, я трахну тебя позже, — прошептал он горячие слова возле моей шеи, затем возле губ.

Он рывком притянул мое обнаженное тело к своему, держа одну руку на пояснице, а другую — на слегка щиплющей попке. Я отчасти растаяла в его поцелуе. Не хотела приписывать сюда эмоции, это просто случилось. Я расслабилась, прижимаясь к нему грудью и медленно проводя пальцами по его руке. Пэкстон сделал два шага, ударяя меня о стену душевой. Его поцелуй был отчаянным, чувственным.

Я не знала, что и думать. Голова закружилась, когда эмоции овладели телом. Чувства, которые мне не нравились. Которых я не хотела.

Чем более отчаянным был Пэкстон, тем больше эмоций поглощало меня. Зажглась страсть, взорвавшись в моей сердцевине. Мое тело растворилось в нем, и я наклонила голову, моля о большем. Его губы жадно пробежались по моему горлу, посасывая кожу.

И на этом он остановился.

Пэкстон удивленно посмотрел на меня, словно на мгновение его охватил шок.

— Собирайся, — приказал он хрипло. Прочистив горло, он вышел из ванной.

Я уставилась на него, выглядя еще более потерянной. Что, черт возьми, только что произошло? Мне казалось, что я в ловушке.

Я использовала время в душе для раздумий о том огне, что на мгновение появился между нами. Нечто эйфорическое и дурмнящее. Не простая страсть. Что-то большее. Я ощутила то же, что и под воздействием дилаудида в больнице. Легкая и парящая. Мои пальцы нежно коснулись щрама на затылке, пока я пыталась осознать, что только что произошло.

Я сделала глубокий вдох горячего пара и тяжело выдохнула, переключая мысли. Вернусь к этому позже, когда смогу сообразить что к чему. Я вспомнила свой сон — высокий билборд с мамой и сестрой и комнату с желтыми занавесками. Где это было? Где были мои мама и сестра? Они были реальны. Воспоминания были настоящие. Это я знала без сомнения. Чего я не понимала, так почему все остальные не знали их

или что-либо о них. Почему?

Пэкстона уже не было, когда я вышла из ванной, завернутая в полотенце. Увидев на кровати оставленную для меня одежду, я выдохнула. Этот мужчина должен был контролировать все. Я поскакала к кровати, без аппарата. Мои пальцы перебирали кружевные трусики, сделанные в основном из полоски ткани, пока я размышляла о его выборе одежды. У него был неплохой вкус. Мне нравился наряд. Белые шорты и красный топ. И один розовый шлепок в пару к синему аппарату. Волновало меня то, что он выложил эту одежду для меня. Зачем? Неужели ему так нравилась власть?

Я оделась перед стеклянной дверью. Океан разливался вдалеке под ярко-голубым небом. Впервые с момента потери памяти я чувствовала себя хорошо. Не эмоционально. Физически. Боль в бедре, казалось, уменьшилась, и я могла ходить без костылей, к тому же я не принимала обезболивающее уже больше двенадцати часов. Оно мне даже не нужно было. Теперь же, если мозг возьмет пример и нагонит, мне будет о чем поговорить.

Я высушила волосы перед зеркалом в ванной и собрала их с помощью резинки и заколки. Накрутила два локона, которые намеренно оставила вне прически, и покрасила ногти красным лаком — более темным оттенком, чем цвет кофточки. Мне нравилось делать девчачьи дела. Нравилось чувствовать себя красивой. На короткое мгновение мне показалось, что за мной следят, словно я лезла к чужим вещам. Не моим. Дорогая косметика была аккуратно расставлена на среднем столике, все на своих местах. Помады и тени всех цветов, розовые и красные румяна, основы разных оттенков для каждого сезона. Мечта любой девушки.

Я закончила свой образ красной помадой. Сначала я попробовала розовую, но она слишком сливалась с кофточкой. Красная же не была слишком яркой, скорее малинового оттенка с намеком на пурпурный. Надев массивный аппарат, я проверила свой вид в зеркале. Если не считать крошечного шрама над левым глазом, шрама вокруг колена и глупого аппарата, я выглядела хорошо. На самом деле, я выглядела горячо. Дорогой бюстгальтер, который я выбрала сама, творил чудеса с моей грудью. Заправленные края кофточки тоже помогли с этим, натягивая тонкую ткань.

— Пояс, — крикнула я своему отражению. Я направилась к шкафу, думая о чем-то тонком и блестящем. Перенеся вес с больной ноги, я схватила несколько поясов. Хм, мне не нравились пояса. Выбор был невелик. По крайней мере, ничего, о чем я думала. В голову пришла идея, и

я перевела взгляд на платя. — Ауч, — произнесла я, кривясь от внезапной боли в шее. Спустя мгновение поисков, мой взгляд опустился на идеальное платье. Без бретелек.

Запах бекона защекотал мне нос, как только я открыла дверь. Я точно знала, что не любила мясо. Эта вонь лишь раздражала мой желудок, и на секунду мне показалось, что мне стоит развернуться и вернуться в ванную. Открытая дверь слева сдержала меня от этого поступка. Комната Роуэн. Мои губы мгновенно изогнулись в улыбке, но только на секунду. Ее кровать была не заправлена и пуста. Хихиканье, доносящееся из соседней комнаты, вернуло улыбку.

Сначала я просунула голову в дверь, заметив их обеих под одеялом в горошек, смеющихся с плюшевым жирафом в руках.

— Доброе утро, девочки.

Роуэн и Офелия затихли и повернулись ко мне.

— Ты красиво выглядишь, мама, — прокомментировала Роуэн.

— Ах, спасибо, крошка, — сказала я, неуклюже направляясь к ним.

— Мне нравятся твои губы, — Офелия тоже сделала комплимент.

— Спасибо, Фи. Девочки, готовы забить пару хоумранов? — спросила я, садясь на край двуспальной кровати. Счастливицы. У меня не было кровати, пока я не переехала жить к миссис Портер.

Подождите. Что? Что еще за миссис Портер?

— Я собираюсь забить мяч в лунку.

— Ох, точно, молодежный гольф, — произнесла я, перебирая локоны на ее плече. Я была безоговорочно влюблена. — Давайте почистим зубки и начнем собираться. Папочка готовит завтрак.

— Мне не нравится папин завтрак, — призналась Роуэн.

Я засмеялась и похлопала ее по ноге.

— Не думаю, что я готовлю лучше, — предположила я.

— Нет, лучше, — убедила меня Офелия, кивая головой. — Намного лучше.

— Мне понадобится помощь, чтобы вспомнить, как это делается. — Обе девочки согласились помочь мне с готовкой, обнажая гордую улыбку и кивая головами. Я отправила их в ванную чистить зубы. Радость наполняла мое сердце. Несмотря на тот факт, что Пэкстон был придурком, и между нами происходило что-то неясное, чувствовала я себя прекрасно. И я была влюблена. Влюблена в самых замечательных девочек на земле.

Я выбрала милую маленькую голубую джинсовую юбочку и лиловую кофточку. Забавные вещички в разных цветах. На кофте розовыми буквами было написано «Навыворот». Понятия не имею, что это значило, но это

было мило. Я засмеялась вместе с девочками, когда проходила мимо ванной, услышав, как Роуэн рассказывает шутку.

— Почему жвачка переходила дорогу?

— Потому что она приклеилась к ноге цыпленка, — ответила быстро и правильно Офелия. — Я уже знаю эту.

— Предатель.

Я вошла в комнату Роуэн, с легкостью поднимая плюшевого животного. Едва ли появилась какая-то боль. Я открыла шкаф и была застигнута врасплох. Не знаю, чего я ожидала. То есть, они ведь не были близнецами. Черт, у них даже матери были разные. Почему я ожидала увидеть их в одинаковой одежде? Ничто в шкафу Роуэн не походило на наряды Офелии, и это волновало меня. Но почему?

— Что ты делаешь? — спросил Пэкстон из-за двери.

Застигнутая врасплох, я перевела взгляд на него, на его лице читалось недоверие.

— Они играют сегодня. В униформах. Они на диване.

— О, да. Конечно.

— Ты использовала помаду?

— У меня ее много. Я предположила, что часто крашу губы.

— Нет. Никогда. Если только я не заставлю тебя.

— Ох, ну, тогда я пойду сотру ее лучше.

Пэкстон не смог скрыть свою реакцию. Он улыбнулся. Искренне. Я собственными глазами это видела. Широкими шагами он подошел ко мне, быстро сменив улыбку усмешкой. Даже за то короткое время, что я его знала, я видела разницу. Запах его одеколона достиг меня быстрее его тела. Пьянящий запах.

— Что это? — указал он на импровизированный пояс. Его пальцы легонько коснулись блестящих заклепок, а взгляд задержался на груди.

— Я взяла его с другого наряда. Сюда явно что-то требовалось.

— Мне нравится. Рад, что ты будешь со мной.

Я нахмурилась, замешательство читалось на моем лице.

— Что это значит?

— Ничего, это комплимент.

— Мама! Мама! Роуэн не отдает мне мою рубашку. Я пятый номер. Мама!

— Я разберусь. Пошли есть. Нам нужно ехать, — произнес Пэкстон рядом с моими губами, прежде чем поцеловать. С языком и так далее. Он отстранился, когда Офелия вновь закричала.

— Ты часто меня целуешь, — сказала я, выдерживая его взгляд.

Пэкстон ничего на это не ответил. Наградив меня специфическим взглядом, он ушел.

Я уставилась ему вслед. Ну, в основном на его зад. Пэкстону шли джинсы. Проклятье, он мог их носить не снимая. Я замотала головой, гадая, что, черт возьми, со мной происходило — помимо того факта, что с моим мозгом было что-то не так. Приводящие в замешательство эмоции смешались с жаждой, жаждой его. Было что-то между нами. Какое-то притяжение друг к другу, большее, чем считал Пэкстон. Не знаю, что я чувствовала по этому поводу.

Я повесила несоответствующую наряду Офелии одежду в шкаф Роуэн, тяжело вздыхая и качая головой. День за днем. Это все, что я могла делать. Это было моим планом.

Пэкстон и девочки уже сидели за столом, когда я присоединилась к ним. Кто-то мог бы подумать, что, если муж сидит с одной стороны шестиместного стола, его жена будет сидеть напротив. Но не в доме Пирсов. Я сидела справа от него, а девочки напротив меня, ковыряя яичницу-болтунью и бекон. Я узнала о своем месте за столом в первый же раз, когда ела за ним. В первый раз, который помнила. Все остальное забылось. Не осталось ничего, кроме пустого мозга и нескольких крох информации для дальнейшей жизни. То, что я вспоминала, не имело смысла. Абсолютно. Почему я не могла вспомнить свою прежнюю жизнь? У меня было только настоящее с семьей, которую я не понимала. Казалось сложным поверить, что все это происходило со мной и раньше. Почему мой мозг вспоминал детство, а не взрослую жизнь? Я сделала мысленную заметку спросить доктора Миража об этом в следующий визит.

— Что ты делаешь? — спросил Пэкстон.

Я вырвалась из задумчивости и взглянула на него, смагивая видение. Покачав головой, я наложила себе на тарелку несколько яиц, избегая бекона.

— Ничего. Просто думала.

— О чем?

Наклонив голову, я улыбнулась. Нет, скорее усмехнулась, той же самой ухмылкой, которую получала всегда от него.

— Это важно?

— Конечно, важно. О чем ты думала?

— Ладно, хорошо. Я думала о своей матери и сестре.

Пэкстон закатил глаза, вгрызаясь в волнистый бекон.

— У тебя есть сестра? — спросила воодушевленно Роуэн.

— Нет, у вашей мамы нет сестры. Это из-за ее травмы головы. Ешьте.

У вас впереди игра, которую нужно выиграть.

— Я забью мяч в лунку, папочка, — сказала Офелия, вставляя свои две копейки. Ей тоже хотелось внимания.

Я улыбнулась ей, откусывая пшеничный тост.

— Думаю, тебе нравится гольф, Фи. Возможно, он станет твоим выбором в спорте.

— Офелия. Ее зовут Офелия, — напомнил мне Пэкстон.

— Да, конечно. Мэйфлауэр. — Это выскочило само собой. Я даже не собиралась говорить этого и точно не хотела выказывать своего отношения. Но уже слишком поздно.

Вилка Пэкстона ударилась о стеклянную тарелку перед ним, его взгляд соответствовал его состоянию.

— Не могла бы ты мне помочь на кухне минутку?

Тканевая салфетка упала на стол, и Пэкстон встал, скрепя стулом по полу, его взгляд метал кинжалы в мой травмированный мозг. О, боже... Он был взбешен. Я последовала за ним, уходя от девочек, зная, что во что-то влипла. Только не знала во что именно. Может словесная порка. Может наказание пальцами. Кто знает?

Он встал над раковиной, уставившись на бесконечный океан.

— Ты не едешь, — произнес он, не оборачиваясь.

— Куда?

— Никуда. Смотреть на девочек сегодня. Можешь остаться дома и попытаться вспомнить свое место.

— Почему? Это глупо. Я хочу поехать. Хочу увидеть их игру.

В этот раз Пэкстон повернулся ко мне. Два шага и он был у моего лица.

— И я хочу, чтобы ты вспомнила, кто, мать твою, ты такая. Кажется, тебе это не удастся, сколько бы раз я не говорил тебе об этом.

— Я даже не понимаю, почему ты так взбешен. Господи Иисусе, остынь. Как я могу вспомнить, кто я, мать твою, такая, если травма головы все еще продолжает блокировать мои воспоминания?

Тишина. Красное лицо. И ярость.

— Иди в ванную. Сейчас же.

Его голос был тихий. Собранный. Спокойный. Не это испугало меня. Взгляд его холодных зеленых глаз заставил мой голос дрожать.

— П-почему?

— Я собираюсь напомнить тебе, как женщины семейства Пирс разговаривают со своими мужьями.

— Нас много? Есть еще кто-то, кроме тебя? Дерьмо. Прости. Я не это

имела в виду. Давай просто позавтракаем и забудем об этом. Ничего не случилось. Я не хотела проявлять к тебе неуважение. Просто не понимаю, в чем дело. Почему я не могу называть ее Фи?

— Потому что это не ее имя. Может тебе показать ее свидетельство о рождении?

На самом деле, я бы хотела его увидеть, но знала, что это не тот ответ, который он от меня ожидал.

— Неважно. Мы можем просто позавтракать и поехать?

— Я только что сказал — ты не едешь.

— Не будь таким. Я извинилась. Мне тоже нужно выбраться из этого дома, ты ведь знаешь.

— Тогда развернись и иди в ванную. Я собираюсь научить тебя еще одному правилу этого дома.

— Какому?

— Иди. Я буду там через минуту.

Это была глупая часть. Часть, которая меня озадачила. Первое, что я заметила, когда уходила настолько неспешно, как только могла, был ритм. Пульсация между моих ног. Словно мое тело знало, что грядет, и привычно реагировало на обряд. Мой мозг... Не совсем. Волнение и адреналин наполняли, и я могла слышать собственное сердцебиение у себя в голове. Быстрые, короткие удары, соответствующие пульсации между моих ног. Мои ладони вспотели, и все тело дрожало от страха.

И ожидание.

— Как дела? Все в порядке? — спросила я, проходя мимо девочек.

— Роуэн получила больше яиц.

— А ты — больше бекона, — огрызнулась тут же Роуэн.

— Все хорошо. Ешьте, пока ваши животики не наполнятся. Я сейчас вернусь.

Липкое клубничное желе стало важнее меня. Роуэн взяла его первая, и Фи последовала ее примеру, совершенно забыв о моем существовании. Я продолжила свой путь в ванную, испуганная и одновременно возбужденная. Из-за чувства волнения у меня между ног, я была уверена, что мое тело знало, что его ждет. Даже если мозг был в неведении.

Глава 8

Не знаю, что было у меня на уме, пока я ждала, сидя на столешнице. По растущей боли за коленом и в лодыжке я понимала, что мне нужны костыли. Мое упорство лишь затягивало выздоровление. Вместо мыслей о Пэкстоне, открывающем дверь, я думала о костылях. Мозг изо всех сил старался блокировать мысли о нем, но, даже не зная, я внутренностями чувствовала, что произойдет.

Сильнейший параноидальный испуг поглотил меня, когда дверная ручка повернулась. Сердце колотилось как сумасшедшее, а кровь бурлила в венах. На секунду мне показалось, что у меня будет сердечный приступ.

— Ты скучала по этому? Не можешь больше ждать? В этом дело? — спросил Пэкстон тихим голосом, сузив глаза, подходя ко мне широкими шагами. Ко мне и моему колотящемуся сердцу, пересохшему рту и сильному возбуждению. Господи. Я и вправду была блаженной шлюхой.

— Понятия не имею, о чем ты говоришь.

Он остановил меня предупреждающим взглядом, одним из тех, которые я легко различала в его зеленых глазах.

— Думаю, ты точно знаешь, о чем я говорю. Думаю, ты защищаешься, потому что знаешь. Знаешь, потому что это все игра. Большая часть.

Конечно, я молчала. Хотя и не смогла бы заговорить, если бы даже попыталась. Пэкстон творил что-то со мной. Вещи, которые я не могла объяснить. Мое тело реагировало на него, словно на опасность. Любителем острых ощущений — вот кем я себя чувствовала рядом с ним. Как прыжок с самолета. Экстаз от него превосходил чувство опасности.

Дыши...

Дыши...

Дыши.

Мне буквально пришлось напоминать себе об этой простой необходимости, искренне боясь, что умру, если не буду напоминать. Мой взгляд переключился на его руки. Он достал край моей красной кофты из-под шорт. Я снова напомнила себе дышать. Это все его взгляд. Выражение его лица. Мгновенный бугор в его джинсах. Это была страсть. Трепет, которого я желала. Похоть. Чистая похоть.

Следующим раздался звон пряжки моего пояса. Пэкстон не спешил, вытягивая ремешок. Столько же времени ему понадобилось, чтобы расстегнуть ширинку. Звуки металла эхом отдавались в комнате.

Опустившись на колени, он потянул за шорты. Прикладывая немного усилий, он стянул их с моих бедер все с тем же похотливым выражением лица. Мои колени задрожали, а пальцы сжали столешницу для поддержки так сильно, что костяшки побелели.

— Повернись, — приказал Пэкстон самым сексуальным, страстным голосом, который я только слышала или помнила.

Я едва могла сдерживаться. Он был прав — я была шлюхой. Сдаюсь. Я была шлюхой, не могу придумать другого объяснения этому. Я хотела этого. Хотела, чтобы он выпорол меня. Почему? Что, черт возьми, не так со мной? Я хотела этого?

Дыхание словно попало в ловушку в моих легких, когда его рука переместилась на мою обнаженную попу. Слабый стон слетел с моих губ, когда он сжал мои серо-голубые кружевные стринги и натянул. Следующего движения я никак не ожидала — его рука грубо опустилась на мою правую ягодицу. Еще один стон сорвался с моих губ, но на этот раз более эротичный. Тонкая ткань между моих ягодиц снова натянулась, после чего последовал очередной резкий шлепок. Не знаю, в чем было дело — в усиленном звуке, во встрече наших глаз в зеркале, в загадочном, но страстном взгляде или в чем-то другом, но это сделало ощущения феноменальными. Вот она я в руках монстра, и мне это нравилось. На самом деле, я это любила и хотела большего. Даже пощипывание на моей попе словно било током. Он превратил меня в шлюху, ищущую острых ощущений. В зависимую от Пэкстона.

— Разве ты не течешь от этого, Габриэлла? Ммм? — Хлопок! Еще один удар в том же месте. — Тебе нравится, когда я нагибаю тебя так, не правда ли, Габриэлла?

Я не произнесла ни слова. Не потому что не могла, просто не знала, разрешено ли мне. Только оттого, что Пэкстон задал вопрос, не значит, что я могла ответить на него. Особенно в данной позе. Под его контролем.

Он вынул кружевную ткань из моих ягодиц, увеличивая возбуждение. Еще один хлопок укусил меня за то же место. Семь — счастливое число. Моя попа горела, и мне это нравилось. После последнего шлепка он поместил руку сверху, успокаивая жжение ласкающими движениями.

Мой мир вышел из-под контроля, тело жаждало большего.

Пэкстон прижал меня к груди, толкаясь своей твердостью в мою горящую попку. Он смотрел на меня в зеркале и в то же время мимо. По крайней мере, не в глаза. Казалось, он намеренно избегал их. Однако это было неважно, ведь и я не смотрела на него. Не могла. Его рука обогнула меня и скользнула к моим пульсирующим складочкам. Моя голова упала

ему на грудь, глаза закрылись, и я застонала. Один полный похоти эротический стон.

— Господи Иисусе, Габриэлла, — воскликнул Пэкстон.

На это я тоже не ответила. Даже глаз не открыла. Они оба были закрыты, пока я молила Господа Всемогущего, чтоб он не позволил Пэкстону остановиться. Я бы не выдержала больше, и он это знал. И Господь, и Пэкстон.

— Хочешь кончить, детка?

— Пожалуйста, — взмолилась я сквозь стон. Много не требовалось для этого. Еще две минуты внимания моему пульсирующему бугорку. Все. Я многого просила? По-моему, нет. Но Пэкстон так не считал.

Он остановился. Этот ублюдок остановился.

— Будь готова, нам нужно ехать. Не налажай. Бейсбольное поле недалеко отсюда. Могу вернуть тебя сюда в течение пяти минут.

Проведя еще раз по моему обезумевшему влагалищу, он отстранился.

— Уверен? — спросила я, переступив грань, которую знала, что переступлю еще до того, как произнесла фразу. Моя рука сделала то, что делала его. Я завела ее назад и коснулась твердой, как сталь, эрекции. На этот раз наши глаза встретились в зеркале. В его был шокированный блеск. Мои же молили о большем, полные желания.

Пэкстон не остановил меня. Не сразу. Его глаза закрылись, а бедра качнулись в мою сторону. Господи, он был тверд.

— Блядь, Габриэлла, — произнес он хриплые слова мне в волосы.

— Вставь его в меня, Пэкс, — взмолилась я, уделяя особое внимание его выпирающей головке, покрытой джинсовой тканью.

Сначала боль от лодыжки стрельнула в колено, а после и в бедро, когда я оказалась на коленях перед ним. Это было быстро. Молниеносно быстро. Пэкстон развернул меня, рывком опуская на колени, потянув за волосы. Он освободил свой член и вставил его мне в рот в мгновение ока.

Это тоже было быстро. Клянусь, это не заняло и тридцати секунд. Пэкстон держал мою голову, врываясь и вырываясь из моего рта. Быстро и глубоко. Прямо мне в глотку.

— Аахх, — выкрикнул он вскоре. Один палец скользнул в уголок моего рта, бедра застыли, сделав толчок, и он принялся дробить рукой. Я мгновенно взбесилась. Не уверена даже, когда ощутила его на вкус.

— Мама, Роуэн разлила свой апельсиновый сок на пол, — крикнула Офелия за дверью. — Мама? — повторила она, скорее как вопрос.

Пэкстон убрал выбившуюся прядь волос с моего лба и улыбнулся.

— Не зови меня Пэксом. Иди уברי сок. Я хочу зайти в рабочий гараж.

Будь готова.

Он взял мою руку и помог встать. Затем поцеловал в шею, располагая стринги на свое место. Одним сильным движением. Я заговорила, протестуя его глупому, эгоистичному поведению. Тшш и его губы остановили меня.

Желание обозвать его идиотом было очень сильным. Слова вертелись на кончике языка. Но страх, что он заставит пропустить игру, не дал их произнести. Я ненавидела его. Пэкстон Пирс был не более, чем подонком.

Получив от меня ответ, Офелия завопила теперь отцу. Я натянула обратно шорты и заправила кофту как раз, когда он открыл дверь. Сухой ком встал в горле, пока я смотрела, как он наклоняется, поднимая ее в воздух.

Кем был этот мужчина? Кем он себя возомнил? Я повозилась с волосами, приводя их в порядок и изо всех сил пытаясь выбросить это из головы. Притвориться, что не было безумной пульсации, что я не была готова взорваться. Но я не могла больше. Мне необходимо было облегчение. Мои пальцы уже были на ширинке шорт, когда я подошла к двери. Закрыв ее, я повернула замок и облокотилась на нее.

Долгий и глубокий вздох наполнил мои легкие, когда пальцы нашли источник проблемы. Напряжение было невероятным, и, как и Пэкстон, я нашла облегчение спустя несколько секунд. Пальцы вырисовывали круги вокруг моего скользкого от влаги клитора, и энергичная пульсация умножалась. В десятки раз.

Сходя в туалет по большей части ради того, чтобы промокнуть влагу от возбуждения, я вышла из комнаты. Обрато к семье, которую я не знала, но с гораздо лучшим самочувствием.

Офелия сидела на островке, а Пэкстон стоял перед ней, завязывая белые кроссовки. Он опустил ее на пол, и мое сердце пропустило удар. Ее маленькие бейсбольные штаны и белая футболка были чертовски милы. Она была очаровательна. Я улыбнулась ей, читая надпись на ее спине. «Бассейны и уход за газоном Пирс. Строя ваши мечты. Создавая вашу реальность.» Адрес веб-сайта и номер написаны ниже. Думаю, Роуэн выиграла пятый номер.

Офелия рассказывала какую-то длинную историю о Коллине и блестках. Я слушала в пол уха, высматривая в глазах Пэкстона его настроение. Набравшись смелости, я подошла к нему и вытерла большим пальцем уголок его рта.

— Помада, — сказала я тихо.

Его рука обхватила мое запястье сильной хваткой, глаза пронзили мои.

Дерьмо!

Он поднес мои пальцы к своему носу и вдохнул.

— Лавандовое мыло и киска? — спросил он шепотом.

— Что? — сказала я, разыгрывая недоумение.

— И он разрешит мне взять одну сегодня вечером. Правда, папа? — спросила Офелия.

— Увидим. Найди Роуэн. Нам пора.

— Она пошла на улицу, потому что не смогла найти свой свисток. Этот мой, — объяснила она, показывая нам блестящий серебряный свисток. — Мама написала на нем О. Правильно, мама?

— Да, милая. Правильно, — солгала я. Ну, не солгала. Просто я этого не помнила. Я видела на многих вещах буквы О и Р. С тем, как они ссорились, метки на вещах были необходимостью.

— Иди, помоги ей, — приказал Пэкстон, все еще держа мою кисть. Офелия ушла, маршируя под звуки своего свистка.

— Кем, черт возьми, ты себя возомнила? — спросил Пэкстон, как только она вышла из зоны слышимости.

— Я? — фыркнула я, указывая большим пальцем на грудь. Правда? Он хотел знать, кем Я себя возомнила?

— Думаешь, можешь делать, что захочешь? Думаешь, эта киска принадлежит тебе?

— Ну, да, вообще-то да. А ты чего ожидал?

Рука Пэкстона обхватила мою шею за доли секунды, ударив меня спиной о холодильник, его слова были остры, ставя меня на место. Желанное ему место.

— Думаешь, можешь использовать это в свою пользу. Все это «я могу делать, что хочу, потому что ничего не знаю»? Не можешь, Габриэлла Пирс. У нас была сделка, которую тебе не разорвать. Я владею тобой. Ты делаешь, что я говорю. Когда я говорю. Если ты кончаешь, это потому что я позволяю. Никак иначе. Тебе стоит понять это, и быстро. Меня начинает раздражать это все. Уясни свое место и не рыпайся с него, пока не пострадала.

Усиление хватки на моей шее не дало мне ответить. Это и его губы. Пэкстон поцеловал меня, посылая мне в голову ураган эмоций, слегка ударив о холодильник.

— Ответь мне, Габриэлла. Скажи, что понимаешь, что я говорю тебе.

— Хорошо, да, — солгала я. Понятия не имела, чего он хотел. То есть, понимала, но не до конца. Я знала, чего он хотел, но не могла найти ответа почему.

— Единственная причина, почему ты покидаешь этот дом, это эти две девочки. Если бы это не расстроило их, ты осталась бы дома. Хватит. Тебе стоит остановиться, и я не шучу, что ты останешься вечером дома. Облажаешься еще хотя бы раз сегодня, и будешь мыть туалет, пока мы с девочками будем развлекаться на барбекю. Ясно? Мы друг друга поняли? — спросил Пэкстон, указывая одним пальцем с меня на себя. Я сделала единственное, что знала. Кивнула в согласии.

— Это моя девочка. Пошли. Нужно заехать на работу перед игрой. — И просто так Пэкстон сменил настроение. Я поняла несколько вещей из выученного мной урока.

Пэкстон говорил, что мне делать.

Я делала.

Пэкстон говорил мне прыгать.

Я спрашивала, как высоко.

Пэкстон принимал за меня решения.

Я позволяла.

Пэкстон владел моим телом.

Я была его шлюхой.

Разумом, телом и душой — он владел мной.

Я даже дверь машины сама открыть не могла. И ни в коем случае это не было мило. Ну, может в глазах посторонних. Но не в моих. Это было его проявление власти. Я стояла сбоку, пока Пэкстон пристегивал девочек на сидениях. Может он и был ужасным мужем, но стоило признать, он был хорошим отцом. Мои губы изогнулись, услышав ответ на шутку «Тук-тук. Кто там?» Офелии.

— Ох, ты меня поймала. Эта была хороша.

Офелия захихикала, тряся плечами.

Моя улыбка исчезла, когда он закрыл дверь машины и посмотрел на меня. Положив руку на спину, он притянул меня к своей твердой груди и ухмыльнулся.

— Ты можешь улыбаться. Я люблю твою улыбку и твои губы.

Конечно, я ответила на его поцелуй. Не знаю зачем. Просто ответила. Может мне нравилось целовать его. Может это как-то было связано с моей травмой головы. Но что бы ни происходило — это было странно. Необъяснимо. Чувство, которое появляется, когда ты влюблен, ощущаешь новизну отношений, узнаешь друг друга. Добавьте это к торнадо из сексуального напряжения, ненависти, похоти и враждебности. Что-то обязательно должно было произойти. Взрыв.

Пэкстон открыл мою дверцу, и я скользнула внутрь. Еще один поцелуй,

и он пристегнул меня к переднему сидению, как только что сделал с девочками.

Скрытая камера сняла бы обыкновенную семью. Девочки безостановочно говорили с Пэкстоном, я время от времени участвовала в разговоре с нашими дочерьми. Но не друг с другом.

И когда мы заехали на место работы Пэкстона, я все еще не до конца понимала, чем он занимался. Мы с девочками ждали в машине, пока он осматривал задний дворик шикарного прибрежного дома. Пейзаж был великолепен. Экзотические растения, придирчиво доведенные до совершенства.

— Значит, папочка заставляет дворы выглядеть красиво. Это его работа, правильно? — спросила я девочек.

— Папочка делает бассейны, — объяснила Офелия.

— И он сажает разные растения. Вот как эти, — сказала Роуэн, указывая на дерево, увешенное красными ягодами.

— Да, это глупо. Кто захочет перечное дерево прямо на подъездной дорожке? — Перечное дерево? Откуда я это знала?

— Так, порядок. Девочки, вы готовы забить пару хоум-ранов? — спросил жизнерадостно Пэкстон, садясь за руль.

— Мама сказала, что это дерево глупое, — конечно же Роуэн должна была сказать это. Громко.

— Я посадил это дерево. То есть, мои ребята его посадили, но идея моя.

— Это глупо, — произнесла Офелия, вставляя свои пять копеек. Никто не спрашивал ее мнения.

— О чем они говорят? — спросил Пэкстон, сдавая назад.

— Ни о чем, просто я не понимаю, зачем сажать перечное дерево так близко к припаркованным машинам.

— Припаркованным машинам?

— Ты ведь знаешь, что делает это дерево, не так ли.

— Знаю. А ты?

— Да, они вырастают до двенадцати метров в высоту и покрываются красными ягодами.

Пэкстон перебил меня прежде, чем я успела закончить.

— Красивыми красными ягодами, которые будут красиво смотреться рядом с пальмами.

— И птицы будут гадить повсюду рядом с ними. — Моя рука рванулась ко рту, как только я произнесла эти слова. Девочки захихикали с заднего сидения. Даже Пэкстон улыбнулся. Уверена, в большей степени из-

за их хихиканья, чем из-за моего плохого слова, сказанного перед ними.

— Я знаю, что оно делает. Я обсудил это с владельцами дома. Они знают, — убедил меня Пэкстон, беря за руку. — Значит, ты помнишь, что такое перечное дерево, но не можешь вспомнить кто ты и где твое место?

— Мое место?

— Забудь, — сказал он, бросив взгляд на заднее сидение. Он не хотел указывать мне мое место перед девочками.

В любом случае, мне не нужно было снова слышать это. Слышала это уже достаточно раз. Вместо этого я уставилась в окно, спрашивая себя о том же. Почему я знала, что такое перечное дерево, и откуда я знала, как птицы слетаются на него? Рука Пэкстона сжалась вокруг моей, и я вздохнула, переводя взгляд на наши переплетенные пальцы. Ложь.

Игра продолжилась и когда мы добрались до бейсбольного поля. Мы слились с толпой. Я чувствовала себя, как рыба на суше. Все, казалось, знали меня. Думаю, я была не готова к роли клоуна.

— О, боже мой, Габриэлла. Я так рада, что с тобой все в порядке. Я собиралась навестить тебя, но работы так много. Ты ведь знаешь.

— Все хорошо, — это все, что я сказала. Все хорошо. Все равно не знала, кем была эта девушка. Так же не знала парня возле нее. Кем бы он ни был, от того, как он пялился на меня, бежали мурашки. Что за хрень?

— Аах, ты нас не помнишь. Да? — спросила блондинка.

Я улыбнулась, утвердительно кивнув, и признала правду.

— Прости. Не помню.

— Кэндес и Лейн? Мы живем через три дома справа от вас. Серый с бордовыми ставнями.

— О, тот, с высокой травой, — заявила я, как идиотка.

Пэкстон сжал мою руку, чтобы заткнуть.

— Я уже отправил парней к вам, сегодня днем приедут. Лужайка будет подстрижена еще до вашего возвращения домой.

Кэндес и Лейн шли с нами, пока наши дети бежали впереди вместе с их маленькой девочкой. Такая милашка, и мне нравилось ее имя. Малышка по имени Шанс. Насколько мило это было?

Лейн засмеялся. По-настоящему. Надрывным смехом. Я нахмурилась. Не понимала. Что в этом было смешного?

— Иди на хрен, Лейн, — сказал Пэкстон, не останавливаясь.

— Великолепно. Мне нравится. Сброшен с седла собственной женой. При следующей встрече я куплю тебе выпивку, — сказал Лейн, осматривая меня.

— Прости. Откуда мне было знать, что наша компания ухаживает за их

газоном? — сказала я, когда Пэкстон задержал меня позади, замедляя шаг. Лейн обернулся через плечо, оглядывая мое тело. Этот парень не скрывая оценивал меня, пока мой муж держал меня за руку. Придурок.

— Моя компания. Поэтому ты молчишь, когда мы куда-то выходим. Позволь мне вести разговоры. Закрой свой рот. Молчи.

Я закрыла свой рот на целых пять минут. Там были и Триша с Брентом.

— Ох, я так рада, что ты пришла. Наверно ты с ума сходишь, — произнесла Триша, сдвигая свою попу вправо, чтобы я могла идти рядом с ней.

Пэкстон слегка сжал мою руку. Мне разрешили говорить.

— Да. Что ты делаешь здесь? Мне казалось, что твоей дочери уже двенадцать, — спросила я.

Девочка, идущая впереди уткнув нос в телефон, оглянулась на меня.

— Ты должно быть Феникс? — улыбнулась я. — Прости.

— Привет! Я могу сделать реферат в школу о твоих травмах? — воскликнула она, словно эта потрясающая идея только что пришла ей в голову.

— Феникс! — процедил сквозь зубы Брент.

— Что? Это классная идея.

— Нет. Габриэлла многое пережила. Напиши реферат о ком-то другом.

— Ррр. О ком? У меня нет знакомых с болезнями, о которых можно написать.

— Позвони своей бабушке Кейт. У нее болезни всех видов, — предложил Брент и закричал, получив удар локтем в ребра от Триши.

Я засмеялась, предполагая, что это была ее мать. И снова хватка усилилась.

Я слушала беседы между мужчинами и женщинами, задаваясь вопросом — почему они все были здесь. Это не футбол в пятницу вечером. Это бейсбол от пяти до семи лет.

Не понадобилось много времени, чтобы выяснить причину. В ту субботу играли четыре команды, все с логотипами своих компаний. Спор между тремя мужчинами объяснял все это. Они были там, чтобы распушить свои перышки, похвастаться выигрышем своей команды, ощутить вкус победы. Ни один из них не пришел ради игры.

Шейла и ее муж Марк присоединились к нам следующими. Марк тут же встрял в разговор.

— Готовы проиграть сегодня, сосунки? — спросил Марк, протягивая руку. Пэкстон освободил меня от своей смертельной хватки и пожал его

руку. — Как ты, Габриэлла?

— Я не помню, — пошутила я. Пэкстон снова взял меня за руку. Гррр. Это всего лишь шутка. Всем показалось это забавным. Я замолчала и перевела внимание на девочек. Роуэн стояла на спинке скамьи, взбираясь на забор. Офелия сидела в грязи, изо всех сил стараясь завязать шнурки. Никто не шел им на помощь. Тренер был слишком занят разговорами в кругу, перелистывая листы на планшете.

— Хей, — произнесла я тихо, пока разговоры вокруг нас продолжались. Пэкстон сжал мне руку, затыкая. В этот раз меня это взбесило. Я всегда была такой скромной? Я отпустила его руку и переступила трибуну с шипением. Черт, это было больно. Я ушла от него и его мужского эго, ковыляя в сторону скамьи запасных.

Роуэн уже наполовину взобралась на забор к тому времени, как я подошла. Достаточно высоко, чтобы сломать при падении кость.

— Эй, почему бы тебе не спуститься, — сказала я с другой стороны забора.

— Там птичье гнездо. Думаю, там есть яйца, — отчиталась Роуэн, все еще влезая наверх.

— Вниз, Роуэн. Сейчас же, — приказала я строгим голосом. Казалось таким естественным воспитывать ее по-матерински. Когда я обошла забор на ее сторону, она уже прыгнула вниз. Я подмигнула ей с улыбкой на лице в ответ на ее послушание.

— Я не могу наклониться к тебе, но если ты сядешь на трибуну, я помогу тебе с обувью, — сказала я Офелии, прикрывая глаза рукой от солнца.

— Хорошо, — согласилась она, сияя глазами. Как только мы дошли с ней к трибуне, тренер позвал их к остальным.

— Мне пора, мамочка, — взволновалась она.

Урок завязывания шнурков был оборван тренером. Я быстро завязала ее кроссовок и поковыляла к своему мужу и остальным. Моим соседям. Моим друзьям. Моей жизни. Пэкстон не сводил с меня глаз, но они не были злыми, как я ожидала. Они были... Хммм. Пораженными. Не знаю, это было... странно. Необычно. Лейн делал то же самое. Он смотрел прямо на меня. Жуть.

— Нужно было сказать что-то. Я не видел ее, — сказал Пэкстон.

— Знаю. Тиш, Роуэн в игре.

Понятия не имею, кто победил. Мужчины все время препирались об этом, но вести счет было невозможно. Не получалось даже держать детей на собственных местах. Их внимание меняло цель каждые три секунды.

Обе команды даже обнялись однажды. Самое милое, что я когда-либо видела.

Офелия должна была стоять в дальней части поля. Она нашла ящерицу и, естественно, всем нужно было увидеть ее. Обеим командам. Тренер противников взял ее за хвост и унес с поля.

Да и я не была тихой во время так называемой игры, но в свою защиту скажу, я кричала, только когда кто-то из моих девочек был на поле. Первый крик был через самодельный рупор из моих рук.

— Давай, Роу-Роу. Ты можешь.

— Габриэлла, перестань, — приказал Пэкстон сквозь зубы мне на ухо.

Его глаза не были единственными удивленными. Все посмотрели на меня так, будто у меня было две головы. Вся компания. Я сжалась и замолчала. Очевидно, я была не такой мамой. Я не поддерживала своих детей во время спортивных игр.

Должно быть, что-то произошло и с моей кратковременной памятью. Я снова сделала это, когда Офелия отбила мяч, отсылая его на левое поле, прямо мимо двух мальчиков, не обращающих никакого внимания.

— Беги, Фи. Беги! — закричала я. Она повернулась ко мне, бросила битку и драпанула к первой базе, затем к третьей. Она совершенно пропустила вторую, но ей было все равно. Она все равно радовалась, размахивая руками и прыгая. *Тачдаун, тачдаун, тачдаун*. Я так сильно смеялась, что живот заболел. Слава Богу, смеялись и остальные. Это помогло снять напряжение.

Я все еще понятия не имела, кто победил. Было слишком много хаоса, чтобы попытаться вести счет. Моя маленькая Фи пробежала пол поля. Это все, что меня заботило.

Глава 9

Я хорошо провела день. Мы купили еду в фургоне-ресторане и пообедали в парке. Смотрели тренировку девочек по молодежному гольфу. Хотя, думаю, я смеялась больше, чем смотрела. Даже несмотря на их постоянную ругань, они были милыми.

К трем часам дня никого из них нельзя было трогать, говорить с ними или о них. Лишь простого упоминания их имен было достаточно, чтобы они начали истерить. Я быстро поняла, что дневной сон пропускать нельзя. Они нуждались в нем, особенно Офелия. Эта девчонка становилась сущим адом без сна. Роуэн была не так плоха.

Да и маме нужен был отдых. Я ощущала боль, правда терпимую. Скорее из-за неиспользования костылей и сидения на жестких скамьях. Как только обе девочки были в кроватях, я пошла к дивану и плюхнулась на спину с тяжелым вздохом. Мне было все равно на слова Пэкстона. Массивный аппарат на моей ноге должен был исчезнуть.

Я подняла ногу, сопровождая движение болезненным кряхтением, и потянула за застёжки. Пэкстон присел передо мной и сделал это за меня.

— Тебе не стоит снимать его, — произнес он неодобрительным тоном, освобождая меня. Его руки обхватили мою воспаленную лодыжку, успокаивая ее прикосновениями.

— Ахх, больно, — заныла я, перекатываясь на бок.

— Это потому что ты не пользовалась костылями. Не думаю, что тебе стоит идти вечером.

— Идти куда? — спросила я с закрытыми глазами. Мне нужно отдохнуть минутку.

— На барбекю у Шейлы и Марка. Помнишь, я только утром об этом говорил тебе?

Он не говорил, кто приглашает, хоть это и не имело значения. Меня это не особо заботило.

— Хорошо, в любом случае я бы лучше не пошла. Не совсем подхожу к их компании, — призналась я со все еще закрытыми глазами.

— Что ты имеешь в виду?

— Не знаю. Все в порядке. Можешь пойти без меня. — Это действительно было так. Меня заботила только жуткая усталость, которую я ощущала. Возможно целый день вне дома — это было чересчур. Я вымоталась.

— Нужно, чтобы ты что-то приготовила. Взять с собой, — добавил он, словно я была слишком глупа для чтения между строк.

— Я не шутила, когда говорила, что не умею готовить. Почему я помню, что перечное дерево привлекает птиц, но не могу вспомнить ингредиенты «Сковороды по-французски»? — спросила я, сонно зевая. Обе мои ноги лежали на коленях у Пэкстона.

— Я понятия не имею, откуда ты вообще знаешь о перечном дереве, и не имею понятия, что такое «Сковорода по-французски». Ты никогда ее не готовила.

— Правда?

— Да.

— Оу. Ну, если ты не против, я закрою глаза на пару минут. Придумаю, что взять, немного позже. Мне нужно чуть-чуть отдохнуть.

Пэкстон не ответил ни слова. Он включил телевизор, все еще разминая мою воспаленную ногу. Я даже не знаю, что он смотрел. Все равно. Я лишь хотела закрыть глаза и поспать. Глубоким сном, забыв всю эту путаницу.

* * *

— Мне страшно, Иззи, — прошептала я рядом с ней.

— Все хорошо, Гэбби. С ней все хорошо, — пообещала Изабелла, ее голос дрожал так же сильно, как и мой.

— Но что, если они снова заберут нас? Я не хочу идти с социальным работником.

— Нас не заберут. Она обещала, — напомнила мне Иззи. Я не поверила ей. Она и в прошлый раз это говорила.

Мы с Иззи сидели в комнате ожидания, пока доктора осматривали нашу маму. Снова.

— Привет, я Роза Шварц. Вау! Вы близняшки. Кто из вас Габриэлла?

Я обернулась к леди справа от меня, сжимая руку Иззи. Никто из нас не ответил.

— Знаю, это страшно, но с вами все будет хорошо. Обещаю. Ваша мама сейчас немного больна. Ей нужно пройти лечение, чтобы выздороветь.

— Мы останемся вместе, — убедила ее Иззи. Она знала, что сейчас произойдет, так же хорошо, как и я.

— Милая, очень тяжело найти место, куда возьмут двух восьмилетних девочек. Просто не хватает комнат, — объяснила

седоволосая леди с мягкой улыбкой.

— Пожалуйста, разрешите нам остаться вместе, — взмолилась я. Я не хотела расставаться с Иззи. Мы разлучались лишь несколько раз. Когда наша мама «заболевала». Последний такой случай был всего несколько месяцев назад. Я оставалась у хорошей пары с одной дочкой примерно моего возраста целый месяц. Иззи повезло не так сильно. Ее отправили к леди с целой кучей детей. Один из них обижал Иззи. Он был старше и намного больше нее. Я не хотела, чтобы ее уводили от меня.

— Это ненадолго, обещаю. Если попадется место, куда я смогу отправить вас обеих, я это сделаю. Я не перестану искать, пока не найду место для вас обеих. Хорошо?

Я закачала головой из стороны в сторону с широко открытыми глазами. Ни за что. Я не приму этого. Все в комнате бросили свои дела и обернулись на звук криков. Мы с Иззи плакали.

— Где мои Клайды? Выпустите меня отсюда! Отвалите нафиг от меня! — кричала громко наша мама с отчаянием в голосе.

— Ну же, девочки. Давайте уведем вас отсюда и покормим. Вы любите тако?

Мы не ответили. Вцепились друг в друга, пока леди из соц. службы поднимала нас со стульев, взяв за руки.

— Мы нужны ей, — запротестовала Иззи, упираясь ногами, как и я. Не важно, нужны ли мы были ей. Была ли нужна мне Иззи. Нуждалась ли Иззи во мне. Никого это не волновало. Нас игнорировали. Засунув в машину с леди, которую мы не знали.

Мы с Иззи съезжились на середине сидения, боясь отпускать друг друга.

— Ваша мама не может сейчас о вас заботиться. Пожалуйста, попытайтесь понять, — сказала она, глядя в зеркало заднего вида.

— Она может заботиться о нас. А Вы даже не проверили наши ремни безопасности, — завопила я.

— Я знаю, что вы достаточно большие, чтобы самим это сделать. Сделай это наилучшим образом, Изабелла.

— Я Гэбби. Вы даже не знаете, кто мы.

Нам пришлось еще пятнадцать минут терпеть ее оптимистичную ерунду. Пусть сама поживет с незнакомцами. Посмотрим, как ей понравится это. Ничто не имело значения. Иззи ушла в одну сторону, рыдая, я ушла в другую, делая то же самое. Мое сердце болело, я хотела маму и Иззи. Я волновалась о них. Что, если кто-то опять обидит Иззи? Что, если наша мама не сможет нас найти? Что, если я никогда не

увиджу снова Иззи?

Я проплакала всю дорогу к своему новому дому. Миссис Бартли. Она стала моей пятой патронажной семьей. Я не понимала этого. Почему кто-то решает стать патронажным родителем? Миссис Бартли не хотела приемного ребенка. Ей была нужна слуга. Она была низкой, пухлой женщиной с лодыжками размером с Техас. Она ни на грамм не заботилась обо мне. Она хотела, чтобы я обслуживала ее, убирала дом, стирала ее белье. Я даже свое не умела стирать.

Слава Господу Всевышнему, это было ненадолго. Мы сбежали на следующей неделе. Думаю, через пять дней. Роза отвезла меня навестить маму в психиатрической клинике. Ей было намного лучше. Вроде бы. Ей не нравилось принимать лекарства, но они заставляли ее. Мне же это нравилось, потому что она не сходила с ума и не вела себя, словно безумная. В этот раз это все из-за наготы. Она решила раздеться посреди сельской ярмарки. Не знаю почему и что происходило у нее в голове. В одну минуту мы слушали группу, в другую она стояла перед сценой, танцевала и раздевалась.

Роза оставила меня в парке на пять минут, чтобы сделать звонок. Это все, что было нужно моей маме. Моя мама не была похожа на другие ее случаи. Она была профи в этом. Нас бы уже не было в мгновение ока. Если бы только Иззи поспешила. Она еще не приехала туда, хотя Роза обещала, что она будет.

— Послушай меня, Гэбби.

— Нет, мама. Просто поправляйся, — взмолилась я. Я знала, что она скажет еще до того, как она раскрыла рот.

— Мне лучше. Но теперь послушай, детка. Мне так жаль, что я снова втянула вас в это. Она хорошо обращалась с тобой? Ты выглядишь худой. Ты голодна?

— Нет, все хорошо. Я в порядке. Просто хочу, чтобы ты выздоровела.

— Мне лучше, милая.

— Мама! Гэбби!

Иззи бежала к нам с молниеносной скоростью. Мама поймала ее и обняла нас сильно-сильно. Боже, я скучала по ней. Несмотря на то, что мы были врозь, Иззи была одета в розовую футболку и джинсовые шорты. Как и я. На ней даже были белые шлепки, и ее ногти были покрашены розовым лаком. Как и у меня. Мы с Иззи всегда делали подобное. Говорили одно и то же одновременно или одевались одинаково, не зная, что наденет другая. Как будто двое, что составляли одно целое.

Телепатически.

— Иззи, послушай меня, малышка.

— Мама, нет, — взмолилась я. — Разве мы не можем подождать, пока ты окончательно не поправишься? Мы хотим, чтобы ты выздоровела.

— Тиш, ты слишком много волнуешься, Гэбби. Со мной все хорошо. Обещаю. На столе для пикника рядом с нами лежит голубая бейсболка. Надень ее и иди в уборную. Гэбби, ты возьми спортивную сумку сзади нас и иди за ней. Ищите все, что сможете надеть поверх своей одежды. Неважно что. Идите.

Сумка в итоге оказалась имуществом мужчины или взрослого парня. Рубашки были нам, как платья. Даже моей маме. Направив нас к улице, она последовала за нами, не оглядываясь. Мы перешли забитую дорогу, держа ее за руки, и скрылись в десятиэтажном паркинге. Копы проехали мимо, разыскивая нас. Мы спрятались за мусорным баком в углу и ждали. Они даже не вышли из машины. Даже я понимала, что они не особо-то и старались. Везучие же мы.

— Эй, Клайды, — позвала мама, уставившись вдаль, спустя несколько часов после нашего побега. Было почти темно, и мы были голодны, но никто из нас не говорил об этом. Я ненавидела этот далекий голос. Он значил что-то плохое. Что-то, что принесет нам проблемы.

Нечего и говорить. Иззи и я провели следующие четыре дня на поезде. Вот, что она увидела вдали. Это и просьбу Иззи, которая была еще не выполнена. Сразу после посещения двух разных заправок, где мы взяли все, что смогли, не будучи пойманными при этом, мы выдвинулись в путь. В долгую дорогу через поле.

Настолько безумной была наша мать. Мы были почти на месте. Почти возле пустого вагона, когда он начал двигаться. Мама приказала нам бежать, забросила нашу сворованную еду и запрыгнула первая. Иззи упала, но с ней все было в порядке. Она все равно забралась раньше меня. Она всегда была более быстрой бегуньей.

То были лучшие четыре дня в моей жизни. Езда в поезде никогда не казалась мне веселой, но это было так. Было очень весело. Мы не только украли вредную еду, у нас также был бесконечный запас грецких орехов. Ящики с орехами занимали четверть вагона. Мы с Иззи заняли все оставшееся пространство. Мы играли в ореховый бейсбол, танцевали на сцене, смотрели на падающие с неба звезды и снова танцевали. Много. Даже мама танцевала. На самом деле, она танцевала больше нас с Иззи. Мне было все равно. Она может быть настолько сумасшедшей, насколько

пожелает. Мы были вместе. Джонни и ее Клайды.

* * *

— Габриэлла, проснись. Габриэлла.

Я вытянула ноги, кряхтя, и посмотрела на Пэкстона.

— Что? — Я отвернулась от него. Не хотела просыпаться в эту реальность. Хотела вернуться в поезд. Назад к поеданию орехов на протяжении всего дня. Где были мама и Иззи.

— Иди, приготовь что-то, чтобы взять на это барбекю. У тебя всего несколько часов. Просыпайся. Мы прогуляемся по пляжу. Приготовь что-то вкусное, — приказал он.

— Я тоже хочу пойти на пляж, — воспротивилась я. Я села, когда поняла, что звучала, как восьмилетняя Гэбби. Капризно.

— Сможешь пойти на пляж, когда снова научишься быть моей женой. Иди и выполни свои обязанности — приготовь что-то.

— Например?

— Не знаю. Это твоя сфера. Реши сама.

Я прищурилась, оставляя маленькую щелочку между век, чтобы иметь возможность видеть его.

— Ты все тот же парень, что массировал мне ноги перед сном?

Это взбесило его. Представление начинается. Он насупился и заворчал.

Мои ангелочки спасли мой день.

— Мы готовы, — прокричали они в унисон, неся ведерки для песка и игрушки.

— Я думал, мы возьмем бодиборды [прим. ред. бодиборд — доска из мягкого пенопласта, на которой катаются на животе те, кто не может или не хочет вставать на доску].

— Ты понесешь их, папа, — сказала Офелия. Они хотели взять их. Они просто не собирались их нести.

— Мама, ты тоже иди. Хочу показать тебе, что умею, — произнесла Роуэн, как только увидела, что я проснулась. На них обеих были бело-голубые купальники, похожие только цветом. У Роуэн был голубой в белую полоску. У Офелии голубой с белыми лилиями. Обе не-от-мира-сего милые.

— Мама пока не готова. Она останется здесь и подготовится к барбекю, на которое не пойдет, так как слишком больна.

Обе малышки не уловили сарказм в последнем замечании. В отличие

от меня. Он не наказывал меня, удерживая от соседей. Я чувствовала себя не в своей тарелке рядом с ними. Ну же. Посмотрим, заденет ли это меня.

Я ждала с девочками у бассейна, пока Пэкстон доставал из гаража три доски. Я отчасти дулась из-за запрета пойти с ними и отчасти паниковала из-за готовки. По какой-то причине это ужасало меня, подавляя обиду. Эта часть моей памяти совершенно исчезла. Я не могла вспомнить ни одного блюда, которое готовила в прошлой жизни. Ни одного.

Я делала девочкам жареный сыр в вафельнице. Они обожали его. Может удастся обойтись этим. Вафельница разрезала их на милые треугольники. Хммм. Я задумалась над появившейся идеей.

— Мы вернемся через несколько часов. Если понадобится, телефон у меня с собой, — сказал Пэкстон, встав передо мной, розовые доски принцесс были закинута на плечо.

— Пока, мамочка, — прокричали девочки, уходя навстречу пляжному веселью, оставив папу позади.

— Повеселитесь, — выкрикнула я.

Пэкстон взял меня за руку, прежде чем я успела возразить.

— Приготовь что-то вкусное, и, может быть, я разрешу тебе пойти.

— Мне и здесь хорошо. Мне не нужно идти.

— Я буду решать это. Теперь будь хорошей девочкой и позаботься о своей семье, — приказал он с поцелуем. Я отвернулась, но он повернул мою голову обратно. — Ты не хочешь этого делать, Габриэлла. Обещаю. Не хочешь.

— Почему, Пэкс? Потому что ты отправишь меня в ванную?

Его взгляд сначала метнулся к девочкам, потом обратно ко мне. Я скривилась от боли, когда он схватил мою челюсть и сжал.

— Остепенись, девочка. Сейчас же. Поняла? — спросил он сквозь стиснутые зубы.

Я не могла говорить. Могла лишь кивнуть. Пэкстон отступил, оттолкнув мое лицо, заставив этим сделать два шага назад.

— Свали нахер с моих глаз, пока я не ранил тебя.

Я послушалась. Испугалась, как индюшка на День Благодарения. Ах! Почему я продолжала это делать? Я понимала. Понимала, что он говорил. Вот только мне сложно было подчиняться ему. Мой рот жил собственной жизнью. Пэкстон стоял неподвижно, в глазах ярость, пока я не скрылась в доме. Я повернулась, чтобы закрыть дверь, и поймала его холодный взгляд, потупив свои глаза. Он ушел.

— Долбоеб! — прокричала я сквозь стекло ему в спину.

Я вздохнула, наблюдая, как моя семья уходит без меня.

— Ублюдок. Идиот. Придурок. Псих, — сказала я сама себе.

Надев аппарат обратно на ногу, я пошла на кухню в поисках чего-то для готовки. Там было полно еды. Это не было проблемой. Я просто не знала, как и что готовить. Я нашла кулинарную книгу, но в ней были не рецепты еды. Скорее, рецепты коктейлей. Хммм, это уже лучше. Можно было приготовить экзотический коктейль для взрослых и что-то еще для детей. Но что?

— О, планшет, — произнесла я, вспомнив комментарий Пэкстона. Если бы я только могла найти его. Не помню, чтобы видела его где-то. Обыскав ближайшие комнаты сверху-донижу, я перешла в свою спальню. Где, черт возьми, я бы хранила планшет? Почесывая затылок, я стояла на месте и осматривалась.

На прикроватной тумбе справа лежала детская книга, бутылочка спрея для носа, блокнот и ручка. Я взяла желтый блокнот и оглянулась, ощущая жуткое предчувствие. Все время казалось, будто лазила в чужих вещах, когда заглядывала в ящики. Словно это было не мое дело или же будто за мной следили. Тем не менее, я его открыла.

— Вау, — выдохнула я. Это была моя жизнь. Ожидания. Вот и все. Половина блокнота была заполнена списком дел. Факультативные занятия для обеих девочек, расписание походов за продуктами, что нужно сделать для Пэкстона. Например, новые рубашки. Я должна была пойти за покупками для него через два дня после моей аварии. Я делала все по расписанию. Почему-то это не казалось правильным. Мне казалось, что я больше любила жить без часов и календарей. Не так. Вау. Я закрыла его и осмотрела вторую тумбочку в поисках планшета. Вернусь к этой путанице позже.

В ящике слева от меня я его нашла. Предполагаю, что именно благодаря ему я готовила вкусные обеды для семьи. Агрх!

Я провела двадцать минут изучая планшет. Мне нравилось читать. Там было несчетное количество книг, большинство из которых были прочитаны. Хммм. Кто бы мог подумать? Не казалось, что я любитель чтения. Очевидно, я также и писала. Стихи. Мне нравилась поэзия? Правда? Куча файлов со стихами наполняли различные папки. Все рассортированы по темам. Я открыла первые три, просматривая их, пока не остановилась.

Беззаботно вставай с зарею и иди навстречу приключениям. Пусть полдень застает тебя всякий раз у иного озера, а ночью пусть ты повсюду будешь дома. [*прим. пер.: «Уолден, или Жизнь в лесу» Генри Торо, перевод З.Александрова*]

Это было не мое стихотворение. Не я его написала, но где-то слышала. Вот только не могла вспомнить, где именно. Мои глаза пробежались по комнате, чувствуя, будто за мной снова наблюдают. Встряхнув головой и тяжело вздохнув своей глупости, я вернулась к планшету. У меня было мало времени. Выясню, кто написал это позже. Когда у меня будет больше времени на шпионство.

— Гррр, это не шпионство, — произнесла я вслух взволнованным голосом.

Десятый файл привлек мой взгляд. На середине страницы.

Моя Клайд.

Мои пальцы нависли над файлом, пока мозг решал, стоит ли открывать его. Я быстро нажала на него, боясь до чертиков, и все же сделала это.

Сердце колотилось со скоростью миллион ударов в минуту, когда я читала первую строку.

Я вижу это в ее взгляде,

Любовь, не похожую ни на чью.

Я чувствую это в ее присутствии,

Вечную благословенную связь.

Она — мой близнец,

Моя Клайд,

Моя вторая половина.

Я просмотрела страницы со стихами. Одну за другой. Все стихи о Клайдах, близнецах, сестрах и разъединении. Некоторые были мягкими и нежными, другие — нет. Например, стихотворение о вырванном сердце. Шокирующие детали о медленно сочащейся по изломанному телу крови.

Я закрыла файл, прежде чем смогла прочесть еще что-то, зная, сколько у меня было времени. В любом случае, мне нужно было время, чтобы осознать прочитанное. Я даже не знала откуда начать поиски блюда на барбекю. Все, что видела, включало мясо или выглядело отвратительно. К счастью для меня, я знала, как зайти на Pinterest. Я не спрашивала себя откуда, потому что ответа на это не было. Просто знала. Думаю, так же я знала о перечном дереве и грязных машинах. В птичьем помете.

У меня было все для крутого десерта, и детям он обязательно понравится. Пэкстону же, скорее всего, нет, но ему в принципе мало что нравилось. Господи. Я провоцировала его. Почему мне хотелось провоцировать его? С этими мыслями я встала и понесла планшет на кухню. Я знала ответ прежде, чем задала вопрос. Легкое покалывание между ног тоже знало его.

Я была шлюхой, удовлетворяющей потребности Пэкстона.

Но...

Были ли это и мои потребности?

Ко времени возвращения Пэкстона я сделала десерт, своеобразную пасту с соусом фетучини и бобы. Все найдено на Pinterest. Коктейли остывали в холодильнике, а я была в душе.

— Аааа! О боже. Не делай, блядь, так! — завизжала я. Господи. Он хотел, чтобы я заработала инфаркт?

— О, боже мой, Габриэлла. Это не работает. Ты так со мной не говоришь. Ты не используешь слово на Б. Никогда. Не в обращении ко мне, ни обо мне, ни в моем присутствии.

— А ты чего ожидал? Ты врываешься сюда и выключаешь воду, когда я в душе. Кто так поступает?

Пэкстон провел по волосам и раздраженно выдохнул. На секунду мне показалось, что он сдался. Он повернулся к двери и закрыл ее. Это было безумием. Мне не разрешалось даже злиться на него за то, что он напугал меня до смерти.

— Где девочки? — спросила я, отступая назад.

Пэкстон проигнорировал мой вопрос и вошел прямо в душевую. Я подошла к нему, потому что он схватил меня за волосы. Он потащил меня, насквозь мокрую, из душевой к раковине.

Пэкстон положил мои руки на стойку и злостно проговорил:

— Мне надоело. Мне надоело это дерьмо, Габриэлла. Что ты, мать твою, хочешь? Хочешь, чтобы я выжег это на твоей заднице?

Я услышала громкий хлопок на своей заднице, прежде чем почувствовала его. В этот раз жгло намного сильнее, чем в прошлый. Я была мокрой, вода стекала на пол. Болезненный вскрик сорвался с моих губ, но я не ответила. Не говорила. Ни одного слова.

— Аах, — выкрикнула я при следующем ударе, чувствуя каждый сантиметр его руки на своей попе. Было больно, но боль была не похожа на ту, что я ощущала после аварии. Жжение на моих ягодицах отдавалось во влагище. Каждый раз, когда Пэкстон ударял, мой пульсирующий бугорок становился все более нетерпеливым, набухая от возбуждения.

Сжимая в кулак мои волосы, Пэкстон оставил пять сильных шлепков на моих ягодицах. Я кричала после каждого из них. Не знаю было ли это из-за боли или наслаждения. Скорее всего, и то, и то.

Пэкстон бросил меня на пол после пятого удара. Этот стон был из-за боли. Она появилась в задней части ноги, благо ненадолго. Уменьшилась, когда я немного передвинулась. Все еще держа меня за волосы, Пэкстон

освободил свое возбуждение и толкнулся мне в рот, прям в глотку.

— Мне надоело играть с тобой, Габриэлла. Достаточно, значит достаточно. Хватит этого абсурда. Поняла? — спросил Пэкстон тихим, любящим тоном, поглаживая пальцами мое лицо, в то время как его член толкался туда-сюда мне в рот.

Я замычала ему в член, ощущая соленую воду океана. Я снова застонала, когда его рука коснулась моего соска и прокрутила его, заставляя затвердеть. Он несколько раз простонал, имея меня глубоко в рот и играя с моими мокрыми сосками. Мои губы издали хлопающий звук, когда он достал член и опустился на одно колено.

Ему не нужно было подталкивать меня, чтобы моя рука обхватила его, заменяя рот. Держа меня за поясницу, он трахал меня пальцем, скользя рукой от клитора к анусу. Моя шея выгнулась в болезненное положение, когда он дернул меня за волосы. Мы целовались, пока он играл со мной. Один палец в попе, второй во влагалище и большой палец на клиторе. Моя рука усиленно дредила ему, как никогда ранее.

— Блядь, Пэкстон. Пожалуйста, позволь мне кончить, — взмолилась я, быстро и неравномерно дыша. Его рука полностью остановилась. Проклятье. Это было слово на Б. Большой палец перестал вырисовывать круги на моем клиторе, один палец вышел из меня, но последний остался на месте. В моей попе. Он толкнул им несколько раз, позволяя оргазму приблизиться. Но, конечно, ненадолго. Пэкстон вынул палец из моей попки и встал.

Мой рот открылся для его члена, но он не дал его мне. Он подставил мне свои яйца и сказал сосать их. И я сосала, пока он дредил и стонал.

— Ты ничто без меня. Я дал тебе это. Я дал все это и могу забрать. Включая девочек. Ты ничто. Обеспеченное ничтожество. Вот так, моя красавица. Вот, кто ты. Ты хотела быть моей, помнишь, сладкая?

Я застонала на этот раз ему в яйца. В данный момент мне было все равно. Я буду его шлюхой. Если он позволит мне кончить, я соглашусь быть его шлюхой до конца своей жизни. Без вопросов. Настолько отчаянной я была.

Пэкстон вынул свои яички из моего рта и согнул ноги. Он убрал от меня мошонку и приказал вылизывать его. Я посмотрела на него — в глаза, затуманенные подростковым бунтом, и обратно на его анус. Сглотнув, я приготовилась. Не знаю почему. Это было совсем не ужасно. Единственное, что я ощущала, это соленую воду. Не знаю, понравилось Пэкстону мое вылизывание или нет. Он недолго заставлял меня это делать. Показалось, что это часть его игры. Он привык меня унижать и ставить на

место. Вот только я не совсем слушалась его. Я совершенно не ощущала себя униженной. Я чувствовала раскрепощение и была возбуждена больше, чем когда-либо.

Пэкстон продержался всего четыре толчка, когда вернулся к моему рту. Уверена, он бы устроил больше шоу, не позови нас Офелия из-за двери.

— Папочка, мы закончили с перекусом. Можем теперь пойти к Коллинзам?

— Иду, малышка, — выкрикнул Пэкстон. Он кончал. Мне в глотку. Подрочив еще несколько раз, он убедился, что я получила все до последней капли. По крайней мере, он был достаточно добр, чтобы помочь мне подняться на ноги. Он спрятал себя обратно в плавки и приказал следующие мои действия.

— Собирайся. Я положил твою одежду на кровать.

— Я не хочу идти.

— Знаю, — признался он, целуя меня в нос. — Поэтому ты и пойдешь. — Еще один шлепок по ягодицам, и он ушел. Я подумала самой позаботиться о жажде, но не сделала этого. Я повиновалась, чувствуя пульсацию своего клитора, когда повернулась своей отмеченной попой к зеркалу. Рука Пэкстона оставила след на моих ягодицах. Я видела, куда попал каждый шлепок. Каждое покраснение.

Глава 10

Я пыталась надеть длинное платье, выбранное Пэкстоном, но не смогла. Оно так облегало. *Неужели я купила его?* Боже, надеюсь, нет. Уверенна, я не носила одежду со звериным принтом. Особенно с зеброй. Ни в коем случае. Чтобы избежать ссоры, я взяла немного лавандового лосьона и нанесла на ткань. Он не захочет, чтобы я надевала платье с пятнами. Это не для миссис Пирс.

Вместо него я выбрала чисто черное. Швы были сделаны белой нитью, бретельки и очертание груди тоже были белыми, так же, как и разрез на правой ноге. Суть та же, платье другое. Возможно чуть более открытое, но Пэкстон любит такое. Я нанесла макияж, заколола сверху волосы и накрасила губы красной помадой.

Платье было немного длинновато для сандалий на плоской подошве или шлепок, но я не сдалась. Я выбрала другую обувь. Одному Господу известно, сколько их у меня было. Мой выбор пал на белые туфли на танкетке с открытым носком. *Проклятье. Я снова должна перекрасить ногти на ногах.*

— Что ты делаешь? Нам нужно, эм, нам пора идти. Я не это для тебя выбрал, — произнес Пэкстон, остановившись, как вкопанный, увидев меня. 1: 0. Он считал меня горячей. Это было написано на его лице.

— Да, прости. Я пролила лосьон на него.

— Ох. Ладно, но ты не можешь носить эту обувь. Хочешь сломать ногу? Надень аппарат.

— Не могу. Это платье для него слишком длинное.

— Ты их не обуешь. Надень аппарат.

Я не спорила. Моим новым планом было идеальное поведение, надеюсь, что Пэкстон захочет поиграть, когда мы вернемся. Может, если я буду послушной шлюшкой, он и мне позволит поиграть. *Господи. Что я несу?* Я в бреду. Кто-нибудь, позвоните доктору Мираж.

— Хорошо, но мне нужны трусики. Только ради тебя я не доставала их из комода. Думала, ты будешь против.

— На тебе нет трусиков, потому что у меня есть для тебя кое-что другое. Спасибо, что напомнила. Я почти забыл.

— О, боже. Что еще?

Он стиснул зубы и бросил на меня недовольный взгляд. Это будет непросто. Я всегда была такой дерзкой или стала после аварии? Или это он

так на меня влияет? Столько вопросов и ноль ответов.

Я смотрела, как он неспешно подошел к комоду и достал из кармана ключ. У меня душа ушла в пятки от его приготовлений. Если он хотя бы на секунду подумал, что я надену этот глупый пояс верности, ссора ему обеспечена. Ни за что его не надену.

С большой осторожностью я смотрела, как он направляется ко мне с черным кружевом в руках. Он присел, и я подняла ногу. Сначала левую. На вид было не так плохо. Черные стринги. Но почему они были под замком?

— Это удержит тебя в узде. Не говори соседям, насколько высока их трава. Отвечай, когда к тебе обращаются, и все. Тебе не нужно поддерживать беседу с соседями. Поняла?

— Эм, да. Хорошо, — сказала я, не совсем понимая, что он хотел донести до меня. Как пара трусиков могла указать мне мое место? Я не спросила, а он не объяснил. Нам пора было идти.

Пэкстон снова поторопил меня, когда мы были на кухне и паковали с собой еду. Он понес синюю продуктовую сумку, а я взяла за руки двух милейших девочек во всей Флориде, одетых в свои маленькие сарафанчики.

Они увлеченно болтали, в подробностях рассказывая свой поход на пляж. Их папа упал, и его накрыло волной, они гладили собачку по имени Блю, собирали мусор и выкидывали его в контейнер, строили песчаные замки, только делали они это слишком близко к воде, поэтому волны смыли их. Я смеялась с ними, поглощая каждое сказанное ими слово.

— Что там? — спросил Пэкстон, в третий раз поправляя увесистую сумку.

— Кое-что для детей, кое-что для взрослых и кое-что для всех.

— Думал, ты не готовишь.

Я улыбнулась ему, и, думаю, он улыбнулся в ответ. Правда, очень быстро подавил улыбку.

— Очевидно, я не делаю многие вещи, которые делаю.

— Мамочка, это бессмысленно, — заверила меня Роуэн.

Я погладила ее светлые волосы и улыбнулась.

— Только папочка понимает смысл.

— Я зажгу бенгальский огонь, когда стемнеет. Коллин сказал, что даст мне один, — произнесла Офелия, убегая вперед за каким-то камушком. Она подняла его и изучила самым странным взглядом, прежде чем выбросить в траву.

Когда мы были достаточно близко к дому, обе девочки бросились вперед, с нетерпением ожидая веселья.

— Предпочитаю, чтобы ты молчала.

— Да, Пэкстон. Мы уже обсудили это.

— Я серьезно, Габриэлла.

— Хорошо.

— Хорошая девочка. Я знал, что ты примиришься с моими правилами.

Я ни с чем не примирилась. Я манипулировала им, надеясь получить кое-что позже. Я приму его «хорошая девочка» и продолжу в том же духе. Лишь бы это сработало. Я все равно застряла здесь, пока не произойдет одна из двух вещей. Или я пойму, как сбежать от него, или я вспомню свое гребаное имя.

Как же это бесило меня.

Не знаю, ради чего мы так спешили. Мы пришли первыми. Шейла забрала мою сумку и промычала «ням», учуяв запах пасты.

— Что это, Габриэлла? Что-то новое? — спросила она с улыбкой на лице и странным взглядом.

Я восторженно принялась рассказывать. Мне даже понравилось возиться на кухне. Кто бы мог подумать?

— В кувшине алкогольный коктейль. Он великолепен. Красный контейнер — для детей. Там грязевой пудинг. Я даже положила туда железных червей. В другом судке просто паста в белом соусе.

— О, боже, я думала, ты просто принесешь те маленькие жареные сосиски, которые делала, — произнесла позади меня Триша. Я обернулась и увидела ее и Брента в проходе между домами. Коллин побежал к бассейну и прыгнул туда пушечным ядром, обрызгивая нас всех водой.

— Коллин, маленький проказник. Я надеру тебе зад, — прокричала Шейла.

Я засмеялась с нее и пожала плечами Трише.

— Я не помню, как их делать.

— Да и некоторым не нравится мясо, — сказал Лейн. Он стоял, облокотившись на стойку позади Кэндес со скрещенными на груди руками, его взгляд был устремлен прямо на меня. *Что за черт, парень?*

Кэндес обернулась на мужа с нескрываемой гримасой на лице.

— Ты ешь мясо трижды в день.

— Да, знаю. Я сказал «некоторым».

— Ты больше не пьешь, — сказала она, все еще скривившись. Я встретила взглядом с Лейном и неосознанно нахмурилась. Он говорил обо мне?

— О, мой Бог. Это так вкусно, Габриэлла. Что там? Ммм, Шей, Триша, вы должны это попробовать, — сказала Кэндес, слизывая пропитанный

алкоголем дробленный лед с губ.

Я перечислила ингредиенты с помощью пальцев.

— Капитан Морган с пряностями. Черничный ликер, банановый ликер, апельсиновый фреш и колотый лед. Вот и все.

Толпа переместилась от бассейна под крышу, когда Коллин снова всех забрызгал.

— Ты ведь не пьешь даже, — сказала Кэндес.

Я удивленно подняла взгляд.

— Не пью?

— Ты ненавидишь алкоголь, — напомнил мне Пэкстон, сжимая руку.

— Нет, она его любит, — услышала я голос, едва ли громче шепота. Подходя ближе к грилю, Лейн коснулся моей поясницы.

— Поможешь снять? — спросила Роуэн, застряв головой в платье. Я сначала шумно поцеловала ее голый животик, прежде чем снять сарафанчик. Она засмеялась и убежала к остальным детям в бассейн.

Все взгляды, которые я получила от моих друзей-соседей, кем бы они ни были, казалось, говорили мне что-то. Я была фриком. Почему они смотрели на меня так каждый раз, когда я что-то говорила или делала? Или дело было в этом поцелуе животика Роуэн?

— Мне нравится этот напиток, — призналась я. Налив его в милый стакан для виски, я сделала глоток. И снова все взгляды были направлены на меня. Пэкстон сдержанно кивнул в сторону стула рядом с собой, и я села. Со своим коктейлем.

— Ты в порядке? — Он положил руку мне на колено и приподнял брови.

Я наклонилась ближе и прошептала.

— Мне понадобится ванная полная льда в конце этого дня.

Он нахмурился, не понимая.

— Прости?

— Забудь.

— Хорошая идея. Больше ни капли.

— Ни капли чего?

— Коктейля.

Я фыркнула.

— Хмм, ладно.

— Габриэлла, — произнес он тихим, но строгим голосом. Это было предупреждение, и я это понимала. Ах. *Почему я просто не могла притворяться, как все остальные?*

Вечер оказался не таким уж плохим. Возможно, потому что я не

остановилась на одной порции. Хотя я и не виновата. Лейн все время подливал мне напиток. Если бы Пэкстона это действительно волновало, он бы сказал что-то. Но нет. Я не виновата.

Я не напилась. Была далеко от пьяного состояния. Особенно после еды. Я едва почувствовала эффект алкоголя. И если Пэкстон был зол, он этого не показывал. Он разговаривал в кругу парней, как и все остальные. Я ощутила несколько его взглядов, но не более. После всего я решила, что этот вечер стал хорошим отвлечением от рутины. Даже Пэкстон, казалось, веселился. Если кто-то и был слегка пьян, так это он.

Мне понравилась Триша, понравилась Шейла, но я просто влюбилась в Кэндес. Не знаю почему. Мне казалось, что она понимает меня больше, чем двое других. Я не чувствовала себя фриком рядом с ней. Она не напоминала мне о вещах, которые я не любила до аварии. Если бы Шейла еще хоть раз сказала мне, что никогда раньше не видела у меня настолько открытую грудь, я бы ее ударила. У меня всего лишь было немного видно ложбинку. И все. У нее грудь вылезала больше, чем у кого-либо из присутствующих. Включая Офелию, бегущую без верха.

Мы вчетвером сидели в кругу, распивая вторую партию коктейлей. Должна признать, мой был вкуснее, чем у Кэндес. Она тоже это признала. Я пыталась объяснить ей, что замороженный апельсиновый сок не будет таким же. Хотя, было не так уж и плохо.

Парни играли в бадминтон с детьми. И двое из них не могли оторвать от меня взгляд. Одного я не понимала. Я отводила взгляд от Лейна каждый раз, когда замечала, что он пялится на меня. Возможно, я не хотела вспоминать его.

Шейла заняла место Пэкстона, когда тот отошел в ванную, и отправила волан прямо на крышу. Я воспользовалась отсутствием Пэкстона, чтобы налить себе еще выпивки. Вот только обвести его не получилось.

Пэкстон встал у меня за спиной, поцеловав в шею. *Боже. Он быстро справлял нужду.*

— Нужна помощь, миссис Пирс? — спросил он, обвивая мою талию рукой.

Я перевела взгляд на него и оценила его тело, наверно, с большим выражением надменности, чем требовалось.

— Конечно, волан застрял на крыше.

Он сердито посмотрел на меня, но его односложный ответ нес в себе недоумение.

— Что?

— Достань его.

Пэкстон поднял взгляд на пластиковый волан и усмехнулся.

— Забавно. Потеря памяти сделала из тебя шутницу. Продолжай. Мне это нравится.

— Мне страшно, — сказала я саркастично и переключилась на Роуэн, требующую внимания, чтобы показать, как она прыгает в бассейн пушечным ядром, как Коллин. И тогда я снова увидела, как Лейн пялился на меня. *Что не так с этим парнем?*

Пэкстон положил телефон перед нами, открывая приложение. Я сделала глоток и запаниковала.

Умные трусики!

— Нет, Пэкстон. Не смей! — предупредила я. Моя рука накрыла экран, но недостаточно быстро. Я почувствовала, как они завибрировали, возвращая к жизни мой бугорок. Вибрация была сильной. Невероятно сильной. Я напряглась, используя столик для поддержки.

— Все хорошо? — прошептал Пэкстон на ухо. Я чувствовала ухмылку у него на губах.

— Выключи, Пэкстон, — приказала я сквозь стиснутые зубы.

— Ни за что. Это так весело.

— Ахх, — вскричала я, когда он увеличил мощность. И да. Все взгляды снова были на мне.

— Я ненавижу щекотку, — сказала я, как идиотка. Они засмеялись и вернулись к игре. Все, кроме Лейна, который продолжал пялиться на меня. *Почему? Почему этот парень не мог отвести от меня глаз?*

— Иди в ванную.

Я поспешила прочь с одной лишь мыслью на уме. Расстояние. Эта вещь работала, как мой Bluetooth, нужно было лишь отойти на шесть метров. *У меня есть Bluetooth? Хм.* И конечно, я оказалась права. Приложение потеряло контакт, как только я зашла за угол.

Через минуту Пэкстон закрыл за собой дверь ванной. Он толкнул меня назад, ударяя спиной о стену. Это снова произошло — это не был Пэкстон-засранец. Что-то другое. Горячее, пропитанное страстью. Наши губы встретились, и тела слились. Я запустила пальцы ему в волосы, при этом поднимая здоровую ногу и оборачивая ее вокруг его талии.

Он отстранился на долю секунды, сбитый с толку, но похоть победила его эго, и он снова поцеловал меня, страстно. Его пальцы проложили дорожку по моей ноге, задирая платье. Просунув руку между нами, я полезла сразу к шнурку его плавок.

— Габриэлла, остановись, — приказал он, но его голос был слаб,

побежден. Пэкстон облажался. Раскрыл свою слабость. И, словно животное, я ее почувствовала.

Мой язык танцевал с его, и я оттолкнула его руку. Наклонив голову, я подставила ему шею, пока возилась с этим дурацким шнурком.

— Мы не будем делать этого здесь, — убедил он меня, обдавая горячим дыханием мое плечо.

Да!

Наконец, завязка поддалась, и он оказался у меня в руке. Все, что мне нужно было, — сжать его в кулак. Он отодвинул мои чертовы умные трусики в сторону и провел пальцами по моим влажным складочкам, я даже не осознавала, насколько мокрой я была, пока он не прикоснулся ко мне. Я застонала и обернула вторую ногу вокруг его талии. У него был выбор или держать меня, или уронить. Он держал.

— Трахни меня, Пэкстон, — взмолилась я ему в рот. Он грубо поцеловал меня, пытаясь отгородиться. Я слегка двинулась, направляя его. Поцелуй прервался, мы оба задыхались, глядя друг другу в глаза, пока я насаживала себя на него. Он вошел в меня сантиметр за сантиметром.

Я застонала, стараясь быть как можно тише.

Я ждала этого момента с первого дня, как увидела его, но не так. Я не была готова. Наша порочность и чувства, которые она вызвала, были взрывными, и я знала, что Пэкстон тоже это ощущал. Это было видно в том, как его взгляд пронзал меня, как его руки нежно исследовали мое тело, в любопытстве на его красивом лице. Словно это был наш первый раз.

— Я не хочу забеременеть, — прошептала я, качаясь на его члене. Не хотелось, чтобы он останавливался или доставал его.

Пэкстон фыркнул с полуулыбкой.

— Заткнись, — приказал он, сажая меня на раковину. Я едва заметила холодную поверхность под своей пятой точкой. Его губы ласкали мое плечо, пока сам он входил и выходил из меня.

И хоть я знала, что перехожу черту, я сделала бы это все равно. Я отстранилась, изучая его изумленное выражение лица, затем опустила взгляд на само действие. Раскрыв губы, я застонала, наблюдая за движениями Пэкстона. Он устроил небольшое шоу, вращая бедрами при этом полностью выходя из меня и толкаясь обратно. Я была совершенно не против. Мне нравилось его позерство.

— Быстрее, — задыхалась я.

— Тшш, молчи, — приказал Пэкстон, делая именно то, что я ему сказала. Он толкался быстрее, сильнее, глубже, пока я не изогнулась,

достигнув вершины. Его рука заглушила мой крик, а тело задрожало глубоко внутри меня, испытывая свои волны удовольствия.

На долю секунды я почувствовала что-то в его взгляде. Транс с долей эмоционального притяжения не давал нам разорвать зрительный контакт, пока на него не нахлынуло осознание, словно к нему вернулись чувства или что-то такое.

— Поспеш. — Взяв меня за руку, он помог мне встать на пол и оставил меня одну.

— Господи Иисусе! — воскликнула я, повернувшись к зеркалу, поправляя спутанные от секса волосы своими пальцами. Что, черт возьми, это было?

Смывая его сперму со своего тела, я старалась выдавить всю ее из себя. Я не хотела ребенка от него. Точнее, не хотела больше детей. Очистившись, я вышла из ванны, все еще тяжело дыша.

— Ты какая-то красная, Гэбби. Все хорошо?

Я споткнулась, обернувшись, и встретила взглядом с Лейном.

— Эм, да. Все хорошо. Спасибо.

— Эй, — произнес он, рукой хватая меня за кисть, когда я проходила мимо.

Стоя так близко, я увидела, что его глаза были грустные, а не расстроенные.

— Да?

— Ты не помнишь меня? Совсем?

— Прости. Нет. Знаю только, что ты — муж Кэндес.

Лейн шумно выдохнул и отпустил меня.

— Наверно, это и к лучшему.

Я не ответила. Нет. Не хотела знать. Я пошла к толпе. Пэкстон стоял в бассейне, подбрасывая Офелию в воздух. Остальные все еще играли в бадминтон. Никто не заметил наше отсутствие.

Кроме Лейна.

— Я вчера отправила тебе пять сообщений, — сказала Кэндес, улыбаясь, когда села слева от меня.

— Да? Я не проверяла телефон последние дни, — призналась я, оглядываясь в поисках сумочки. Конечно, она отправляла. Вот только мой телефон не звонил.

— Может на следующей неделе, — предложила она, пока я читала сообщения. Кэндес хотела пообедать вместе. Я почти сказала, что мне не разрешено, но сдержалась. Пэкстон не показывал эту сторону на публике. Лишь наедине, только со мной. После проведенного вместе времени я

знала, что они мне завидовали. Завидовали нашим отношениям.

Если бы они только знали.

— Пэкстон сказал, что ты уже можешь водить. Сможем отвезти девочек в Bobos на следующей неделе.

— Bobos? — спросила я, ища в телефоне ответ. Ничего. У меня было одиннадцать контактов. Пэкстон — первый. Большинство других — дополнительные занятия девочек, номера соседей, дантист и педиатр. Вот и все. Моя жизнь ограничивалась девочками и мужем.

— Ты должна помнить Bobos. Ты ненавидишь это место. Офелия же его обожает. Ее любимое занятие.

— Что это?

— Игры. Глупые игры, где они выигрывают длинные ленты билетиков и глупые призы, в основном шумные.

Я засмеялась.

— Звучит весело. Я в деле.

— Вы о чем? — спросил Пэкстон, подойдя к нам, вытирая волосы полотенцем. Его мокрая грудь привлекла мое внимание, вызывая мгновенное желание у меня внизу живота. Я не могла понять этого. В этом не было смысла. Никакого. Он обращался со мной, как с собственностью, а я хотела его. Это явно должно быть связано с травмой головы.

— Bobos, — ответила Кэндес, закатывая глаза и улыбаясь.

— О, ужас, — поддразнил он, усмехаясь. Это странное умение читать его вводило меня в замешательство. Словно я всю жизнь делала это, пусть и не помнила. Я знала, что ухмылка была для меня, а не из-за глупых игр. Я не поеду в Bobos.

— Марк сказал, что ты должен пойти с нами, — перебила нас Роуэн, зевая. Я посмотрела на время на телефоне. Почти девять вечера. Она устала, пора было в кровать.

Пэкстон взял ее за руку и пошел за ней, спрашивая, куда она его вела. Роуэн ноющим тоном напомнила ему о бенгальских огнях, и он ушел с ней.

Шейла и Триша присоединились к нам, оставляя парней играть с детьми.

— На что похож секс, когда ты не знаешь, кто ты? Похож на первый раз? — спросила Шейла.

— Шей! — шикнула на нее Кэндес.

Я засмеялась, но удержалась от того, чтобы рассказать, что наш первый раз после аварии был у нее в ванной.

— Да, это похоже на первый секс, — призналась я.

— Хотелось бы мне повторить наш первый раз. Хотя нет. Наш первый

раз был ужасен. У Марка даже не вставал, настолько пьян он был, — объяснила Шейла.

Звуковой сигнал телефона заставил меня опустить взгляд.

Пэкстон: *Подойди сюда.*

Габриэлла: *Нет. Я разговариваю. Ты прекрасно меня видишь.*

Пэкстон: *Нет? Серьезно?*

Воздух застрял в легких, когда вибрация между моих ног возобновилась, вызывая мгновенное желание.

— Что случилось? Ты в порядке? — спросила Кэндес, озабоченность читалась на ее лице.

— Да, просто нужно размяться немного.

— Спина? Могу я чем-то помочь? — Я осмотрела трех девушек, у всех глаза были наполнены волнением.

— Нет, нет. Все хорошо. Пойду, прогуляюсь к девочкам. Это поможет.

Мой взгляд встретился с Пэкстоном, на чьем лице сияла улыбка. На моем же, без сомнения, была написана злость и раздражение.

— Это моя девочка, — сказал он, обнимая меня за плечи и притягивая к себе, оставляя поцелуй на макушке.

— Выключи их, — приказала я сквозь стиснутые зубы.

— Пока рано. О чем вы говорили?

— Ни о чем. Выключи их, Пэкс. Я серьезно.

— Папочка, возьми меня? — попросила Офелия, подняв руки, когда ее огонь сгорел.

— Давай собираться. Пойдем, Роу-роу. Пора домой, — крикнула я, когда и ее огонек сгорел. Она заныла, прося еще один.

— Роуэн, сейчас же, — зарычал Пэкстон.

Одна оговорка, и настроение изменилось. То, что, мне казалось, я почувствовала между мной и Пэкстоном, исчезло. Он был взбешен. Едва даже попрощался с соседями.

— Позвони мне завтра. Больше никаких отговорок, что ты меня не помнишь, — приказала Кэндес. Она обняла меня на прощание, поцеловала обеих девочек и хлопала Пэкстона по спине. Между нами с Кэндес была связь. Я чувствовала ее.

Я шла за Пэкстоном обратно туда, откуда мы пришли, держась за руки.

— Пэкстон, прости. Я не специально. Я забыла.

— Слишком многое ты забываешь. Тшц, — сказал он. Он заткнул меня и закрылся. Почему я не могла называть его Пэксом? Или это из-за Роуэн.

Я назвала ее Роу-Роу. Я не упомянула даже об умных трусиках. Чувствовала их, но молчала. Ходьба с больной ногой и вибратором на клиторе — задача не из легких.

Вместо того, чтобы сфокусироваться на нем, я думала обо всем другом, изо всех сил стараясь забыть о его существовании. Думала о друзьях, о том были ли они действительно моими друзьями. Думала о Кэндес и ее дочери. Шанс помогла мне вспомнить их последний концертный танец, протанцевав весь номер. Офелия присоединилась к ней буквально на две секунды. Клянусь, внимание этой девочки переключалось со скоростью белки в колесе. Я думала о Лейне, о его странном взгляде и нашей неловкой беседе.

И о сексе.

Думала о сексе и об обжигающей нас страсти. Господи. Мы только что занимались сексом в ванной наших соседей.

— Приготовь девочек ко сну, — приказал Пэкстон с холодными нотками в голосе, как только мы вошли в дверь.

Я сделала выпад ногой, вывернув ее, пытаюсь избавиться от вибрации.

— Может выключишь хотя бы эту штуку?

Пэкстон быстро удалялся, бросив взгляд назад.

— Нет.

Ни одна из девочек не жаловалась об отходе ко сну. Они весь день играли. Это их вымотало. Я сама жутко устала. Горячий душ и мой планшет — все, что было у меня на уме. Я даже не думала о вибрации между ног. Контакт разорвался, как только я зашла за угол. Ненадолго.

Он возобновился, когда Пэкстон пришел пожелать спокойной ночи девочкам. Я как раз выходила из комнаты Роуэн, когда трусики снова завибрировали.

— Иди в свою комнату и сними все, кроме трусиков, — приказал он хриплым голосом, касаясь губами моих губ.

— Пэкстон...

— Тшш, детка. Иди и делай, что велено. — Мои слова были прерваны его теплым дыханием на моих губах. Он быстро, но страстно поцеловал меня, вызывая смешанные чувства своим прикосновением. Я развернулась и направилась в комнату с тяжелым вздохом.

Как только дверь за мной закрылась, контакт снова оборвался, и вибрация прекратилась, но меня начало трясти из-за нервов. Мыслей о том, что запланировал Пэкстон, было достаточно, чтобы мои ладони вспотели, а адреналин наполнил мои вены. Что на этот раз?

Глава 11

Казалось, что я ждала целую вечность. Я стояла перед открытой дверью, прикрывая платьем грудь, и чувствовала морской бриз в волосах. Он специально это делал. Заставлял меня ждать, усиливая ощущения. Заставлял меня гадать, что произойдет.

— Боже, ты чертовски красива, — произнес Пэкстон тихо у меня за спиной.

Я не ответила. Даже не развернулась. Просто закрыла глаза, ощутив снова начавшуюся вибрацию между ног.

Пэкстон встал позади меня, забирая платье у меня из рук.

— Здесь тебя никто не увидит. Никто, кроме меня. Как тебе твои новые трусики? Нравятся?

Черт. Разрешения не было. Так что я держала рот закрытым. Его пальцы сжали мои соски. Оба.

— Не хочу, чтобы ты тусовалась с Кэндес. На случай, если ты и это забыла.

— Почему? Она мне нравится, — запротестовала я.

— Тишц, замолкни. Не говори ни слова. Она мне не нравится, не нравится, как она на тебя влияет, и забудем об этом. Закрой рот и просто будь хорошей девочкой. Ты хоть представляешь, насколько непослушной ты сегодня была?

И снова я не ответила. Не должна была. По крайней мере, не словами. Что-то незнакомое охватило мое тело. Соски затвердели, тело наполнилось дофамином, а клитор набух и запульсировал. Почему? Какого хрена это со мной происходит? Было похоже на психологический рычаг, которым мог управлять только он. Власть накаляла воздух между нами. Я хотела, чтобы он подчинил меня, только не знала, кем это сделает меня.

Пэкстон знал. Пэкстон расшифровывал мои реакции. Словно говорил с моим ДНК на каком-то особом языке. Я хотела быть вдовой. Хотела ощутить власть его подчиняющего присутствия. Он был бесстрашен, прямолинеен и никогда не спрашивал разрешения. Делал, что хотел, и я желала, чтобы он продолжал. Насколько это все было запутано?

Было страшно и возбуждающе. Отдавать контроль Пэкстону в сексуальном плане было чем-то опасным и запрещенным. Я была уязвима, когда дело касалось его, готова была сдаться.

— Что ты хочешь для начала: хорошую порку или больше игр с твоими

умными трусиками? Ммм? Ответь мне, шлюшка.

— Эм, порка, — произнесла я, едва узнавая свой хриплый голос.

— Повернись ко мне лицом.

Я развернулась, встречаясь с ним взглядом.

— Смотри вниз. Тебе не нужно так делать. Ты должна смотреть вниз.

Поняла?

Мой взгляд опустил на выпуклость на его джинсах, пока его руки изучали мои ягодицы.

— Ты испугана? Вспомнила, кем была прежде? — спросил он жестким, но сексуальным тоном. Боже мой. Что, черт возьми, со мной такое? Я готова была кончить лишь от одной атмосферы. Пэкстон проглотил меня своими губами, я ответила тем же.

Он лишал меня дыхания, делая уязвимой. Я скрестила руки и смотрела, как он отходит, проводя пальцем по экрану телефона.

— Опустит руки и взгляд.

Я послушалась, слегка отодвинув правую ногу в сторону, готовя себя к тому, что произойдет. Несмотря на опущенный взгляд, я видела все, что он делал. Его красная рубашка упала на кучу одежды у подножия моей кровати. Следом отправились его джинсы. Но не нижнее белье. На нем его не было.

Я сглотнула, услышав жужжание, которое вызвало волну эйфории внизу живота. У меня коленки подкосились. Это не предвещало ничего хорошего. Вид усиленно дрожащего Пэкстона и растущее напряжение между ног было слишком сложно вынести. Я застонала, когда вибрация стала сильнее. Пэкстон шикнул на меня, но я не могла сдержаться. Мне это было неподвластно. Чем сильнее становилась вибрация, тем сильнее было возбуждение.

— Пэкстон, я не... Я, ах, ох, черт. Да, ммм, да, — стонала я. Вау. Откуда это взялось? Я была близка к оргазму, мои ноги дрожали. Слишком поздно. Я уже была на вершине, пути к возврату не было. Вибрация, заставившая меня испытать это, внезапно остановилась.

Пэкстон подошел ко мне, источая ауру ярости. Сжав в кулак мои волосы, он рывком отдернул их.

— Что, блядь, с тобой происходит?

Его губы были достаточно близко, чтобы ощутить запах пива и дыхание, сопровождающие его слова. В этот раз я задрожала от страха, боясь того, что сделала. Настроение Пэкстона сменялось быстрее, чем выключатель, и, видимо, у меня был невольный талант влиять на него, не желая этого. Из раза в раз.

— Прости, — простонала я ему в рот. Наши губы касались друг друга, и меня охватила страсть. Мои руки обвили его шею, а его — мою талию.

— Перестань, Габриэлла, — приказал Пэкстон. Снова. Слабо.

Я бросила ему вызов. Поцеловала, будто мне было его мало, да так оно и было. Пэкстон страстно ответил, поднимая меня к себе на талию и направляясь к кровати. Как только он положил меня на кровать, я на локтях поднялась выше. Он последовал за мной, не разрывая поцелуя. Отодвинув трусики в сторону, его рука раздвинула мои ноги. Он расположил между ними свои бедра и скользнул в меня.

Неважно, как сильно Пэкстон боролся с чувствами, я знала, что он ощущал, — проигрыш. Он больше не владел ситуацией, в отличие от меня. Это был крышесносный секс. Секс, где разрешено все, где можно делать и говорить что угодно. Пэкстон не мог это остановить. Я же либо бормотала что-то невразумительное, либо кричала от экстаза, отдавая ему всю себя. Говорила ему, как сильно я хотела его, и это была правда. Безумие, охватившее мое тело, лишало меня возможности мыслить здраво.

Пэкстон толкался в меня, внося в водоворот разрушения. Наши тела боролись друг с другом в противостоянии пламени и льда. Не было эксцентричных попыток, потому что там не было места эго. Мой план доминирования угас, когда я поддалась ему, но то же самое произошло и с ним.

— Перевернись, — попросила я, не отрываясь от его губ и извиваясь в попытке скинуть его с себя.

— Нет, ты никогда не бываешь сверху. Мы этого не делаем, — сказал он, напоминая мне о правиле, которого я не помнила, и поглощая меня своими губами.

Я снова оттолкнула его, упершись рукой в грудь, выгнув спину и застонав от желания.

— О, боже мой, Пэкстон. Перевернись. Дай оседлать тебя, — приказала я. На долю секунды я подумала, что потеряла его. Он остановился, посмотрев на меня холодным взглядом и сжав челюсть. Я поцеловала его, желая, чтобы он продолжил движения, и он ответил с усиливающимся голодом.

Мои ногти царапали его грудь. Я убрала волосы с шеи, больше для шоу, чем от жары. Хотя мне и было жарко. Это помогло мне открыть загоревший живот, и грудь казалась больше, чем она была на самом деле.

Пэкстон провел рукой вниз по моей груди и остановился на бедрах. Напряжение наших взглядов невозможно было разорвать, да никто и не пытался. Мы подчинились ему. Отпустили контроль. Занимались любовью.

Я опускалась на него с каждым встречным толчком его бедер, приближая нарастающий оргазм. Мои губы раскрылись, и я откинула волосы при первом спазме. Пэкстон перевернул меня, не разрывая связи, и довел до забвения. Глубокий поцелуй и толчок — и я была на вершине.

— О, боже, Пэкс. Мммм, да, трахай меня. Ахх, вот так, малыш. Жестче.

Пэкстон двигался глубже, жестче, быстрее. Я кончила, постанывая и дрожа под ним. Замерев, он уткнулся мне в волосы и излился вместе со мной. Его бедра с силой прижимались ко мне, а губы впивались мне в шею.

Моя хватка на простынях под нами ослабла, когда напряженные ноги упали на кровать. Тяжелое дыхание перешло в глубокие вздохи, пока наши тела ослабевали, превращаясь в единое целое.

— Черт, Габриэлла. Какого хера творится с тобой? Какого хера творится со мной? Мы так не ведем себя.

В моей голове родилась лишь одна мысль, поражая меня, словно цунами.

— Ты так и не ответил, могу ли я забеременеть.

— Что?

— Я не принимаю таблетки. Я могу забеременеть?

— Это важно?

Я переместила взгляд ему за плечо на подсвечник на стене и вздохнула, реальная жизнь одержала верх над фантазией.

— Дай встать. Я хочу принять душ.

Пэкстон выскользнул из меня и сел, спустив ноги на пол, в глазах читалось презрение. Вот так просто он изменился.

— Ты не можешь забеременеть.

— Почему? Я же родила Офелию, не так ли? — спросила я, сердце ушло в пятки.

— Да, ты и в этом облажалась. Мало того, что родила еще одну девочку, так и попытаться больше не сможешь. Ты всегда была неудачницей. Я иду спать.

Пэкстон бросил в меня этими обидными словами и просто встал с кровати. Я была ошеломлена, только не знала почему. Пэкстон говорил мне много гадостей. Но они так не ранили.

— Ух, Пэкстон. Бинтами следы от пуль не скроешь.

Взгляд Пэкстона метнулся ко мне, полный ярости и злости.

— Тейлор Свифт. Мило. Как ты можешь помнить слова подростковых песен, но не знать, кто ты такая?

Я села и зачесала затылок, а он в грубой манере натянул шорты и ушел.

— И еще один отдал концы, — произнесла я разочарованно. У этого парня были серьезные проблемы. Я бы все отдала, чтобы узнать их. Господи Боже.

Принимая душ с лавандовым гелем, я погрузилась в размышления, сначала о том, почему я не могла забеременеть, затем о сексе. Впервые после аварии я поняла кое-что, что не могла описать словами. Пэкстон был для меня наркотиком, вызывая тот же эффект, что и кокаин у зависимого. Это происходило на физическом уровне и усложнялось спутанными эмоциями и крепким алкоголем. Мне даже казалось, что я сейчас просто отключусь, хотя все еще ощущала последствия оргазма, а воспоминания прожигали грудную клетку при каждой мысли о нем.

Потрясающая идея прогуляться по пляжу ворвалась мне в голову. Возможно, величественная красота и естественные звуки океана помогут мне снять нервное напряжение.

Я схватила красные шорты и первую попавшуюся футболку из шкафа. Нахмурилась и улыбнулась одновременно, поняв, что хожу на носочках, как будто за мной следят. Мысленно отругав себя за глупость, я все равно продолжила эту нелепую суету. С кошачьей точностью я открыла дверь, снова внутри укорив себя за излишнюю осторожность.

— Что ты делаешь? — услышала я сверху. Испуганно подпрыгнув, я подняла взгляд на темный силуэт Пэкстона.

— Я хочу прогуляться по пляжу.

— Нет, иди спать.

— Я не хочу спать.

— Ты не пойдешь на пляж в темноте. Забудь. Иди спать.

— Могу я хотя бы...

— Тшш, спокойной ночи, Габриэлла.

Я шумно выдохнула и вернулась в дом. Может я и была дурочкой, но достаточно умной, чтобы знать, что возмущение не приведет ни к чему хорошему. Однако я все же проверила обеих девочек, прежде чем пойти к себе. Сначала зашла к Роуэн. Она спала на боку, сложив ручки под щекой. Офелия лежала на спине, руки по бокам, а ноги в достаточно странном положении. Я засмеялась и прикрыла ее ножки одеялом.

Ощущение удобной кровати и исходящий от простыней лавандовый запах заставили меня осознать, насколько уставшей я была. Глаза заслезились, когда я зевнула и повернулась на бок. Свернувшись калачиком, я устроилась поудобнее и провалилась в сон.

* * *

— Не двигайтесь, Клайды. Пообещайте, что останетесь здесь.
— Мы не хотим, мама, — произнесла Иззи, прижимаясь ко мне.
— Пожалуйста, давай просто уйдем, — взмолилась я, сжимая руку сестры.

Мама провела тыльной стороной пальцев по моей щеке и улыбнулась.
— Эй, нам нужны деньги, чтобы кушать, правильно? Мы очень скоро отправимся в путь. А пока посидите и подождите меня. Не уходите с этого места. Ничего не трогайте. Хорошо?

Мы с Иззи кивнули и смотрели, как она уходит. Руки парня оказались на маме еще до того, как успели закрыться двери лифта. Нам с Иззи было около десяти, но мы уже знали, что она делала из-за денег. Видели раньше. Черт, мы даже слышали. То лето, которое мы провели на пляже, включало в себя все секс образование, которое только можно придумать. Мы с Иззи часто ночью сидели у костра, пока мама зарабатывала лишние пару баксов. Казалось, ей это даже нравилось, но это место было другим.

Нам не нравился этот парень. В нем было что-то не так. Мы обе это чувствовали и были напуганы. Мы сидели в холле сомнительного отеля и ждали. Ни одна из нас не шевелила ни единой мышцей. Правда недолго.

Покрытый татуировками парень, который чуть раньше ушел с мамой, вышел из лифта. Без мамы.

— Что он делает? Где мама?
— Тиш, я не знаю, — ответила я, провожая его взглядом до двери. Вот только он не дошел до нее.

— Эй, ваша мама немного поспит. Не хотите прокатиться? Вам нравится мороженое? Пойдемте, побалуем себя, пока ваша мама отдыхает, — произнес он тихо, встав перед нами.

— Нам не разрешено. Мы должны оставаться здесь, — сказала строго Иззи.

— Все хорошо. Мама разрешила.
Мы обе закачали головой. Ни за что. Мы не сделаем этого.
Парень оглядел помещение и схватил Иззи за руку. Крепко. Я убрала свою прежде, чем он успел схватить и меня.

— Послушайте сюда, маленькие шлюшки. Если вы хотите когда-нибудь снова увидеть свою маму, сделайте, что говорят. Я могу разорвать вашу мать на сотни маленьких кусочков одним нажатием кнопки. Хотите этого?

Мы с Иззи закрутили головами, испуганные до смерти.
— Хорошие девочки. А теперь поднимайтесь и возьмите меня за руки.

Если будете себя хорошо вести, я привезу вас назад еще до того, как проснется ваша мама. Вам лишь нужно пообещать, что не расскажете, куда вы ездили, хорошо? Я узнаю, если вы это сделаете, и убью ее. Поняли?

— Мы не хотим идти, — ныла я, ощущая острую боль в груди, боль, которая говорила мне не садиться к нему в машину. Я знала, что не нужно ехать. Все во мне твердило это, и все же я поехала, как и Иззи. Если мы хотели снова увидеть маму, мы должны были. Парень продолжал идти, держа каждую из нас за руку.

— Вы двое заработаете для меня хренову кучу денег, — хвалился парень, переводя нас через улицу к черной припаркованной машине.

— Не плачь, Гэбби, — сказала Иззи, когда он закрыл дверь, оставив нас в одиночестве и страхе. Я плакала. Я боялась за свою жизнь. За жизнь Иззи.

Мы сидели посередине сидения, соприкасаясь плечами. Держась за руки. Он ни слова не говорил нам, пока мы ехали несколько кварталов. Он курил вонючую сигарету, наполняющую машину едким дымом. Не прошло и пяти минут, как он заехал на парковку. Прямо рядом с таксофоном.

— Не двигайтесь, — приказал он, выбираясь с машины.

— Что с нами будет, Иззи? — прошептала я ей, сидя в пустой машине.

— Тиш, — зашипела Иззи.

Окна были закрыты, но мы все равно все слышали.

Род. Его звали Род.

— Грант! Это Род, мужик. Ты не поверишь, что у меня есть. Готов к этому?

Я не была к этому готова. Все еще не знала, о чем он говорил. Я наострила уши, напряглась, сердце в груди колотилось.

— Их двое. Девочки. Близняшки... Неа, мужик. Это бабки. Их мать-наркоманка в отеле под кайфом. Будет в отключке еще часов пять-шесть. Времени валом...

— Откуда я знаю. Мне плевать, как ее зовут или откуда она. Знаю лишь, что эта сучка — дура. Какая-то шлюха-иммигрантка. Но, блядь, она красивая. Только что отымел ее по полной, прежде чем забрать девочек. Это бабки, чувак. Говорю тебе. Мы заработаем дохрена бабла.

Я слушала слова песни, играющей в машине, когда он замолчал, слушая собеседника. Что-то о сломанном крыле.

— Я на проспекте Лонгенгейт. Встретимся там через десять минут. Иззи прижалась ко мне ближе, когда Род сел в машину и зажег еще

одну сигарету.

— Хорошие новости, девочки. Мы все устроили. Поедем сейчас к моему другу, Динку.

— Зачем? — спросила Иззи испуганно, голос был хриплым.

— Не волнуйся. Мы не причиним вам вреда. Просто сделаем несколько фоток.

Я слегка расслабилась. Фотки? Фух. Это не плохо. Даже в десять лет я знала, что мы с Иззи были красивыми. Люди все время говорили маме, какие мы красотки. Может они хотели внести эти фотографии в какой-то каталог или еще куда. Одна леди в лагере однажды сказала нашей маме, что ей стоит сделать из нас моделей для журналов.

После знакомства с Динком все было словно в тумане. Ни один из них не причинил нам вреда. По крайней мере, они не прикасались к нам. Ну, почти. Они касались нас только, чтобы мы приняли ту или иную позу, или подвинули ноги. Мы просто слушались, так как не знали, что еще делать. Мы разрешили им раздеть нас и стали объектом детской порнографии.

Но Род нам не солгал. Как только он закончил с фотосессией, он отвез нас в Макдональдс и купил нам мороженое-рождок, затем высадил у входа в отель с пятидесятидолларовой купюрой и ключом от номера.

— Спасибо, за ваше время, леди. И вашей маме-наркоманке тоже. Только не говорите ей о нашем секрете, хорошо? — спросил он, имитируя пальцами пистолет, направленный на Иззи, а затем на меня. Воображаемого выстрела было достаточно, чтобы запугать любую девочку.

По крайней мере, у нас был номер в отеле на ночь и хорошая еда. Наша мама спала, отключившись голой на постели. Я прикрыла ее и выбросила с помощью ручки с логотипом отеля использованный презерватив в мусорное ведро. Иззи сняла с ее руки резинку для волос и убрала с лица темные волосы.

Мама повернулась на бок.

— Ммм, мои Клайды. Я люблю вас, малышки, — невнятно промычала она. И снова отключилась.

Мы с Иззи никогда не говорили о нашей фотосессии. Не нужно было. Я знала, как она себя чувствовала, а она знала, как себя чувствовала я. Мы были близнецами. Чувствовали все, что чувствовала другая. Уверена, так было еще до нашего рождения. Мама говорила, что, когда она клала нас рядом, мы брались за ручки и соприкасались локтями. Так же мы поступили и сейчас, на второй кровати в номере. Мы с Иззи лежали перед телевизором, держась за руки и мысленно переживая произошедшее с

нами.

Мы никогда не говорили нашей маме, никогда не упоминали об этом, и я понятия не имею, что произошло с фотографиями. Предполагаю, они все еще где-то есть. Может, где-то в интернете, но я их не видела. Не хотела их видеть. Я выросла. В любом случае они не будут похожи на меня теперешнюю.

* * *

Я открыла глаза в темноту. Грудную клетку сдавливало, и меня охватили сильные эмоции, так, что мне захотелось плакать. Сердце болело за обеих маленьких девочек. Знаю, это произошло со мной. Знаю, что это произошло с Иззи. Но почему именно это? Почему я продолжала вспоминать вещи, от которых было больно, грустно, которые заставляли меня скучать по маме и Иззи? Почему я не могла вспомнить, кем я была? Сейчас. Не годы назад.

Я встала и направилась в ванную, пытаюсь осознать свое новое воспоминание, которое помнить не хотела. Мысли о сне даже не было. Не хотела. Нужно было заняться чем-то иным. Вот только я не знала чем.

Я пошла на кухню и налила себе стакан яблочного сока, затем вышла на улицу. Солёный воздух наполнил мои легкие. Отойдя к дальнему углу двора, я села на бетонный забор, любясь прекрасным видом. Луна была яркой и отсвечивалась в глубоком море. Если бы я могла описать свое настроение, я бы описала его как эту ночь. Все замерло. Все, кроме шума далекого океана и теплого бриза.

И звуков плача. Я даже не понимала, откуда взялся звук. Он родился у меня в груди и вырвался наружу.

— Габриэлла, — услышала я тихий голос позади себя.

Я всхлипнула и замахала головой.

— Уходи, Пэкстон. Оставь меня.

Если бы это было так просто. Я глубоко втягивала воздух, пока он сокращал между нами расстояние, а потом задержала дыхание.

Пэкстон обнял меня сзади.

— Почему ты плачешь?

Я снова всхлипнула.

— Ты — чертов идиот. Тебе кто-нибудь говорил об этом?

Пэкстон развернул меня к себе лицом, но не из-за злости, которую я ожидала увидеть. Он держал рукой мое лицо, заставляя смотреть на него. Я послушалась, вот только не совсем его видела. Смотрела на темный силуэт,

освещенный лунным светом.

— Я не знаю, кто ты, черт возьми. Мне это не под силу. Я лишь хочу, чтобы все вернулось на свои места, как это было до того, как ты уехала Бог знает куда.

— Ты действительно этого хочешь, Пэкстон? Хочешь, чтобы я стала тем человеком? Созданным тобой?

— Это то, на что ты согласилась. У нас был договор, но теперь ты все портишь, — сказал он отчаянно. Большим пальцем он вытер слезу с моей щеки и поцеловал меня.

— Мне кажется, ты меня никогда не знал. Ты ничего не знаешь обо мне.

Пэкстон вздохнул и опустил голову. Скрестив руки, он посмотрел на свои босые ноги.

— Так и должно было быть. У нас был договор. Я никогда не хотел тебя знать. До этого момента.

— Что это значит, Пэкстон?

— Иди сюда. Хочу показать тебе кое-что.

Пэкстон взял меня за руку, и я пошла за ним, чувствуя себя потрясенной. Такой потерянной и сломленной.

Глава 12

Пэкстон открыл дверь своего офиса, и я осмотрелась. Нет. Ничего. Ни одна вещь не казалась мне знакомой.

— Сядь, — приказал он.

Я села на кожаный стул Пэкстона, а он встал у меня за спиной. Каждая комната дома ожила на экране компьютера. Всё это время, с момента нашей встречи, я была под камерами.

— Посмотри на перемены в себе. Эта съемка была сделана за день до аварии.

Я смотрела видео, находясь в шоке и смятении. В одно мгновение я чувствовала себя оскорбленной, в другое — озадаченной. Это была я. Я была на кухне, одетая, с убранными волосами, накрашенная, на столе стоял завтрак. Часы на микроволновке показывали 6:30 и по готовящемуся кофе и темноте за окнами было ясно, что это утро.

Пэкстон зашел на кухню с рабочими сапогами в руках. Поставив их на пол, он подошёл ко мне и поцеловал. Чувство злости охватило меня, когда увидела, как он держит меня за лицо и что-то говорит. Он был зол.

— Я не слышу, — сказала я. Я хотела услышать это. Хотела знать, какими были мои дни. Жизнь Габриэллы Пирс до аварии.

— Тебе не нужно этого слышать. Суть не в этом. Просто смотри, — сказал Пэкстон. Он снова обнял меня и перемотал запись, прежде чем включить звук.

— Слушай, как ты разговариваешь с девочками, — сказал он, прокрутив видео к завтраку с Роуэн и Офелией.

— *Роуэн, сядь прямо. Ешь свой завтрак,* — сказала я, стоя за кухонным островком.

Ссора родилась на пустом месте. Офелия использовала ее салфетку, и она раскричалась. Выражение моего лица было постоянно неизменным. Оно ни разу не поменялось. Ни от счастья к печали, ни от злости к испугу. Ничего. Я была безэмоциональна.

И когда Пэкстон вошел в кухню, выражение моего лица также не изменилось. Он успокоил драку в доли секунды. Обе девочки снова сели и принялись за еду.

— *Ты что, не могла здесь как-то помочь?* — произнёс Пэкстон через динамики, его губы оказались на моих.

Я повернулась и посмотрела на него через плечо.

— Как я могла что-то сделать, если ты не дал мне даже времени? — спросила я.

— Об этом я и говорю, Габриэлла. Смотри, — Пэкстон включил видео из другой папки. Действие происходило спустя несколько дней. Я помнила этот день. Обе девочки сидели на стульях, ели нарезанные яблоки. Офелия взяла кусочек с тарелки Роуэн и облизала его. Роуэн сделала то же самое с её яблоком, но Офелия заверещала долгим и пронзительным криком.

В отличие от прошлого раза, где у меня был безжизненный взгляд, я уперлась рукой в бок и посмотрела на неё, как на обезумевшую. Пэкстон вышел из-за угла, и его реакция тоже изменилась. Злость превратилась в шок.

Засунув два пальца между губ, я засвистела громче, чем она кричала. Офелия остановилась. Совершенно шокированная.

— *Из-за чего ты кричишь?* — спросила я, скользя локтями по серому мрамору, чтобы посмотреть ей в глаза.

— *Она облизала мое яблоко,* — заныла она.

— *Воу-воу-воу. А-ну, не плачь. Я не понимаю тебя, когда ты реवेशь. Почему ты облизала ее яблоко, Роу-роу?*

— *Офелия сделала это первая.*

Я посмотрела ей прямо в глаза, и она опустила взгляд.

— *Посмотри на меня, Офелия. Не опускай взгляд, когда с тобой разговаривают. Ты должна смотреть прямо в глаза. Ты выше этого. А сейчас. Ты первая облезала ее яблоко?*

— *Она это сделала,* — встряла Роуэн.

— *Тиш, подожди.* — Я подняла палец.

— *Да,* — призналась Офелия.

— *Какой кусочек?*

Роуэн указала на яблоко, на котором сестра оставила свои микробы.

— *Этот.*

— *Возьми его, Фи,* — потребовала я, указывая кивком на испорченное яблоко.

Офелия взяла его и положила на свою тарелку.

— *Какой кусочек облизала Роуэн?*

Офелия указала на него, и Роуэн его забрала.

— *Вот. Больше никаких микробов. Все хорошо?* — спросила я, указывая пальцем сначала на одну, затем на другую. Они обе кивнули и улыбнулись. — *Вот и хорошо. Дайте пять,* — приказала я. Мои маленькие Клайды захихикали и стукнулись ладошками. — *А мне?* — подразнила я.

И снова всё было хорошо.

Я прошла мимо Пэкстона, задев его плечо.

— *Черт. Твои дети — королевы драмы, парень.*

Я прикрыла рот рукой, увидев выражение лица Пэкстона. У него перехватило дыхание.

— Кто, блядь, это, Габриэлла? Ты свистнула им, словно вызвала такси. Я даже не знал, что ты умеешь так делать. Дай пять? Что это, черт возьми, такое? Кто, блядь, это? Ты так себя не ведёшь.

На следующем видео я будила девочек. Никакой возни. Никаких проблем. Я нежно разбудила их ото сна и стояла в ванной, пока они чистили зубы. Мы разговаривали. Я рассказывала им о нашем расписании, пока они расчёсывали волосы. Офелия захныкала, услышав об уроках плавания, а Роуэн убедила меня, что она уже умела плавать.

— Ну и что? — Я не понимала, что в этом было не так.

— Вот другой день.

Я повернулась обратно к экрану и смотрела дальше, вспоминая это с улыбкой. Офелия была в кровати с Роуэн, когда я пошла будить их для глупого урока по искусству возле бухты. Подняв свинку, одетую в свитер штата Флориды, я опустила свое разбитое тело на пол. Подняв руку со свинкой, я разбудила девочек мультяшным голосом.

— *Эй. Эй вы, сони. Просыпайтесь. Вам пора ехать, делать эти глупые ожерелья из вермишели, которые намокнут и будут, как сопли, висеть на вашей шее. Эй. Роу-роу. Фи. Давайте. У нас впереди весёлый день, спасибо вашему папе.*

Я закричала, когда они скатились с кровати, наконец-то смеясь, а не ругаясь. Пэкстону не нужно было указывать на это. Я видела все своими глазами. Когда я будила их раньше, на моем лице было то же пустое выражение. В этот раз все было иначе. Оно было игривым, счастливым и влюбленным. Я так сильно их любила. Пусть и не помнила их до аварии.

Следующее видео вызвало румянец у меня на щеках.

— Это было за ночь до аварии.

Я была в своей комнате, лежала поперек кровати. Голова наклонена в сторону, и Пэкстон толкал себя мне в рот. Он развел мне ноги и брызнул прозрачную жидкость на мое влагалище, позволяя ей стекать вниз. Двумя пальцами он раздвинул мои половые губы, и жидкость затекла в меня. Растерев ее, он принялся трахать меня. Я едва шевелилась. Моя голова двигалась по инерции от его толчков и все.

Даже когда он перевернул меня и взял сзади, мое выражение лица не изменилось. До последней секунды оно оставалось прежним. Пока Пэкстон не изверг свой заряд мне на грудь. Он оставил меня, и я

очистилась. Выражение лица — неизменное.

— А теперь смотри, — сказал он.

Картинка снова изменилась, на этот раз на экране была ванна. Мы исследовали друг друга. Мои руки не свисали по бокам, как раньше. Они исследовали его спину, плечи и грудь. Моя голова склонялась со стороны в сторону, моля о прикосновении, о поцелуе, желая, чтобы он изучал мое тело так же, как и я его.

Эротика. Чистая страсть накалялась между нами. Этого не было раньше. Вау. Теперь я понимала. То есть, не совсем. Я не понимала ее, но видела разницу.

— Видишь, что я имею в виду. Ты так не ведешь себя, Габриэлла. Это не ты.

Я ничего не сказала. Не знала, что сказать. Пэкстон перешел к следующему видео, на котором я мастурбировала в ванной.

— Мне всегда нужно было использовать какую-то смазку с тобой. Теперь же я не могу прикоснуться к тебе, чтобы твоя киска не намокла. И посмотри на это дерьмо? Кто, черт возьми, это?

Он сменил запись на этот день. Я стояла у двери, смотрела ему вслед и кричала.

— *Ублюдок. Идиот. Придурок. Псих*, — орала я пустому дому.

Я фыркнула слегка, увидев это.

— Это не смешно, Габриэлла. Я даже не могу больше унижить тебя поркой. Твоей киске нравится и это. Я не знаю, что делать. Это не ты.

— Да, ты сказал это уже около пятидесяти раз. Что ты хочешь услышать? Ты уверен, что это не я? Может вон та — не я, которая знала о камерах и выглядела, как робот. Может это настоящая я, та, которая не ведала о всем этом наблюдении.

Пэкстон отошел и сел на диван напротив стола. Он запустил руки в волосы, на его лице было написано раздражение.

— Знаешь, о каком эпизоде я все время думаю? — спросил он.

— До или после того, как я знала, кем являюсь?

— После. Ты заставила Офелию посмотреть тебе в глаза. Сказала ей никогда не позволять кому-либо принудить ее потупить взгляд. Сказала, что она выше этого.

Теперь я запуталась. Еще больше, чем уже была.

— Что?

— Я хочу, чтобы она была выше этого, — произнес Пэкстон голосом, который я не узнала. Нежным.

Я откинулась на стуле и скрестила руки, ухмыляясь.

— Что ж. Пошел ты. Ты борешься сам с собой. Я нравлюсь тебе такая, но ты слишком упрям, чтобы признать это.

— Я не могу этого сделать, Габриэлла. Мне нужен определенный расклад. Не хочу этого дерьма.

Я фыркнула, ощущая то же самое.

— Страсть все меняет. Не так ли?

— Господи Боже. Иди спать. Я не могу больше.

Я встала и подошла к нему.

— Пойдем спать со мной, — попросила я. Я не предлагала ему руку, только кровать.

— Не могу.

— Почему, Пэкстон? Почему ты не можешь любить меня?

— Уходи, Габриэлла.

Я положила руку ему на голову, запустив пальцы в волосы. Он уставился на меня, и я увидела ту же потерянность, которую ощущала сама.

— Я стала жертвой детской порнографии, когда мне было десять. Спокойной ночи, Пэкстон.

Он схватил меня за запястье, удерживая, и нахмурился.

— Что?

— Просто захотелось сказать тебе об этом. Что-то, что я уверена, ты не знал обо мне. Что-то, что я никогда тебе не рассказывала.

— Откуда ты знаешь это?

— Я вспоминаю разные вещи. В основном, когда сплю, но не ближайшее прошлое. Воспоминания из детства.

— Ты уверена? Может это что-то другое. Из-за твоей травмы.

Я вытащила руку из его хватки и уверила грустным тоном:

— Нет, это не так. Спокойной ночи.

* * *

Воскресенье было странным. Пэкстон почти весь день работал дома в своем офисе, избегая меня. Я сделала вегетарианскую лазанью с помощью девочек, и мы плавали в бассейне, пока она пеклась. Мы плавали с закрытыми глазами на трех надувных матрасах. Я была посередине, держа их за руки. Девочки придумали игру, в которой нужно было угадать, в какой части бассейна мы окажемся, просчитав до пятидесяти. Я слушала в пол уха, больше концентрируясь на путанице, частью которой являлась. Было так много вопросов без ответа.

— Мы сегодня будем кушать? — спросил Пэкстон, стоя в дверях.

Я подняла очки и посмотрела на него.

— Да, сейчас подам. Хочешь поесть здесь или внутри?

— Снаружи, — ответили за него Роуэн и Офелия.

— Ты в меньшинстве. Каков бы ни был твой голос, он больше не учитывается, — подразнила я, изучая его и пытаясь понять его настроение.

— Хорошо. Мы можем поесть здесь, — согласился он.

Пэкстон избегал зрительного контакта со мной, подходя к бассейну.

— Кто готов к пушечному ядру? — крикнул он девочкам, чем вызвал у них беснование. Их руки и ноги панически молотили воду, пока они кричали и старались отплыть подальше. Я грустно улыбнулась и пошла в дом.

Ужин прошел хорошо. Если не считать нескольких неловких взглядов, мы почти не контактировали друг с другом. Только с девочками.

— Здесь есть мясо? — спросил Пэкстон, поднимая полную вилку с тарелки.

— Нет, там цукини. Попробуй. Тебе понравится.

— Отныне готовь, как обычно.

Сам готовь. Придурок.

Пэкстон съел половину всей лазаньи. Мне так сильно хотелось обратить на это его внимание, но я не стала. Вместо этого я убрала со стола. Он жаловался, что объелся, ковыляя к бело-голубой беседке и падая на диван.

Я забрала у девочек два пустых стакана из-под молока, отрывая взгляд от их папы.

— Идите умойтесь, чтобы мы могли лечь отдохнуть.

— Я не устала, — убедила меня Роуэн.

— Я тоже не устала, — повторила Офелия.

— Идите, прилягте с папой. Сегодня приятная погода. Просто отдохните немного. Вам не обязательно спать.

— Идите ко мне, монстрики, — позвал игриво Пэкстон. Он немного поборолся с ними, прежде чем они улеглись. По одной с каждой стороны от него. Они говорили о фильме, и Роуэн заставила его поклясться на мизинчиках, что он посмотрит его с ней. Офелия зевнула и через несколько минут провалилась в ненужный ей сон. К тому времени, как я все унесла и убрала кухню, Офелия уже спала, а Роуэн погрузилась в объяснения фильма, рассказывая в деталях, почему Анна должна была жить в ледяном доме.

Я не спросила разрешения пойти на пляж. Просто сказала, даже не смотря на него.

— Пойду, пройдуся по пляжу, — выпалила я.

Роуэн попыталась слезть с дивана, но отец остановил ее.

— Я тоже хочу пойти, папочка.

— Нет, ты останешься. Маме нужно время подумать кое о чем. Ей многое нужно вспомнить и очень быстро.

На этом я и ушла. Внимание Роуэн переключилось с принцессы Анны на фильм, который не стоило разрешать ей смотреть. Но я смотрела его вместе с ней. Это был милый фильм без ненормативной лексики или обнаженки, и все же у него был рейтинг PG-13. Уверена, я еще услышу об этом от Пэкстона.

Из-за дурацкого аппарата на ноге, казалось, что я шла по зыбучим пескам, вместо пляжа. Как только я вышла из зоны видимости Пэкстона, я сняла его и насладилась прикосновением теплого песка к ногам. Воздух был прохладным с легким ветерком, солнце грело лицо. Чувство благополучия охватило меня вместе с легким бризом, но я не могла разобраться в своих эмоциях. Мои чувства меня предали, и я не знала, чего ожидать. Я шагала по пляжу по щиколотку в воде, стараясь разобраться во всем. Или хотя бы в чем-то.

Одно я знала точно. Чувства Пэкстона тоже его предали. Я видела сопротивление в его взгляде. Чувствовала в его прикосновениях. В его поцелуях и том, как мы оба с этим боролись. Он мне даже не нравился. Почему? *Пфф, все должны влюбляться, когда ничего не помнят.*

Я оглянулась на дома вдаль, пристань впереди меня и бесконечный океан. Сила воды казалась знакомой, но ничего больше. Я больше ничего не помнила, но меня влекло к скалам. В том направлении я и пошла, надеясь найти что-то, во что поверю. Между валунами зигзагом протекала морская вода, и я пошла по этому лабиринту. Заметная смена температуры охлаждала мою кожу, пока я не забралась на средний камень, наиболее безопасный.

Солнце уже полностью поднялось, согревая мое лицо с чистого голубого неба. Я вдохнула восхитительный запах океана и закрыла глаза, впитывая его, чувствуя в воздухе соль и слушая эхо криков чаек над головой.

— Я знал, что ты найдешь сюда дорогу, — раздался знакомый голос позади меня.

Мое расслабленное тело напряглось, когда меня вырвали из медитативного состояния.

— Оу, привет, эм... Лейн.

— Да, Лейн.

— Да, муж Кэндес. Как ты? — спросила я. Адреналин выстрелил мне в кровеносную систему, вот только я не знала почему.

Лейн засмеялся.

— Ага, муж Кэндес.

— Очевидно, что ты хочешь, чтобы я вспомнила что-то, чего не помню. Прости. Не понимаю, где между нами связь.

— Конечно, не помнишь, и это хреново. Мы были близки, Гэбби. Очень близки.

— Насколько?

— Это имеет значение? Как дела? Ты в порядке?

— Какие дела? Почему бы мне быть не в порядке?

— Забудь. Ты знаешь, где я живу, если понадобится. Хорошего вечера, Гэбби, — произнес грустно Лейн, щурясь от солнца. Он кивнул на прощание и побежал прочь.

У меня не было слов. Что все это значило? *Я была близка? Близка к чему?* Почесав голову, я посмотрела поверх камней вслед Лейну, продолжавшему пробежку. Сбитая с толку, как никогда раньше, я выдохнула, раздраженная всей этой ситуацией. Одно дело иметь травму головы и не помнить, кто ты есть. Другое дело, когда ты не можешь получить ответы на простые вопросы. Иногда мне казалось, что все намеренно хотели скрыть от меня что-то. Порой я была уверена, что меня оберегали. Вот только от чего?

* * *

Когда я вернулась, Пэкстон с девочками ел на кухне мороженое. Наши взгляды встретились, и мы сразу попытались отвести глаза в сторону, так, чтобы другой не заметил. Не вышло. Наши взгляды словно тянуло друг к другу. У меня не было над этим контроля. Мне даже не хотелось, чтобы он мне нравился.

— Я хотела пойти с тобой, — заныла, надувшись, Офелия.

— Мы погуляем завтра. Может устроим пикник на пляже. Я нашла крутые камни, где вы можете полазить.

Офелия и Роуэн захихикали.

Пэкстон раздраженно закатил глаза.

— Ты все время туда ходишь. Девочкам не разрешено лазить по тем валунам.

Я нахмурилась, задаваясь вопросом «почему». Детям там было бы весело. Явно мы занимались этим за его спиной. Я промолчала. Неважно,

что я думала. Пэкстон был боссом. Пэкстон был королем своего замка.

— Я пойду в душ. Заканчивайте и тоже идите мыться, девочки, — сказала я, целуя каждую в голову.

Пэкстон пошел за мной, останавливаясь за дверью.

— Тебе сначала нужно спросить разрешения у меня.

— Спросить что? — сказала я, стреляя в него взглядом. Ах. Я даже это сказала соблазнительным тоном. *Что за черт?*

— Можешь ли ты принять душ.

— Я не собираюсь этого делать, Пэкстон.

— Тогда я отшлепаю тебя.

— Кошмар, — сказала я саркастично и ушла. Ага, я подлила масла в огонь и не знала зачем. Я была им одержима. Это единственное объяснение.

Не нужно говорить, что я так и не нашла, что писала раньше. Ни единой подсказки. Пэкстон работал в офисе, а девочки смотрели фильм Диснея и разрисовывали принцесс. Я видела Пэкстона за столом слева от меня, дверь в его офис была открыта.

— Эта мама мне нравится больше, — сказала Роуэн как ни в чем ни бывало, даже не поднимая взгляд от раскраски.

Конечно же я тут же посмотрела на Пэкстона. Ага. Он это слышал.

— Да? Что ты имеешь в виду? — спросила я тем же беззаботным тоном, что и она, стараясь не придавать этому большого значения.

— Ты раньше никогда с нами не раскрашивала.

— Правда?

— Не-а. Да, Фи?

— Нет, и не будила нас мистером Акулой, — добавила Офелия. Она тоже не подняла взгляд от своей странички на кофейном столике. Зеленый карандаш сильно выходил за линии.

— Это свинка, — сказала я, изогнув брови.

— Но его зовут мистер Акула, — объяснила она уверенно. Словно мне должно быть известно это.

— Ох, поняла.

— Пора спать, солнышки, — выкрикнул Пэкстон из офиса. Он встал, чтобы уложить их, но они начали жаловаться. Им нужно было закончить свои картинки.

— Пойдемте. Кэндес принесла вам новую книгу, — сказала я, переманивая их новым развлечением.

— Это не новая книга, — сказал Пэкстон самодовольно, словно ему доставляло удовольствие ставить меня на место. Я этого не знала. Она

ничего не сказала. Просто дала ее мне и сказала, что ей пора.

— Хорошо? — ответила я с вопросительным тоном. Я не могла читать его мысли. Боже.

— Это их книга из книжного клуба. Твоя задача заказывать их. Ты должна развозить их вечером по воскресеньям. Ну, знаешь. Ты единственная мать в районе, которая не работает, — сказал он с умным видом. Будто моя работа в качестве его жены была менее тяжелой, чем его ландшафтный бизнес. Мне должны платить по тысяче баксов за день смирения с его нарциссской задницей.

— Потом у меня, Фи, Коллина и Шанс кружок, где мы едим пирожные, — объяснила Роуэн.

— Они в местном книжном клубе? Почему?

— Собери карандаши, Роуэн. Пора спать, — сказал Пэкстон, с раздражением посмотрев на меня. — Потому что они дети. Им нужна стимуляция.

— Мне тоже, но не двадцать четыре часа семь дней в неделю.

— Х.В.А.Т.И.Т.

Он этого не произнес, но я прочла его громко и ясно. Каждую букву, которую он показал мне губами.

— Прости, но я не думаю, что вся эта стимуляция необходима. Пойдемте, Клайды.

— Клайды? Что это такое? Знаешь что? Неважно. Забудь. Мне плевать. Давай, Фи, то есть Офелия. Уберись.

— Сначала папа, потом ты, — объяснила она мне. Я могла лишь догадываться, что она имела в виду. Каждую ночь, что я была здесь, он укладывал их спать, и только потом приходила я.

— А давайте, пойдем почитаем в одной из кроватей, — противилась я.

— Ну, мы так не делаем. Ты должна сначала почитать мне, потому что сейчас моя очередь, — сказала Роуэн, ее серьезное выражение лица соответствовало тону объяснения. Точная копия своего отца. Роуэн, без сомнения, вырастет лидером.

— Но это глупо. Я буду читать один раз. Если сегодня твоя очередь, Фи может залезть к тебе в кровать. А теперь шевелитесь, — приказала я, подходя к кофейному столику и помогая Офелии собрать карандаши в коробку. Обе девочки весело поднялись и побежали вприпрыжку прочь.

Пэкстон схватил меня за кофту, прежде чем я успела сбежать. Он крикнул им чистить зубы, грубо притягивая меня к своему телу.

— Что, блядь, мне с тобой делать? Перестань. У тебя нет права голоса в этом доме. Стоит помнить это, Габриэлла. Молю тебя всем, что есть.

Отступи.

— Почему, Пэкстон? Тебе не хочется, чтобы я раскрашивала Белоснежку с девочками? Что я обычно делала в это время?

Как только его губы коснулись моей шеи, мои глаза автоматически закрылись. Теплые слова коснулись моей кожи, и эмоции, которые я не понимала, охватили меня.

— Сегодня вечер воскресенья. Ты подметаешь и моешь кухню вечером по воскресеньям. Закидываешь стирку и убираешься, пока девочки не идут спать. И ты читаешь книгу недели каждой из девочек. Это твоя обязанность.

— Ты понятия не имеешь, что это значит. — С этими словами я совладала с эмоциями и ушла. Я не ждала, пока Пэкстон поцелует их на ночь. Просто залезла к ним в постель, расположившись посередине и прижимая их к себе. Из того, что я успела узнать, было ясно, что у меня было много обязанностей. Почему? Почему я не раскрашивала с ними? Мне всегда это нравилось. Как и все остальное, я знала это, как факт. Почему? Кто знает? Просто знала.

Глава 13

С путаницей в голове о том, кем я была, откуда и что мне делать дальше, я включила планшет.

Стихотворение подходило под мое настроение. Замешательство, представленное штормом. Темные тучи и вихревой ветер сплелись в хаос.

— Зачем ты мне это сказала?

Мои глаза обратились к Пэкстону, чьи руки были скрещены на груди, а на лице было строгое выражение. Опустив планшет, я смотрела на него полузакрытыми глазами.

Я знала, о чем он говорил, но притворилась в обратном.

— Сказала что?

— Кто причинил тебе вред, Габриэлла? Кто с тобой это сделал?

Я улыбнулась ему, но не грустно. Скорее удивленно. Ничего себе! У Пэкстона Пирса было слабое место.

— Род и Динк. Не знаю, мне было десять. Это все, что я помню.

— Но ты уверена? Знаешь, что это произошло? Может, ты ошибаешься.

— Может, но не думаю. Воспоминание было слишком реальным. Эмоциональным.

Я следила за его взглядом, изучающим меня. Кровать прогнулась, когда он сел на угол, запустив пальцы в волосы.

— Я все думаю о девочках. Я бы любого убил ради них. Где была твоя мать, отец, те, кто должен был защитить тебя, Габриэлла? — спросил он чересчур взволнованно. Вау. Это его действительно волновало.

— Почему ты ничего не знаешь обо мне?

— Я никогда не спрашивал. Я не хочу тебя знать, но ты все продолжаешь рассказывать.

— Но почему? Ты такой грубый со мной.

— Я не грубый.

Я фыркнула на это.

— Грубый.

— Раньше ты так не считала. Ты выполняла все. Абсолютно все, о чем мы договорились. Ты выполняла.

— О чем мы договорились? Я была такой глупой?

— Отчаянной, — произнес Пэкстон тихо. Он звучал грустно, словно его поглотили вещи, думать о которых он не хотел. По крайней мере, так

казалось.

— Не понимаю, что это значит.

Теперь я этого не понимала. Не понимала Пэкстона и не понимала, что за дерьмо произошло с ним. Пэкстон не объяснил мне значение этого. Он убрал мой планшет и навис надо мной.

Я ждала, когда он заговорит, скажет хотя бы что-то, пока он смотрел на меня с собственным отчаянием, светящимся у него в глазах. Встреча наших губ — единственный ответ, который я получила от него. Конечно, это сбило меня с толку еще больше. Его поцелуй был эмоциональным, и я знала, что он боролся со своими демонами. Демонами, пытающимися пробиться ко мне. Которые хотели, чтобы я вспомнила. Демонами, о которых, он хотел, чтобы я забыла.

Пэкстон все еще был Пэкстоном. Даже с новым ощущением замешательства ему все еще нужен был контроль. Контроль над чем-то, что не требовало большого упорства.

— Мне нужно отшлепать тебя, Габриэлла, — произнес он отчаянным голосом, стараясь бороться с ним. Но проиграл.

— Почему? — спросила я, когда его язык нырнул мне в рот.

Еще одна серия поцелуев, и он ответил:

— Это то, что мы делаем. Ты была плохой.

— Мне двадцать пять, — заявила я, задыхаясь, толкаясь бедрами навстречу его эрекции, скрытой за баскетбольными шортами.

— Мне нужно, чтобы ты слушалась меня, Габриэлла. Делай, как я говорю. Пожалуйста, — он умолял меня, желая склонить к сотрудничеству. Отчаяние его фразы подходило к напряженному выражению его лица.

Я смотрела в глаза другого мужчины. Что-то определенно изменилось.

— Хорошо.

— Хватит говорить.

— Почему? Почему ты постоянно хочешь, чтобы я молчала, когда мы наедине?

Пэкстон ответил, приложив палец к губам и нахмурившись. Предупреждение, чтобы я остановилась.

— Иди сюда. Ляг мне на колени.

Сердце забило быстрее, когда дофамин наполнил мои вены. Легкое покалывание, которое я почувствовала между ног несколько мгновений назад, превратилось в неистовую пульсацию. Даже несмотря на то, что Пэкстон заставлял меня чувствовать себя ниже, я немногохватила через край. Поднявшись на колени, я позволила своим пальцам заскользить по его затылку, и встретила своими губами с его. Он был слегка шокирован,

это было видно. Мой язык вторгся ему в рот, танцуя с его, пока его руки изучали мои ноги. Я застонала и остановилась, выполняя то, что мне было велено. Легла ему на колени и приняла свое наказание.

Понятия не имею, почему мне казалось это эротичным, адреналиновым, чувствительным, но это было так. Пэкстон застыл на мгновение. Даже не дышал. Я лежала у него на коленях и ждала со сверхчувствительным клитором и колотящимся сердцем.

Одним пальцем он провел по задней стороне моей ноги, останавливаясь у полосочки ткани между ног. Слегка потянув, он прижал кружево к дырочке в моей попе. Вот тогда я и услышала его дыхание. Медленное и сконцентрированное.

— Ты не можешь делать этого, Габриэлла. Не можешь менять правила. Так все устроено. Так было всегда. Должно быть, — объяснил он, поглаживая мою попку. Я не ответила, но не потому что боялась его. Нет. Даже когда старалась, не получалось. Не совсем. Я не боялась того, что он причинит мне боль. По крайней мере, не физически.

Все мое тело отреагировало на первый контакт его руки с моей правой ягодицей. Пэкстон потер кожу, чтобы уменьшить боль, но только для того, чтобы повторить все заново. Такой же быстрый удар, но в этот раз со слабым стоном. Мои глаза крепко зажмурились, и я сжала мягкое, белое одеяло обеими руками.

У меня перехватило дух после третьего удара. Думала, он закончил, что порка ограничится тремя ударами. Пэкстон стянул мои трусики вниз, не спеша вынимая ткань из щели моей попки. И когда я была готова вздохнуть, его пальцы скользнули мне между ног. Я не могла дышать. Каждый нерв в моем теле был раскален до предела. Пьянящие чувства наполняли меня.

— Господи. Почему ты такая мокрая?

— Из-за тебя.

— Тшш, — шикнул он одновременно с неожиданным ударом по левой ягодице. Я снова застонала. Его палец, входящий и выходящий из меня, вместе с внезапным шлепком лишь усиливали мои эмоции. Я была неистовой шлюхой. Несомненно. Я хотела все и вся, что мог дать мне Пэкстон. Я бы приняла все.

И приняла. Семь, казалось, было волшебным числом. Растерев боль, Пэкстон приказал мне двигаться.

— Встань на колени, — сказал он страстным, низким тоном. Я тут же его узнала. Пэкстон сражался за победу в битве, в которой ему не суждено было победить, и я это знала.

Я повиновалась, но на своих условиях. С трусиками вокруг лодыжек, я послушалась. Повернулась и встала на колени к нему лицом, задрав попку кверху.

— Не на кровать. Встань коленями на пол.

— Нет, встань на колени сзади меня, — парировала я.

— Черт возьми, Габриэлла. Перестань.

— Встань сзади меня, Пэкстон, — подначила я, скользя пальцем по мокрым складочкам. Я почувствовала, как прогибается кровать, когда он зашел за меня. Затем застонала. Протяжно.

— Ммм, — мычала я, пока он входил в меня сантиметр за сантиметром. Мои эротичные звуки стали еще громче, когда он обогнул меня рукой и сжал мой пульсирующий бугорок двумя пальцами. — Да, детка. Вот так. Ммм, черт.

— Тшц, Габриэлла, — предупредил он, остановив движения бедрами.

Но мне было все равно. Я сама могла все делать, и сделала. Я качнулась назад на него к своему и его удовольствию. До упора назад и вперед.

Пэкстон простонал несколько неразборчивых слов и приказов остановиться, на самом деле не желая этого. Или мне было плевать. Или и то, и другое.

— Ты, нахрен, сводишь меня с ума, — внезапно констатировал он серьезным, пораженным голосом. *ДА!*

Пэкстон сжал мои бедра, встав на одно колено и крепко прижимая меня к себе. Не знаю, двигались ли вообще его бедра. Это скорее было похоже на содрогание. Его руки направляли мою попку навстречу его члену. За три секунды до оргазма я знала, что кончу.

Этого было не миновать.

— Ахх! — застонала я, и мое тело забилося в диких конвульсиях. Я поднялась вверх, все еще оставаясь на коленях, и запустила пальцы ему в волосы. Моя спина касалась его груди, а его руки обхватили меня. Одну руку он положил на мое влагалище, другой исследовал мое тело, время от времени останавливаясь, чтобы ущипнуть за сосок. Я развернулась и упала на спину, разражаясь посторгаженным плачем. Мои веки закрылись, разрешая ему делать со мной, что угодно. Но он не сделал то, на что я надеялась. Я хотела чего-нибудь из комода. Чего-нибудь плохого и запрещенного. Но Пэкстон опустил и вошел в меня. Его язык двигался у меня во рту под ритм движений его бедер.

Лаская меня, Пэкстон занимался со мной любовью. Он целовал меня, прижимал к себе, исследовал каждый сантиметр моего тела подушечками

своих пальцев и занимался любовью. Именно это он и делал. Он знал это, и я знала. Мы занимались любовью.

В один и тот же момент Пэкстон замер внутри меня, а мое тело затряслось. Наши стоны заглушил глубокий поцелуй, и наши тела взорвались вместе. Мое — дрожало под ним в попытках вернуться на землю. Все вокруг кружилось из-за эндорфинов, наполняющих мой разум, тело и душу. Дьявольский наркотик. Властный. Пьянящий. Страстный. Сильный. И вызывающий зависимость. Сильнейшую зависимость. Я подседа на Пэкстона.

И вот так просто он ушел. Отвел от меня свой взгляд и слез с кровати.

— Тебе лучше отдохнуть. Завтра загруженный день, — произнес он, словно не ощущал только что того же, что и я. Что только что произошло между нами?

— Да, я знаю, Джекилл, — ответила я, сев и прищурившись, бросая взглядом в его спину кинжалы. Прикрывшись простыней, я наблюдала, как он натягивает шорты.

— Я не буду делать этого. Спокойной ночи.

И он ушел.

— Делать что? — спросила я пустую комнату. Хотя, она не была больше пустой. Теперь я знала, что она была утыкана камерами. Я не была по-настоящему одна. Посмотрев на время, я решила почитать еще своих стихотворений. Они каким-то странным образом успокаивали меня. С глубоким вздохом я посмотрела на планшет и легла на кровать. Очевидно, мой день был забит делами, начиная с шести утра. Может я просто возьму его с собой и почитаю, пока дети будут заниматься... чем бы они там не занимались. Всем. Вот чем. У них было слишком много занятий.

* * *

— Мы можем сейчас остановиться? Пожалуйста. Мне нужно пописать, — прорычала Иззи с заднего сидения.

— Мы почти приехали. Потерпи, — сказала мама. Она повернулась ко мне, сидящей на переднем сидении. Ее улыбка была заразной. Я знала, что произойдет прежде, чем она сделала это. Первые ноты, раздавшиеся из динамиков, выдали ее. Она улыбалась, источая счастье, когда песня заиграла на радио. «Free bird». Ее песня. Она пела во весь голос, везя нас прямо в центр Чикаго.

Я даже не поняла, что местность изменилась, пока Иззи не хлопнула меня по плечу. Я перелезла через сидение и села возле нее, взяв

ее за руку и всматриваясь вперед. Здания были достаточно высоки, чтобы с их крыши можно было коснуться неба.

— Что мы здесь делаем? — перекричала Иззи группу Lynyrd Skynyrd.

— Что это за запах? — спросила я. Мы с Иззи сморщили носы.

— Это, мои Клайды, городской воздух, — объяснила она. Мама начала читать лекцию, как важно заботиться о земле. — Вы помните, как я говорила, что нужно заботиться о своем храме? Своем теле? С нашей планетой нужно поступать так же. Люди не уважают свои тела и жилища. Это человеческая натура — хотеть большего, иметь больше, делать больше. Вы не должны позволить этому захватить вас, девочки. Слышите?

Она всегда нас поучала так. В одиннадцать лет мы этого не понимали, но, несомненно, привыкли к этому.

— Не важно, что есть у соседа. Пусть оно у него будет. Не такой должна быть жизнь. Не это ваше предназначение здесь. Все это вам не нужно.

— А мне это нравится. Я выйду замуж и рожу двух детей. Близняшек, как мы с Иззи, чтобы им было с кем играть. Моя машина будет белой с двумя рядами задних сидений. А в моем доме будет бассейн и качели с песочницей, — мечтала я, пока мы ехали по городу, где повсюду стояли небоскребы с зеркальными окнами.

— А у меня будет дирижабль, — просто встряла Иззи.

Я видела грусть в мамином взгляде, когда она обернулась посмотреть на меня. Я ничего не могла поделать. Я действительно хотела иметь дом с бассейном и двориком. Ни за что я не буду жить то тут, то там, когда вырасту. Может быть я буду жить в Калифорнии или Оклахоме. Мы жили там у одной леди, у которой была лошадиная ферма. Мы с Иззи хотели остаться там, но мама не разрешила нам.

— Поэтому люди едят животных, понимаете? Если бы люди были счастливы тому, что они имеют, животным бы не приходилось умирать. Это жестокое удовольствие. И оно вам не нужно, Клайды. — Уверяла она нас настойчиво. — Мир бы стал лучше, если бы люди перестали желать большего. Господь дал нам то, что нам нужно, но наши эго хотят большего. Вам не нужны все эти вещи, чтобы быть счастливыми. Помните это. Вы слышите меня, Клайды? — Она не посмотрела на нас через зеркало заднего вида, поэтому никто из нас не ответил.

— Куда мы едем? — спросила Иззи одновременно со мной. Мы часто это делали. Одновременно говорили одно и то же или заканчивали друг за другом предложения.

— Помните, несколько месяцев назад мы были у Брайса? Парня с большой собакой?

— Да, его звали Плут, — сказала я, вспоминая собаку. Своей головой он доставал мне до подбородка. Мне нравился Брайс. Его палатка стояла рядом с нашей, когда мы останавливались на пляже.

Машину охватила тишина, пока мама пыталась разобрать указания, написанные на пакетике из Макдональдса. Посмотрев друг на друга, мы с Иззи поняли, что каждая из нас думала об этом месте. Ей это тоже казалось неправильным. Я видела это на ее лице.

Мы припарковались посреди улицы в каких-то трущобах и поднялись на четвёртый этаж здания. Лифт был сломан, и мы обе начали нить после первого же пролёта.

Чувство, которое зародилось у нас с Иззи в машине, не покидало нас до самого вечера. В основном мы смотрели Nickelodeon на замусоленном матрасе, брошенном в углу комнаты. Мама с Брайсом и двумя другими парнями курила травку и пила из одной бутылки.

Каждая из нас получила по кусочку пиццы, прежде чем лечь спать на грязных матрасах. Мама поцеловала нас на ночь, обещая первым же делом с утра уехать отсюда.

Она знала, что это плохое место, и чувствовала вину за то, что привезла нас сюда, но все равно это делала. Из раза в раз. Если где-то были мужчины, наркотики или алкоголь она была в том месте. Особенно если все это было бесплатно. Не то чтобы они были действительно бесплатными, особенно не той ночью.

Мы с Иззи никогда не говорили об этом, но знали, что происходило в соседней комнате. Мы знали, что наша мама не просто спала в одной комнате с тремя парнями. Это был не первый раз, и не был бы последним.

— Ненавижу, когда она это делает, — прошептала Иззи, когда мы притворялись спящими. Брайс поднял иглу в воздух, и мама протянула ему руку. Её голова мгновенно откинулась назад, и она глубоко вдохнула.

— Черт, да, — выкрикнула она.

— Всё хорошо, Гэбби. Утром мы уедем. Она так сказала. Она пообещала. — Иззи держала меня за руку, а я держала её, и мы не сводили глаз с нашей мамы. Через 10 минут все трое парней уже трогали её. Она им позволяла. Она даже целовала их в губы с открытыми ртами и тому подобным.

Один из парней запустил руку ей в штаны, и она застонала, но лишь на секунду. Она заставила его остановиться, но лишь для того, чтобы уйти с ними в спальню. Прочь от Иззи и меня.

Я закрыла глаза и попыталась не слышать всего этого шума. Попыталась не концентрироваться на том, что происходило за соседней дверью. О чем знала я. О чём знала Иззи. Это не было нашим первым разом, но будет нашим последним.

Один из парней начал кричать, и мы поняли, что кричит он на маму.

— Какого хера ты делаешь? Иди сюда!

— Чувак, трахни ее на окне, — сказал другой. Это был Брайс.

— Йоу, ребята идите сюда, — произнёс худощавый парень в дверях. — Ваша мама сошла с ума, не выносит своей наркоты.

Мы обе встали и подошли ближе к мужчине, застегивающему ширинку.

— Мама! Что ты делаешь? Остановись. Ты пугаешь нас, — завопила Иззи, подбегая к пожарной лестнице за окном.

Я не пошла к ней. Осталась стоять на месте, смотря, как обнаженная мама балансирует на металлическом поручне. Сердце колотилось в груди, а слёзы застилали глаза.

— Мама! Иди сюда. Пожалуйста! — молила Иззи.

— Все хорошо, детка. Все хорошо, Клайды. Это не конец. Там нечто большее. Это всего лишь пустяк, опыт человеческого тела.

— Мама, пожалуйста, — молила Иззи, слёзы ручьем текли по её лицу. Брайс остановил её, когда она тоже хотела выбраться. Я все ещё не двигалась. Не могла. Ноги словно приросли к полу, пока я наблюдала за мамой, раскинувшей руки в стороны, балансирующей на тонкой планке. Голая, как сокол, и с проблемами в голове.

Остальное, словно татуировка, выжглось у меня в мозгу. Первой была ее правая нога, и на долю секунды я подумала, что она передумала. Она упала, зацепившись ногой за железку. Руками она ухватилась за край, но не стала держаться. Она отпустила. Ее пальцы выпрямились, словно она сделала это нарочно, и она упала. Упала. Упала.

* * *

Я подскочила в кровати, сердце грозило вырваться из груди. Адреналин яростно наполнял мои вены. Во рту абсолютно пересохло, и я чувствовала холодный пот, покрывающий все моё тело. Глубокие вдохи помогли успокоить паническую атаку.

Часы показывали четыре утра, но я знала, что ни за что не лягу снова спать. Не сейчас. Возможно никогда. Встав, я надела халат. Зашла в ванну и брызнула водой на лицо, стараясь успокоить нервы. Это было так реально.

Словно произошло прямо здесь. Все реакции, чувства, видения, они были такими реальными. Такими эмоциональными.

Я вышла на патио, но не получила того, в чем нуждалась, от океана. Я совершенно не чувствовала безопасности. Ни капли. Океан был огромный, властный, тёмный и полный эмоций. Как и я. Я особо не думала о своих действиях. Просто сделала. Вошла обратно в дом и поднялась по лестнице. Мои пальцы поднялись, чтобы постучать в дверь, но я остановилась. Вместо этого я повернула дверную ручку.

— Пэкс, — прошептала я.

— Что? Что случилось?

— Мне приснился плохой сон, — прошептала я снова, подходя ближе к его кровати.

— Ты, блядь, шутишь? Скажи, что ты шутишь.

— Нет. Можно к тебе?

— Нет, Габриэлла. Мы этого не делаем. И перестань звать меня Пэксом. Я не собираюсь повторять этого снова, — уверил он меня. Но он это сделает, потому что я снова забуду или мне будет всё равно.

— Пожалуйста, — взмолилась я тихим отчаянным голосом.

— Боже мой. Залезай. — Пэкстон поднял одеяло, и мой халат упал на пол. Я залезла в кровать и прижалась спиной к его груди. Не давая ему выбора, я обернула его руку вокруг себя. По какой-то причине я почувствовала себя в безопасности. В безопасности в объятиях мужчины, который не звал меня туда. Но мне было все равно. Я не хотела быть больше нигде.

— О чем был твой сон? — спросил Пэкстон мне в волосы.

— О моей маме. Что ты о ней знаешь?

— Ничего. Ты сказала, что росла в приемной семье с одиннадцати лет. Я думал, она умерла, но ты никогда мне не рассказывала как.

— Потому что ты не хотел узнать, да?

— Да, именно. Меня лишь волновало то, чтобы ты была на сто процентов моя. Вот и всё.

— Что ты имеешь в виду?

— Я не хотел, чтобы семья вставала на моем пути.

— На пути к моему контролю?

— Ты подписалась на это. Ты хотела этого. Знала, что это такое. Это не моя вина, что ты всё забыла.

— Хорошо. — Таков был мой простой ответ. В тот момент я не хотела спорить. Я лишь хотела чувство безопасности. Вот и всё. Чувствовать, что хоть где-то было моё место. И как бы это ни было неправильно, это «где-

то» было в объятиях Пэкстона.

— Хорошо, ты будешь делать то, что тебе велено?

— Да, я постараюсь.

Глава 14

— Габриэлла, просыпайся, — услышала я у себя над ухом и почувствовала, как ущипнули мой сосок. Я оттолкнула руку Пэкстона и попыталась перевернуться.

— Не-а. Просыпайся. У меня для тебя кое-что есть.

Толчок в мою попу был явным признаком. Я знала, чего он хотел от меня. Я пробормотала что-то о нужде сна, но всё без толку.

— Давай же. Иди сюда и разбуди меня.

— Куда?

— Сюда. — Он направил меня, положив руку мне на голову. С его помощью я подняла её и переместила ему между ног. Никогда больше не приду к нему после кошмара. *Придурок.*

Так началось моё утро. Я сделала Пэкстону минет, в надежде за свое послушание получить награду. Он просто расслабленно лежал, держа руки на моей голове и закрыв глаза. Время от времени он стонал или насаживал мою голову к себе на член, но в основном он просто лежал и позволял мне выполнять работу. Я поняла, что моей очереди не будет, когда он приказал мне перевернуться.

Я легла на спину, лицом вверх, и он навис надо мной, встав на четвереньки. Потоки эндорфина направились прямо к моим пульсирующим гениталиям, я едва поспела за Пэкстоном, ворвавшимся в мой рот.

Он усиленно толкался в меня, играя со мной, пока не остановился и не содрогнулся надо мной, оставляя следы своего оргазма у меня во рту. И вот так все закончилось. Ни черта меня не наградили. Даже близко.

— Я буду бекон с яйцами, — сказал он, выскальзывая из моего рта и направляясь в ванну. *Ублюдок.*

Я села и посмотрела на закрытую дверь ванной с тяжёлым вздохом. Пульсация между моих ног успокоилась, пока я осматривала комнату Пэкстона. У него был вкус, или у меня. Мне нравились голубые полоски за кроватью. Серебряные акценты в жемчужно-белой мебели. Я подошла к его балкону и открыла дверь, вдыхая свежий воздух. Океан все ещё выглядел властным, но более красивым, не таким, как предыдущей ночью. Он совершенно не казался мрачным. Даже когда я посмотрела на несколько миль вдаль, где голубой и зеленый цвета сталкивались с черным. Вид был ещё лучше, чем из моей комнаты. Несколько метров в высоту всё

меняли.

Я улыбнулась, увидев стул Пэкстона, повернутый лицом к тому, в котором я все время сидела на первом этаже. Ни за что бы я его не заметила здесь, наблюдающего за мной, пока наслаждалась всем этим. Широким морем, солнцем, целующим океан, или яркой луной, нависшей над ним.

Я зевнула, услышав звуки душа, и вернулась обратно внутрь. Он будет ожидать свой завтрак и кофе уже через 15 минут.

Пока спускалась по лестнице тёмного дома, я всё продолжала зевать. Заглянув сначала к Роуэн, я поняла, что не было нужды проверять Офелию. Она свернулась калачиком рядом со своей сестрой.

Я щелкнула на кухне свет и первым делом включила кофеварку. Два цуккини привлекли мой взгляд, когда я включала радио. «Мне нужно их использовать», — подумала я, переключая радиостанцию. Кто вообще хотел слушать депрессивные новости в 6 часов утра?

Я накрыла столик на улице, поставив повидло и две тарелки, налила нам кофе. Все было на месте за исключением Пэкстона. Я пошла за ним и наткнулась на него, выходящего из офиса. Мои руки уперлись в его сильную грудную клетку, а он схватил меня за предплечья.

— Смотри, блядь, куда идешь, — рявкнул он, нахмутив брови, глядя на меня.

Я сделала то, чему меня учила мама лет с двух, наверно. Я шокировала его своей добротой. Одним быстрым поцелуем, стоя на носочках.

— Я только отсосала тебе в шесть утра. Кажется, я заслужила хотя бы пожелание доброго утра.

— Ты отсосала мне, потому что это именно то, что ты должна делать. Я не слышу запаха бекона, — парировал он более мягким тоном, отталкивая меня в сторону.

Я отвела Пэкстона на веранду, где накрыла стол. Мне нравилось завтракать там. Атмосфера была мирной.

— Тебе не нужен весь этот жир. Сегодня будет жарко. Поешь что-то более питательное. Тебе понадобится энергия.

— Ты говорила, что будешь слушаться. Это не послушание, — пожаловался Пэкстон, выходя на патио. — Маффины? Серьезно?

— Маффины из цуккини. Попробуй.

— Я не собираюсь есть цуккини на завтрак. Остановлюсь где-то по пути на работу.

— Ох, сядь уже и ешь. Я бы не жаловалась на твоём месте. Особенно не тогда, когда для тебя готовят.

Пэкстон отодвинул стул и, возмущаясь, сел.

— Это...

— Да, Пэкстон, я знаю. Это моя работа. Я на это согласилась. Я хочу увидеть контракт. Уверена, там есть оговорки или лазейки.

— Нет там ничего. У тебя есть я. Это все, что тебе нужно. Я говорю тебе, что делать, ты это делаешь. Так это работает. Так мы живем.

— Так живешь ты. Мне кажется, у меня ни в чем нет права голоса.

— Раньше у тебя не было с этим проблем, до того как ты забыла, кем являешься. Если ты разыгрываешь меня, чтобы тебе сошло с рук это поведение, я узнаю. Уж поверь мне, когда я говорю тебе это. Ты пожалеешь, — пригрозил он, переводя взгляд на только что откушенный маффин. Ему понравилось. Есть!

Я отмахнулась от любого выдуманного им наказания, закатив глаза и сделав глоток кофе.

— Ты действительно веришь в это, Пэкстон? Действительно думаешь, что я притворяюсь?

— Чертовски надеюсь, что нет.

— Будь уверен. К какому времени мне ожидать тебя дома?

— Я буду поздно, это точно. Этим утром начинаю новый проект. Просто оставь мою порцию и разогреешь ее, когда я приду. У тебя все под контролем с девочками сегодня, да? Знаешь, что у них запланировано?

— Да, я справлюсь с девочками.

— А покупки?

— Да, Пэкстон. Все хорошо.

— Что это за хрень? — сказал он внезапно, указывая большим пальцем через плечо на дом.

— Что?

— Почему не новости?

— А что с этим не так? — спросила я.

— Майли Сайрус? Забудь. Мне пора. Я позвоню позже, проверю, как у вас дела.

Пэкстон встал, взял еще один маффин и ушел, допивая кофе. Я прибралась и подождала, пока уедет его внедорожник, прежде чем растянуться на диванчике, позволяя шуму океана проникнуть мне в мозг. Вдали летали чайки, а солнце озаряло утро мягким светом.

* * *

— Где моя сестра? Вы сказали, что она будет здесь, — пожаловалась

я. Я сидела на краю стула, уставившись в пол, и ждала ее.

Уже знакомая мне женщина склонилась передо мной на одно колено.

— Она придет. Мне нужно кое-что обсудить с тобой, милая.

Я перевела взгляд с двери на Шерри.

— Что?

— У меня есть хорошие и плохие новости.

— Какие? — снова спросила я. Мне было все равно, в каком порядке она мне их расскажет. Если хорошей новостью было то, что мы с Иззи снова будем вместе, это само главное.

— Я нашла постоянный дом для каждой из вас.

Даже я слышала отчаяние в своем голосе.

— Вместе?

Шерри наклонилась ближе и взяла меня за руки, ее лицо охватила грусть. Рыдания родились у меня в горле быстрее, чем она произнесла хотя бы слово. Я не буду с ней.

— Прости, я честно старалась. Если бы вы только могли вспомнить какого-то члена семьи. Кого угодно, кто мог бы взять вас обеих. Тяжело найти место, где примут одного одиннадцатилетнего ребенка, не говоря уже о двух.

— То есть, нас никто не хочет.

— Это неправда.

— Кто это?

— Их двое. Пара из Мичигана.

— Уолкерсы. Я помню их.

— Да, они приходили сюда познакомиться с вами несколько месяцев назад. Они хотят помочь, но не могут забрать обеих. Они владеют домом, куда забирают детей, которым тяжело найти дом, но есть определенные инструкции, которым нужно следовать. Они не могут взять вас обеих.

— Почему? Мы будем послушными.

— Мне жаль, милая.

Мои губы надулись, как бы сильно я не старалась контролировать их.

— Это далеко от Флориды? Мичиган? Я смогу ее видеть?

— Это далеко, но, может, Уолкерсы разрешат вам разговаривать по телефону.

— Куда отправят мою сестру? — спросила я с широко раскрытыми от страха глазами.

— Она останется здесь, во Флориде. Сейчас тестируют новую программу, и она примет в ней участие. Ее зовут миссис Портер. Эта программа помогает найти место жительства для детей старшего

возраста, их отправляют к пожилым людям. Кто нуждается в какой-либо помощи.

Я убрала от нее руки и нахмурилась.

— Она станет рабыней для старого человека?

Шерри выпрямилась и объяснила ситуацию.

— Нет. Нет, все не так, милая. Миссис Портер хорошо справляется сама. Но она одинока. Это пойдет ей на пользу. Им обеим.

— Я могу с ней встретиться?

— С миссис Портер?

— Да, я хочу познакомиться с ней.

Шерри оглянулась и сделала глубокий вдох.

— Хорошо, думаю, это можно устроить. Подожди здесь.

Я слезла со стула и пошла за Шерри, останавливаясь у двери. Выглянув за нее, я увидела справа Уолкерсов. Это была относительно молодая пара, и они казались милыми людьми. Было видно, что они любят друг друга. Но не той любовью, которая была у моей мамы со всеми теми мужчинами. Эта была другая. Особенная. Мистер Уолкерс держал ее за руку, и они смеялись над чем-то в журнале.

Моя голова повернулась к ворчливой леди в другом углу. Она была огромна. Я бы сказала килограмм 180.

— Зачем мне встречаться с другим ребенком? Почему я не могу просто забрать ту, что мне приписали, и уехать домой? Из-за вас я пропущу свои сериалы. — Не думаю, что она была слишком старой. Просто большой. Поэтому и казалась старой.

— Они сестры. Кто знает, когда они снова смогут увидаться?

— Ладно, давайте.

Я рванула обратно к стулу, когда Шерри повернулась. Она не зашла в комнату, просто махнула мне, чтобы я подошла. Уолкерсы повернулись и улыбнулись мне. Я не могла вспомнить имя жены, но его звали Трент. Она помахала мне пальцами, но я не ответила.

— Это ее сестра, — произнесла Шерри, положив руку мне на спину.

— Здравствуйте. — Меня больше интересовало, куда заберут мою близняшку, чем милая пара на другой стороне комнаты.

— Ты действительно выглядишь, как она, — сказала старая дама.

— Да, мы близнецы, — произнесла я тихо. Словно мышка. Я почистила горло и выпрямилась. Я должна была быть храброй. У меня был единственный шанс, и упустить его я не могла.

— Миссис Портер, не могли бы Вы взять нас обеих? Я буду помогать Вам с уборкой и всем остальным. Мы будем послушными. Обещаю, —

взмолилась я.

Ее голова склонилась в сторону, а сердце смягчилось. Может, дело в слезах. Не знаю, но уверена, она что-то почувствовала. Она не говорила, лишь грустно улыбнулась, и я поняла, что ответом будет нет.

— Милая, мы говорили об этом, — сказала тихо Шерри, опускаясь на колени. Я посмотрела на нее сквозь слезы, видя все расплывчато.

— Гэбби!

— Иззи!

Восторженные крики эхом отдались от стен комнаты, когда я увидела ее. Мою Клайд. Я не видела больше никого в комнате ожидания, кроме нее, и мои ноги на молниеносной скорости отнесли меня к ней. Мы обнялись и заплакали, словно не видели друг друга долгие годы. Три недели вдали от нее казались тремя годами.

— Девочки, почему бы вам не пойти в мой офис? Можете пообщаться там, пока мы поговорим по-взрослому здесь.

* * *

Моя голова дернулась, и я вскочила на ноги.

— Господи, Роу-Роу. — Слеза, которую я вытерла рукой, напомнила мне о грустном сне.

— Что случилось, мамочка? — спросила Роуэн взволнованно.

— Ты испугала меня. Который час?

— Я голодная.

— Хорошо, сейчас. Где Фи?

— Она какает.

— Ох, хорошо. Не говори так в присутствии твоего папы.

Я пошла на кухню, пытаясь проснуться. Было достаточно времени на микроволновке.

— Десять часов! Позови сестру. Нам нужно ехать. У нас гимнастика. У вас гимнастика. Грр. Ваш отец убьет меня. Офелия. Поехали, — крикнула я. Не могла поверить, что я так проспала. Пэкстон будет в ярости.

Проведя пальцем по календарю, я остановилась на гимнастике в понедельник утром. Десять утра. Они уже должны быть там.

— Иди, Роу. Одевайся. Нам пора.

— Но я голодная.

— Ах, да. Еда. Вот, съешь маффин.

— Ммм, вкусно.

— Иди, одевайся, — взмолилась я, спеша найти им одежду. Поняв, что

еще не готова к бегу, я запрыгала на одной ноге. В ближайшее время в марафонах мне не участвовать.

— Эй, я тоже хочу маффин, — заявила Офелия, как только увидела его.

— Я их все облизала.

— Роуэн, это не так. Перестань так говорить. Иди, возьми маффин, Фи, а потом — одеваться. Мы опаздываем.

— Папа будет зол, — предупредила Офелия.

— Спасибо, Эйнштейн. Иди, одевайся.

Это стало началом моего безумного дня. Мы пропустили гимнастику, я потерялась и отвезла их на урок искусства в бухте, когда мы должны были быть на уроке танца или фортепиано. Не знаю. Девочки были не лучшими помощниками. Они лишь спорили, кто был прав, а кто ошибался. Роуэн настаивала на танцах. У меня же их даже в записях не было.

— Знаете что? Давайте забудем про глупое расписание. Вот, разорвите его в клочья, — сказала я, разрывая лист пополам.

— Папа будет в бешенстве, — сказала уверенно Офелия.

— Папа переживет. Поехали домой, пообедаем и отправимся на пляж.

— Еееее! — закричали обе в унисон.

Меня не заботило, что Пэкстон разозлится. Это абсурд, с меня этого достаточно, хоть мы и не успели начать. Они могут заниматься двумя вещами. Если Пэкстону это не понравится, пусть бросает работу и сам их развозит. Я была к этому не готова. Я с горечью вспомнила свой сон. Знаю, что это был последний раз, когда я видела свою сестру, и от этого было грустно. Я скучала по ней.

Мы поехали в продуктовый, но опять я поступила по-своему. Не купила хот-доги, колбаски или свинину. На кой хрен нам это нужно? Я снова подумала о ярости Пэкстона, но мне было плевать.

Уверена, лай Пэкстона страшнее, чем его зубы. В смысле, что он мог сделать, отшлепать меня? Он даже не хватал меня за горло какое-то время. А если и сделает — пускай. Я не могла выполнять все это. Это глупо.

Роуэн и Офелия не возражали. Они были в восторге от идеи пикника на пляже. Мне нужно было выпить и немного подумать о разлуке с сестрой.

— Девочки, вы можете выбрать два занятия. Одно ты и одно ты, — сказала я, пока мы раскладывали покупки.

— Я хочу заниматься гольфом, — высказала Офелия свой единственный выбор.

— Не открывай это, Фи. Мы скоро будем обедать, — сказала я, когда

она попыталась открыть упаковку кренделей. — А ты, Роу-Роу?

— Наверное, тоже гольф.

— Нет, вы можете заниматься гольфом и чем-то еще. Ты можешь выбрать ещё одно занятие, — объяснила я ей, что не нужно выбирать то же самое, убирая две банки с супом в кладовую.

— Тебе нравится гимнастика или фортепиано, Фи?

Я прекратила разбор продуктов и посмотрела на них. Она хотела убедиться, что Фи не против ее решения. Они действительно любили друг друга. Ура.

— Я забыла о фортепиано. Мне нравится оно.

Я бросила Роуэн упаковку лапши и решила проблему.

— Вот, что я вам скажу. Мы будем заниматься тремя вещами. Гольфом, фортепиано и гимнастикой. Согласны? — Обе девочки согласились.

— Идите, наденьте свои купальники, пока я приготовлю обед, — сказала я, вытирая что-то липкое с кухонного островка. Наверное, шоколадное молоко.

Сделав глубокий вдох, я взяла свой вибрирующий телефон. Сообщение от Пэкстона.

Пэкстон: *Как дела?*

Закусив губу, я подумала над ответом. Если я скажу «хорошо», это не будет ложью. С ними все было хорошо. Вот только не по его плану.

Габриэлла: *Хорошо. А у тебя?*

Пэкстон: *Ха-ха, смешно... Как девочки? Все в порядке?*

Габриэлла: *Да. Все под контролем. Перестань волноваться. Увидимся позже.*

Пэкстон: *Ты купила мясо? Сделай жаркое на ужин. С кукурузой и пюре. И приготовь коричневый соус и что-то хлебное. Булочки.*

Габриэлла: *Какой напиток вы желаете к данному блюду?*

Пэкстон: *Я проигнорирую это. Отыграюсь на твоей попе позже. Позаботься о детях.*

Габриэлла: *Буду ждать, и, конечно, я позабочусь о них. Они и мои дети.*

— Можешь помочь? — спросила Офелия, обе ее руки были заведены назад из-за странно надетого купальника. Пришлось раздеть ее, чтобы понять, что было не так. Он был полностью перекручен.

Я играла с девочками. Мы ели свежие салаты и ореховое масло с джемом. С помощью ракушек вырыли яму и сделали ленивую речку из песка. Офелия и Роуэн стали играть с ней, используя упаковки из-под сока в качестве лодок. Мы залазили на валуны, лезть на которые нам запретил Пэкстон, и смеялись. Много. Учитывая все это, можно было сказать, что день девочки провели прекрасно. Отличный день без всего этого безумия.

Мы закончили наш день на пляже, облокотившись спинами на огромный камень, отдыхая. Девочки сидели по сторонам от меня. Прибой щекотал наши пальчики ног, а солнце светило высоко над нашими головами, пока мы любовались бесконечным океаном.

— Мне это больше нравится больше, чем танцы. Мы можем и завтра сюда прийти? — спросила Роуэн, ее зеленые глазки блестели, глядя на меня.

Я погладила ее мокрые, светлые волосы и улыбнулась.

— Посмотрим. — Я не знала, как Пэкстон отреагирует на мое неповиновение. Уверенна, не очень радостно. Он будет взбешен. Несомненно.

Роуэн рассказала мне о нашем последнем отпуске. Очевидно, мне было плохо, и я провела в отеле большую часть всего времени. Интересно, это была правда или нет? Я склонялась к тому, что это было наказание. Офелия дополняла историю, рассказывая, как они катались на канатной дороге. Пусть я и не могла вспомнить это, мне было больно. Хотелось прожить это вместе с ними.

— Давайте собираться домой, девочки. Пора убирать и готовить ужин.

— Мы можем помочь? — спросила Роуэн, взяв меня за руку, чтобы помочь подняться.

— Конечно, можете. Давайте сделаем запеканку со шпинатом.

Я пошла в сторону дома, держа Роуэн и Офелию за ручки, разговаривая о первом школьном дне Роуэн и скором дне рождении Офелии.

— Привет, красавицы.

Я подняла взгляд на Лейна, бегущего к нам в шортах и кроссовках. Мы все остановились, стоя друг напротив друга. Когда он дал пять девочкам, то улыбнулся мне.

— Что вы делаете здесь в такое время? Разве у вас нет каких-то занятий?

— Да, мы продинамили их. Променяли на пляж.

Лейн нахмурился и наклонился к моему уху.

— Гэбби, тебе стоит быть осторожнее.

— Идите вперед, девочки. Я вас догоню через минуту, — сказала я, подталкивая их вперед. Они побежали по воде, бегая за волнами или убегая от них. Я наклонилась к Лейну, нахмутив брови под стать ему.

— Почему ты говоришь это? Быть осторожнее с чем?

— Просто говорю быть осторожнее с ним. Он не такой, как ты думаешь.

— Что это значит? Ты ведь говоришь о Пэкстоне, да?

— Да. Просто хочу убедиться, что с тобой все хорошо.

— Скажи, что знаешь. Чего ты не договариваешь.

— Я знаю все, Гэбби. Знаю, что он делает с тобой. Ты все еще можешь вырваться из этого. Еще не поздно.

Я скрестила руки, нахмурившись еще сильнее. Мой взгляд переключился на девочек, сидящих на корточках в поисках чего-то, и вернулся обратно к Лейну.

— Вырваться? Слишком поздно для чего?

— Просто знай, что я здесь, если тебе что-то понадобится.

— Мы близки?

— Да. Ну, были раньше. До того, как ты забыла, кто я. Кто мы.

— Господи Боже. Ты прав. Я не хочу этого знать. Увидимся позже. — Я почесала голову и обошла его. Он остановил меня. То, как он обнял меня за талию и притянул к себе, давало понять, что мы близки. Ближе, чем должны быть.

— Я здесь, Гэбби, — сказал он хриплым голосом мне на ухо. Достаточно близко, чтобы можно было ощутить его слова на своей коже.

Я вывернулась из его рук, сбитая с толку как никогда.

— Да, я слышала. Увидимся. — Я не дала ему времени сказать еще хоть слово. Убралась оттуда, как можно скорее, позвав девочек. Я полу бежала, полу хромала.

Тем вечером я уделила больше внимания своей внешности после душа. Узкие джинсы, облегающая коричневая кофточка, подходящие по цвету сандалии с небольшим каблучком. Пробовала обуть что-то повыше, но они напугали меня. В ближайшее время я не хочу никаких сломанных костей. А может и никогда. Подумала, что, если я буду выглядеть хорошо, он не будет сильно злиться из-за всего дня. Это было лишь дело времени, пока одна из девочек не расскажет ему наши планы, или, скорее, план отменить его планы.

Я выглядела сексуально, девочки — мило в своих похожих красных сарафанчиках и с косичками. Я была готова.

— Что это? — спросил Пэкстон, нахмурившись.

— Мы красивые, — сказала Офелия, слезая со стула, и побежала к нему.

Пэкстон подхватил ее и поцеловал в щечку.

— Это точно.

— И мама тоже, — убедила его Роуэн, пока мы доставали вилки из выдвижного ящичка.

— Да, и мама тоже. — Пэкстон оценил меня со странным выражением лица и широкими шагами подошел ближе. — Помоги сестре накрыть на стол, — сказал он, опуская ее на пол.

— Как прошел день? — Я достала запеканку, перемещаясь вокруг него.

— Где мое мясо?

— Это полезнее. Тебе понравится, — сказала я, обходя его, но задевая рукой его руку. — Вот, Фи, положи ложки на стол.

— У нас на десерт шоколадный пудинг. Мы с Роу сделали его, — сказала она, хвастаясь отцу оказанной помощью. Им понравилось помогать мне, а мне нравилось иметь помощников. Даже если это приводило лишь к большому беспорядку.

Я взяла свой красный коктейль и сделала глоток, изучая замешательство на лице Пэкстона.

Он забрал бокал у меня из рук и принялся.

— Что это, нахер, такое? Ты пьешь?

— Да. Мне это нужно после сегодняшнего дня. Я и тебе сделала. Он не такой сильный. Попробуй.

— Ты не пьешь, Габриэлла.

— Теперь пью. Давай есть. — Я мертвой хваткой вцепилась в свой напиток и прошла мимо него. Ни за что он не получит этот бокал.

Пэкстон возмущался из-за еды, которую я приготовила, но не долго. Девочки помогли с этим, пустившись в объяснения, как они помогали мне приготовить это. В любом случае, было ясно, что ему понравилось. Три порции, которые я ему докладывала, были явным доказательством.

Ужин удался. Ни одна из девочек не выдала меня с изменениями их расписания. Это сделала Кэндес. Ее большой рот донес на меня. Мы все подняли глаза на нее, стучащую в стеклянную дверь со стороны бассейна. Я помахала ей войти и предложила присоединиться к ужину.

— Нет, у меня нет времени. Лейн жарит бургеры. Просто хотела навестить вас. Шанс сказала, что девочек не было на танцах утром.

— Мы бросили их, — сказала Офелия с полным ртом еды. Я бросила на нее взгляд, но Пэкстон даже не посмотрел в ее сторону. Она взяла еще

кусочек и пролила больше света на ситуацию. — Мы лазили по валунам на пляже и устроили пикник. Роуэн съела мои пикули.

— Я тебе отдала свои. Не начинай снова, — сказала я, предупреждая ее не ныть из-за съеденных Роуэн пикулей. — Я немного потерялась утром. Сдалась, и мы провели день здесь.

Кэндес улыбнулась и пошла обратно к двери.

— Рада за вас. Целый год я пыталась сказать тебе, что они слишком многим занимаются. Мне нравится эта ты.

— Лейн тоже был там, — вкинула новую информацию Роуэн.

Ноги Кэндес замерли, а выражение лица окаменело, но она не посмотрела на меня. Она смотрела на Роуэн.

— О, да? — И все. Это все, что она сказала.

— Он бегал, — объяснила Офелия, кивая головой и выручая сестру.

— Мы особо не разговаривали. Он был на пробежке, — по какой-то причине сказала я. Словно защищалась.

— Да, он работал сегодня дома. Ну ладно, увидимся позже. Просто хотела увериться, что все хорошо.

— Да, спасибо за это. Мы в порядке, — сказала я, пытаюсь прочесть ее выражение лица. Что-то было там. Но что? И почему?

Дверь закрылась за ней, и я повернулась к Пэкстону. О, боже. Он был взбешен.

— Значит, вы все сегодня пропустили? — спросил он милым тоном, к которому совершенно не подходило его выражение лица. Три линии морщин сформировались на его лбу, пока его лицо становилось малиновым.

Я сделала глоток алкоголя, прежде чем ответить.

— Да, кроме продуктового. Туда мы съездили.

— Это хорошо. Заканчивайте девочки. Вам пора купаться.

— Мы уже. Поэтому наши волосы такие красивые. Видишь? — произнесла Роуэн. Он повернула голову, чтобы он мог увидеть ее косичку, спадающую на спину. Красивый рыбий хвост. Я даже не знала, что умела такое.

— Ох, вы приняли ванну до ужина. Понятно, — сказал Пэкстон, посылая ей улыбку, но глядя на меня.

— Потому что мы будем смотреть фильм, папочка. Я выберу, — сказала Офелия, объясняя детали, которых мы не обсуждали с ее отцом.

— Хорошо, леди, идите и делайте, что запланировали. Мне еще нужно поработать. Присоединюсь к вам позже.

— Нет, — заныла она. — Я выбрала Золушку. Фильм, а не мультик.

Помнишь, папа? Ты сказал, что тоже хочешь посмотреть. Помнишь?

Сердце Пэкстона таяло у меня на глазах. Он не мог устоять перед этими девочками.

— О, да, хорошо. Позвольте мне принять душ. Поработаю, когда вы пойдете спать, — он встал и отставил стул, делая один большой глоток красной жидкости. И напиток ему тоже понравился. Это было видно. Как и мне, и я нуждалась в дополнительной порции.

— Роуэн, вычисти тарелки и поставь их в посудомойку. Фи, ты собери стаканы и приборы. Я вернусь через минуту.

— Ты будешь ссориться с папой? — заволновалась Офелия.

Я посмотрела на нее, как на безумную, нахмурившись.

— Нет, конечно, нет. Я просто поговорю с ним минутку. Мы не будем ругаться. Обещаю, — я подмигнула ей и вышла из комнаты.

Мои легкие наполнились воздухом, когда я встала на первую ступеньку. Я не сомневалась, что переступила грань, и собиралась сделать это снова. Я поднялась по ступенькам с еще одним глубоким вдохом. Глубоким вдохом храбрости.

Была не была.

Глава 15

Пэкстон был в душе, когда я вошла в ванную комнату. Я поставила свой напиток на раковину и собрала брошенную им на пол одежду. Прямо возле корзины. Его телефон и кошелек были еще в джинсах. Я положила их на поверхность и облокотилась на туалетный столик.

— Я не сделала ничего, чтобы послушаться тебя, Пэкстон, — перекричала я шум воды.

Пэкстон высунул голову из душевой, и я видела, что у него едва ли не пар из ушей шел от злости.

— Свали, нахрен, отсюда. С тобой разберусь позже.

— Нет. Перестань делать это. Я не могу так жить, Пэкстон. Не знаю никого, кто смог бы. Ты должен отдать мне право принимать решения хотя бы в чем-то. Если хочешь, чтобы это сработало, я тоже должна иметь право голоса. Не думаю, что прошу много.

Он снова высунул голову из душевой.

— Свали, нахрен, отсюда. Сейчас же, Габриэлла.

Я вздохнула и взяла свой коктейль. Он смотрел, как я допиваю его и походкой от бедра направляюсь к нему. «Убей его своей добротой», — крутилось у меня в голове. Мягкий голос. Мама.

— Я оставлю тебя, но не злись на меня. Я не сделала ничего, чтобы ты на меня злился. Прости, — сказала я, быстро поцеловав его в губы. Он ответил на поцелуй, но мгновенно отстранился, замешательство читалось в его зеленых глазах. Я ушла, качая бедрами, чтобы соблазнить его.

Девочки сделали прекрасную работу, убрав со стола, даже не поссорившись при этом. Роуэн была занята скидыванием остатков запеканки в стеклянную миску, пока Офелия аккуратно убирала столовые приборы в посудомойку. Каждый прибор в собственное отделение.

— У меня самые лучшие девочки в мире. Спасибо, Роу-Роу.

— И мне тоже. Я убрала салат. Видишь? — указала Офелия на свое доброе дело, отчаянно желая того же внимания.

— Вау! Спасибо, любимая. Ты проделала отличную работу. Вы обе. Давайте теперь найдем вам пижамки и устроимся смотреть фильм.

— Можно сделать попкорн?

Я засмеялась, когда девочки сказали одно и то же одновременно. Как делали мы с Иззи. Я не могла больше об этом думать. Эти мысли вызывали сильную головную боль. Я закинула воспоминание, или что это было,

подальше в недра своего мозга. Мой взгляд упал на Пэкстона, стоящего в дверях.

— Мы сделаем попкорн, но позже. Идите. Наденьте пижамки. Я бы надела что-то длинное или со штанишками. Тут холодно, — сказала я, наливая еще порцию коктейля и заканчивая уборку.

— Ты тоже переоденешься в пижаму? — спросила Роуэн, протягивая мне еще одну тарелку для посудомойки.

— Я найду что-нибудь. А теперь, беги, — сказала я, хлопая ее по попке. Я уже знала, что было в моем комодe с ночнушками. Ничего. Миниатюрные трусики, врезающиеся мне в попку. У меня была удобная одежда, которую можно было надеть, но я хотела остаться в джинсах и на каблуках. Мне нравилось, как Пэкстон смотрел на меня, когда я ходила. Все дело в моей попе в этих джинсах. Должно быть. Даже я сама останавливалась, проходя мимо стеклянных дверей, чтобы посмотреть на себя. Или мимо зеркала в холле. Я бы себя трахнула.

Я налила еще два бокала для Пэкстона и меня, и виноградный сок для девочек. Мое внимание привлекло жужжание на столе — мой телефон дважды провибрировал. Я подошла к нему, но Пэкстон опередил меня. Мы встретились взглядом, и он провел большим пальцем по экрану, быстро пробегая глазами по словам.

— Нет, — сказал он, прежде чем бросить телефон обратно на стол.

Я взяла его и прочитала сообщение от Кэндес, приглашающей меня на обед завтра. Ничего не ответив, решила написать ей позже. Я изучала Пэкстона, пробуящего мой напиток с гримасой на лице.

— Что это за хрень? Ты не умела готовить коктейли, и мы не пьем просто так.

— Но именно я приготовила их. Клюквенный сок, Спрайт, водка и замороженный ананасовый сок. Мне нравится делать их, да и мы не пьем каждый день. У меня был тяжелый день.

Пэкстон сделал глоток своего коктейля с резким вздохом. Я добавила ему больше алкоголя, надеясь смягчить его.

— Мы поговорим об этом позже. И не планируй за меня мой вечер, пока не обсудишь со мной. У меня нет времени для фильма. Мне нужно работать.

Я настороженно смотрела, как он приближается ко мне, не разрывая зрительного контакта. Его волосы были влажные и не расчесанные, а футболка прилипла к телу. Запах одеколона достиг меня быстрее, чем он. Пьянящий.

— Уже почти семь часов. Ты работал весь день.

— Ты выглядишь сексуально в этих джинсах. Почему ты не одевалась так раньше? И ты ненавидишь помады.

— Правда?

Я обвила руками его плечи, и он скривился, словно для меня было чем-то необычным обнимать его. Видимо, раньше я была просто роботом. Очевидно, я вообще ничего не чувствовала. Наклонив голову, я признала правду.

— Я не помню. Может ты расскажешь мне, как я одевалась раньше.

— Не так. Не сексуально. Я заставлял тебя красить губы помадой, и ты практически жила в джинсовых шортах и футболках.

— Правда? Это на меня не похоже.

— Правда. У тебя чертовские проблемы, — произнес Пэкстон теплые слова напротив моих губ. В тот момент я почувствовала что-то необычное в его прикосновении. В том, как он нежно держал обе руки у меня на ребрах, было что-то иначе. Его пальцы мягко провели дорожку вверх по моей руке к шее. Его прикосновение было особенным. В нем не было угрозы, как это было раньше. Его пальцы сжались вокруг моей шеи, а губы встретились с моими. Мое тело покрыли мурашки до кончиков пальцев на ногах. Наши рты раскрылись, и языки нашли друг друга. Отчаянные.

— Господи Иисусе, Габриэлла. Что, черт возьми, с нами случилось? — задыхаясь, выдавил Пэкстон.

Я не ответила. Вместо этого я поцеловала его глубоко и грубо. Страстно показывая ему, как сильно я желала каждого его прикосновения. Его пальцы сильнее сжались вокруг моей шеи, и он ответил на поцелуй, позволяя мягкому стону слететь с моего рта.

— Фууу, перестаньте, — сказала Офелия, распахивая нас своими ручками. Она растолкала нас и подняла руки к папе.

— Что? Тебе не нравится, когда папа целует маму? — поддразнил он, щекоча ее под ребрами. Она засмеялась и наклонилась вперед. Пэкстон притворился, что дает ей упасть на пол, но поймал в последнюю секунду.

— Ты не делал этого до ее приезда домой, — сказала Роуэн, тоже протягивая руки к папе. Пэкстон закинул Офелию на плечо и подхватил ее тоже. Они обе запищали, свисая верх ногами, пока он нес их к кинотеатру.

Я уставилась ему вслед, чувствуя тяжесть на сердце. Это единственные слова, которые могут описать мои ощущения. Тяжесть. Словно какую-то бомбу все больше и больше начиняют взрывным веществом. Рано или поздно она взорвется. Наполнится до отказа и взорвется смертельным извержением.

Глубокий вздох сорвался с моих губ, я взяла чашки девочек.

Откидывание мыслей, казалось, было моим лучшим навыком. Отстранение от них. Вот, что я делала. Единственной проблемой было то, что я никогда не возвращалась к ним. Игнорировала их. Наполняла тикающую бомбу еще больше.

— Где мой напиток? — спросил Пэкстон, забрав обе чашки у меня из рук.

Я перевела взгляд с экрана на стене на него.

— Ты имеешь в виду напиток, который тебе не нравится?

— Мне нравится, — сказал он тоном немного выше нужного.

Прочистив горло, он повторил фразу.

Я выдохнула, криво улыбнувшись, и подмигнула ему.

— Я принесу твой напиток.

И я принесла. Только добавила туда еще немного больше водки и сделала коктейль и себе. Пьяный секс казался идеальным наказанием за мое непослушание.

Как бы я не любила своих девочек, я не хотела сидеть между ними во время фильма. Хотела быть рядом с Пэкстоном. Но им это не подходило. Они хотели сидеть возле меня. По обе стороны.

Я вырвалась от них один раз, чтобы принести попкорн и повторить наши напитки, надеясь, что смогу потом сесть возле Пэкстона. Но это не сработало. Обе малышки одновременно заныли, чтобы я села возле них. Я вздохнула и заняла свое прежнее место. Пэкстон положил руку мне на шею и принялся массировать ее. Не грубо, нет. Нежно. Словно он хотел меня. Словно он хотел меня так же сильно, как и я его.

Следующий поход на кухню прикончил весь кувшин с коктейлем. И опять я долила Пэкстону еще больше алкоголя и приправила лимонным соком. Он должен был замаскировать излишек водки. Я не хотела наливать так много. А может и хотела. Пьяный Пэкстон был лучше, чем трезвый, с учетом того, что ждало меня дальше.

— Что? — спросила я, когда Пэкстон взял свой бокал, в котором на четверть был алкоголь.

— Я хочу твой.

— Тшш, папочка. Это моя любимая часть, — пожаловалась Роуэн, шикая на нас.

Я крепче сжала бокал, но Пэкстон не отстал. Он показал мне взглядом, что таким темпом содержимое бокала окажется на голове Роуэн. У меня не было выбора, кроме как отпустить его.

— Так я и думал. Пей, любимая, — произнес он самодовольно.

Я не хотела пить. Во мне уже было три порции. Не хватало только

такой крепкой смеси, чтобы прикончить меня. Я уже была пьяна. Последующие двадцать минут я пыталась отказаться от крепкого напитка. Эпичное фиаско. Каждый раз, когда Пэкстон хотел, чтобы я выпила, он шептал мне продолжать.

Время на прожекторе сообщало, что еще оставалось двадцать минут фильма. Я даже не знала, о чем он был. Со страстью, бушующей между нами с Пэкстоном, его рукой, покоящейся на моей шее, и алкоголем мне просто необходимо было, чтобы девочки пошли спать. Меня ждало наказание.

Мои губы едва коснулись его. Я повернула голову и поцеловала внутреннюю часть его кисти. Пэкстон замер на мгновение, потом встал.

— Мы сейчас вернемся. Продолжайте смотреть, — сказал он девочкам, хватая меня за руку.

Они едва слышали его. Фи сказала ему отойти, вытягивая голову, чтобы увидеть экран позади него. Принцесса вот-вот должна была сбежать после двенадцати ударов. Из-за него она пропускала лучший момент. Роуэн же даже не заметила, что он что-то сказал. Принц вот-вот потеряет любовь всей его жизни. Ужас. О чем он думал?

Пэкстон не отпускал мою руку, пока мы не вышли в коридор. Как только дверь за нами закрылась, меня толкнули к прилегающей к ней стене. Мои ноги обернулись вокруг его талии, а губы соединились с его. Мы скользили по стене. Ну, почти. Я не была в этом уверена, пока не открылась дверь.

— Счастлив? Я пьяна, — сказала я, расстегивая пуговицы. Пьяный секс в ванной, пока девочки смотрят фильм. Награда «Мама года» была мне обеспечена, но мне было плевать. Я была пьяна и возбуждена. Невероятно возбуждена.

Я встала на носочки и спустила джинсы. Пэкстон прижимал меня к двери и целовал. Везде. Его руки не отрывались от моего тела. Даже когда я наклонилась, чтобы снять джинсы с лодыжек. Схватив меня за волосы, он направил свой член мне в рот. Вот только я отвернулась. Он попытался повернуть меня назад, но я проложила дорожку поцелуев вверх по его телу, по его груди.

— Ну, нет, муженек. Ты трахнешь меня, — приказала я напротив его губ. Рукой я играла с ним, его яичками, одновременно исследуя его рот языком.

Пэкстон развернул меня, поставив мои руки на дверь. Его тело соединилось с моим, и я прижалась голой спиной к его груди. Я слышала сердцебиение у себя в ушах, пока мое тело поддавалось экстазу. Пэкстон

Пирс был моим наркотиком. Безупречный, экзотический, иступленный.

Он ударил по моей здоровой ноге, и я расставила ноги шире, открывая ему полный доступ ко всему, что он только захочет. Куда бы он ни захотел. Разгоряченный воздух застрял в моих легких, когда он провел своей твердостью по моим влажным складочкам. Пять секунд этого действия для меня будет достаточно.

Хватка на моих волосах усилилась, и горячие слова обожгли мое ухо.

— Закрой свой чертов рот. Ты так не разговариваешь, и не тебе принимать решения. Поняла?

— Нет, остановись, — запротестовала я, когда он надавил мне на вход в попу. Я сжала ягодичы, когда он не послушался. — Пэкстон, нет. Я не сделаю этого.

— Не тебе решать, но для протокола, я не собирался вставлять его туда. Не сейчас, по крайней мере.

— Можешь просто заткнуться и вставить его в меня. Девочки в соседней комнате.

— Заткнись, Габриэлла. Просто закрой свой гребаный рот. Ты не можешь указывать. Я контролирую все, — процедил он сквозь зубы, перебивая мое «заткнись» своим.

Но я не замолчала. Я стонала от боли, смешанной с удовольствием. Пэкстон нагнул меня в талии и проник в меня. Быстро и грубо.

Моя рука опустилась на волосы над его великолепным стволом.

— Пэкстон, мне больно. Я не могу пока делать это так.

Он остановился и вытащил его из меня. Я повернулась, наблюдая, как он дрочит свой член, влажный от моего возбуждения. Господи. Боже. Он такой сексуальный.

— Подойди ко мне, шлюха.

Я остановилась, как вкопанная.

— Мне это не нравится, Пэкс. Мне кажется, будто ты унижаешь меня подобными словами.

— Блядь, Габриэлла. Так и есть. Это именно то, что я делаю. Прекрати всю эту «Пэкс» хрень. Меня это достало. Достаточно уже. А теперь неси сюда свою шлюшную задницу. Сейчас же.

— Хорошо. Где вы хотите, чтобы я встала, господин?

— Вот, хорошая маленькая шлюшка. Можешь облокотиться на стойку? Так не будет больно?

Я подошла к стойке с мягкими белыми полотенцами и склонилась, не отводя взгляда от розовой розы в углу верхнего полотенца. Закрыв глаза, я сглотнула внезапное жжение в горле, когда он вошел в меня.

— Разве это важно?

Пэкстон скользил внутрь и наружу, держа руки на моих бедрах.

— Конечно, важно. Я не хочу причинить тебе боль.

— Ты только что это сделал, — сказала я тихим, безликим голосом.

Его бедра резко перестали двигаться, но затем он продолжил. Я чувствовала боль и унижение. Эмоции спутались, я не могла их разобрать. Мое сердце этого не воспринимало. Я была неправа. Чувства, которые, мне казалось, мы разделяли, были не больше фантазии. Пэкстон никогда не полюбит меня. Не так, как я того хотела.

Пьяное желание кончить сменилось чем-то другим, отправившись на задворки моего больного разума. Вернусь к этому позже. Пэкстон грубо трахал меня сзади, кряхтя и быстро толкаясь в меня. Он несколько раз потянул меня за волосы так, чтобы я смотрела на него через зеркало. Но мой взгляд не отрывался от сатиновой розы. Не поднимался.

Он был быстр. Вставив в меня глубоко сзади, он брызнул своим ядом мне на спину. Я ждала. Все еще ощущая сломленность, чувствуя, как его теплая, липкая жидкость стекает в щель моей попы. Я все еще не смотрела на него, не пошевелила ни единой мышцей, когда он надавил на мой анус. Мои глаза зажмурились, и он остановился.

— Можешь идти спать. Я останусь с девочками. — И просто так Пэкстон ушел. Я знала, что это было не предложение. Это был приказ, но мне было все равно. Я бы пошла в кровать, только чтобы избавиться от него. За десять минут до того, как его сперма оказалась на мне. Сейчас же я хотела смыть ее. Смыть его.

Хотелось бы мне сказать, что так все и осталось. Что я смогла отключить эмоции и перестать жить в мире фантазий. Но нет. Даже когда он обходился со мной, как со шлюхой, я хотела его.

Той ночью Пэкстон больше не наказывал меня, но заставил плакать. Конечно, я не позволила ему этого увидеть. Просто залезла в кровать и выключила свет, собираясь оставить этот день позади. Размышляла, включить ли планшет или нет, но не хотела подливать масла в огонь. Некоторые мои стихотворения затрагивали глубокие струны и заставляли меня чувствовать себя потерянной и одинокой.

Я повернула голову к его темному силуэту без единого слова. Он тоже молчал. Он подошел ко мне, и я перевернулась на бок. Тогда мои эмоции и взяли верх, предавая меня ради него. Я прижалась спиной к его груди, и мои глаза закрылись, когда он оставил поцелуй на моей макушке.

— Я всегда называл тебя шлюхой за закрытыми дверями, Габриэлла.

— Да-да. Знаю. И я позволяла.

— Да. Это подходило нам. Мы оба в этом нуждались. У тебя есть все, чтобы удовлетворять свои потребности, а у меня есть ты. Моя шлюха, чтобы удовлетворять мои.

Я обдумывала его слова с глубоким вздохом.

— Не знаю, подходит ли мне это сейчас, Пэкстон. Я больше не тот человек. Я не Габриэлла. — Эта фраза уколола меня в грудь, словно укусы осы. Один укол, напоминающий, что это была не ложь. По крайней мере, для меня. — Я не согласна больше на это. Я не согласна с тем, что эти девочки бегают по кружкам, как курицы, которым без причины отрубили головы. Я не согласна есть жирный бекон и курицу на кости. Я не согласна ни с чем из этого, Пэкстон. Не знаю, может нам стоит разойтись на время. Самим разобраться во всем хотя бы раз, — сказала я. В этот момент я вытерла скатившуюся по щеке слезу. Как раз вовремя.

Пэкстон развернул меня на спину и вцепился руками в шею. В этот раз стоило бояться. И я боялась.

— Да? Куда ты пойдешь, шлюха? У тебя есть деньги на жизнь? Думаешь, ты увидишь когда-нибудь снова Роуэн и Офелию? Давай, попробуй. Я уже миллион раз говорил тебе, я быстрее убью тебя. Ты меня поняла, Габриэлла?

Я кивнула в согласии, воздух застрял в моих легких. Злость в его голосе говорила мне не давить больше. Я понимала, когда нужно остановиться. Сейчас самое время.

Пэкстон ухмыльнулся и сунул пальцы мне между ног. Той ночью я стала призраком. Легла ему на колени, как хорошая маленькая шлюшка, и вынесла девять шлепков. Это был максимум, что он когда-либо давал мне за раз. Может это из-за моей реакции. Может он не ожидал, что она будет такой вялой. Я слегка напрягалась при каждом ударе, но ни разу не толкнулась бедрами навстречу его пальцам. Хотела. Хотела застонать, молить о большем, но не стала.

Меня не волновало, что меня выдавали звуки моего возбуждения. Я не хотела выдавать истинное положение дел. К черту его. Я делала все, что он велел, принимала любую неудобную позу, которую он требовал, сосала его член, когда он говорил, а затем сглотнула. Но ни разу я не дала ему знать, что мне это нравилось. Я была призраком.

— Следуй завтра правилам. Я хочу жареное мясо на ужин, — сказал Пэкстон, стряхивая свой обмякший член мне в рот.

— Да, сэр, — ответила я умно. Больше ни слова не проронилось между нами. Я даже приподняла бедра, чтобы помочь ему надеть на меня пояс верности. Мне и на это было плевать. У меня не было желания

кончать. Оно прошло, когда я сглотнула. Я знала, что это было мое наказание за непослушание, но не заботилась об этом. Не было сомнений, что уже на следующий день я снова слушаюсь его. Я не собиралась гоняться с девочками по их кружкам. Им было чем заняться и дома.

Я снова приняла душ, желая смыть его, но это не помогло. Его запах пропитал подушку, наполнял мои ноздри его ароматом. Я бросила эту подушку на пол, но и это не помогло. Он все еще был там, в моем мозгу, в моей кровати. Перевернувшись на бок, я глубоко вздохнула и закрыла глаза, молясь о покое. Я не была уверена, удастся ли мне когда-либо понять этого мужчину, и честно говоря, я не знала, было ли у меня еще это желание.

* * *

— Я хочу позвонить своей сестре. Сегодня ее день рождения. Шерри сказала, что я смогу позвонить ей сегодня, — жаловалась я мисс Портер.

Она отмахнулась от меня жестом руки.

— Отвали с дороги. Той стерве плевать на вас. Люди лгут. Люди всегда лгут. Теперь свали от телевизора.

— Я пойду туда, — пригрозила я, стукнув ногой о деревянный пол.

Мисс Портер рассмеялась.

— Удачи. Твоя милая задница не дойдет и до угла, не будучи изнасилованной где-то на аллее.

Даже в возрасте двенадцати лет я знала, что это значило, и она была права. Я сама не зайду дальше остановки школьного автобуса. Если бы не мой сосед Фелкон, я бы и туда не ходила.

Фелкон был на пять лет старше меня, но он больше не ходил в школу. Бросил ее в шестнадцать. Он присматривал за мной. Знал, что темноволосой белой девочке не стоило блуждать по этому району. Никому не стоило, особенно уязвимой двенадцатилетке, у которой не было никого, кто мог бы оповестить о ее исчезновении. Фелкон рассказал мне о мужчинах в блестящих черных машинах, заманивающих молодых девушек к себе под крышу. Таких симпатичных, как я, они не пропускали.

Этого было достаточно, чтобы удержать меня дома. Иногда я выходила посидеть на крыльце, но дальше не уходила.

Выйдя наружу, я села на последнюю ступеньку.

— Что здесь делаешь? — спросил Фелкон с соседнего крыльца. Я посмотрела налево на ряд домов, ища взглядом его лицо. Тонкая нить дыма крутилась над его головой. По трубке и запаху было ясно, что это не обычная сигарета.

— Сегодня мой день рождения и день рождения моей сестры. Они говорили, что я смогу позвонить ей. Говорили, что я смогу поговорить с ней, — сказала я, и слезы ручьем полились по моему лицу, впитывая горячий воздух Флориды. У меня болело сердце. Я так сильно скучала по ней, но ничего не могла поделать.

— Кто тебе это говорил?

— Соц. работник и мисс Портер. Уже почти четыре часа, а я все еще не слышала ее.

— Сегодня твой день рождения? И сколько тебе?

— Двенадцать. И Гэбби тоже двенадцать.

— Гэбби? Ты что несешь, девочка?

Фелкон перепрыгнул через шатающиеся перила ко мне. Вот как близко находились наши дома. Всего два прыжка.

— То есть, Иззи. Мою сестру зовут Иззи. Изабелла. Мы — близняшки.

— Где ваша мамаша?

— Умерла от наркотиков. Упала с пожарной лестницы.

— Почему ты не с сестрой?

— Они не позволили нам. Никто не хотел брать нас обеих. Она в Мичигане, они сказали, что разрешат нам поговорить. Но теперь не выполняют обещание, — произнесла я, и еще больше слез скатилось по моему лицу. Я просто хотела свою сестру. Свою вторую половинку. Никто о нас не заботился. Никого не волновало, что мы нуждались друг в друге. Я надеялась, что Фелкон поймет. Мой добрый черный сосед.

— Я могу дать тебе позвонить ей, — сказал он тихо.

Мое сердце чуть не выпрыгнуло из груди, и я выпрямилась, визжа от восторга.

— Правда?

— Конечно, могу. Но тебе придется сделать для меня кое-что в ответ. У тебя были эти, месячные? Мои братаны говорят, что как только они начинаются, девка становится женщиной.

— Эм, да, несколько месяцев назад, — ответила я, и мои щеки покраснели. О, мой Бог. Почему он спросил об этом? Я не хотела говорить с ним о крови, вытекающей из моей вагины. Боже упаси!

Не нужно говорить, что я стала собственностью Фелкона. Я делала с ним то, чем не горжусь, но я так и не поговорила с сестрой. Он все обещал, что достанет телефон, заманивая меня к себе в комнату. Фелкон контролировал меня следующие три года. Пока не добился жизни без права на условно-досрочное. Ограбление магазина техники на юге города пошло не так. Я так и не узнала всех деталей. Мисс Портер не могла

оторвать своего носа от шоу «Американский кумир», чтобы увидеть еще хотя бы что-то. Только она и ее глупые реалити-шоу.

Наверно меня это никогда особо и не волновало. Отец и два мальчика были убиты. Это все, что я знала. Жуткие детали были не нужны. Парень из их банды по имени Блейд из кожи вон лез, стараясь занять место Фелкона. Но я не дала. Держалась подальше. Ходила в школу и сразу домой. Вот и все. Друзей у меня не было, потому что единственными кандидатами были либо члены банды, либо наркоманы. Я перестала быть жизнерадостной девчушкой, полной жизни, энергии и счастья. Я с каждым днем все больше тонула в своем несчастье.

Мисс Портер была не лучше Фелкона, но она, по крайней мере, была безопасной. Всю свою жизнь без близняшки я изо всех сил пыталась ее забыть. Становилась все менее и менее общительной, осознавая всю ту ложь, что рассказывала мама. Нельзя было сбежать из реальности в лучший мир. Она всегда тебя нагонит. Стоит лишь открыть глаза. Реальность всегда там. Холодная и жестокая правда.

Глава 16

На завтрак я приготовила именно то, что попросил Пэкстон. Он проснулся под запах жирного бекона и яиц, ожидающих его на кухне. До того момента, как он вошёл на кухню, по радио играл Джастин Бибер, но потом я сразу переключила радиостанцию. По национальным новостям рассказывали о чиновнике, отвергшем лицензию на однополый брак, о смерти сына Джоя Бидена, о пропавшем семилетнем ребенке и о том, что ураган теряет свою силу у берегов в Гавайях. Также упомянули о новой драме Дональда Трампа и упадке экономики.

— Ты не поешь со мной? — спросил Пэкстон со свисающим с уголка его рта волнистым беконом. Меня воротило от одного лишь вида.

— Это не обязательно, — сказала я, повернувшись к нему спиной. Я убирала жирный беспорядок, игнорируя своего мужа и его нездоровый завтрак.

— Какого хера, Габриэлла?

Мои волосы взметнулись вверх, прежде чем упасть мне на спину, когда я нахмуренная повернулась, чтобы посмотреть на него.

— А что, Пэкстон? Разве я сидела с тобой за завтраком до того, как потеряла память?

— Нет, но с тех пор это происходило каждый день. Сядь.

Если это был его вежливый способ сказать мне, что ему нравилось завтракать вместе со мной, он облажался. Тем не менее, я налила себе кофе и села, держа в руках маффины из отрубей и клюквы. Не произнося ни слова, я отщипнула кусочек и положила его себе в рот.

— Что с тобой и этой здоровой фигней? Мы не едим маффины. Мы едим нормальную еду. Типа этой, — произнёс он, переводя взгляд на тарелку с пропитанным соусом хлебом.

— Можешь питаться подобным образом. Я же не собираюсь.

— Раньше ты это ела.

Я опять погорячилась, но на этот раз не намеренно.

— Да, мне говорили. Есть ещё что-то, что мне необходимо знать, прежде чем я испоганю и этот день?

— Мне не нравится такое поведение. Откуда оно взялось, черт возьми?

Я встала, контролируя свои движения, чтобы не встретиться с ним взглядом.

— Неважно. Пойду готовить тебе обед. Хочешь бекон? Сэндвичи с беконом?

— Конечно, но ты не хочешь оставить его и для девочек?

— Нет, они это есть не будут.

— Ты не можешь заставлять их есть маффины каждое утро.

Я вытерла ещё жир, который блестел под лампочкой над плитой. Господи. Сколько же жира в половине килограмма бекона?

— Они не едят маффины каждый день. Они едят оладьи, яйца, тосты с корицей, хлопья, буррито с яйцами, сыр, шпинат и...

Пэкстон вымочил хлебом ещё больше подливки, положив сверху ломтик бекона.

— Я понял. Мне все равно. Избавься от этого поведения, прежде чем я вернусь домой сегодня вечером.

— Я никуда их сегодня не повезу. Утром они могут заняться игрой на фортепиано, но это всё.

— Не тебе решать это, но я поговорил с ними прошлым вечером. Они хотят заниматься лишь несколькими вещами. Я это понимаю, но им придется закончить сезон бейсбола. У них ещё осталось две игры.

Я промолчала о том, что игра была больше для него и его дружков. В принципе, я вообще ничего не сказала. Лишь пожала плечами и продолжила убирать жир.

Пэкстон ел свой завтрак, который доведет его до сердечного приступа, и проверял что-то в телефоне. Я упаковала его обед и толкнула его ему по стойке. Ничего полезного. Даже бутылка с водой, которую я туда положила, не была полезной. Газированная кола лучше подходила к его мясу. Я тайно надеялась, что ему от этого станет плохо. Это послужит ему уроком.

Как только он съел последний кусок и отодвинул от себя тарелку, то подошёл ко мне. Я скрестила руки и смотрела сквозь него, но лишь секунду. Пэкстон взял меня за подбородок, заставляя посмотреть на него. Я послушалась, но руки не опустила. Даже мой взгляд отстаивал свою позицию. Я смотрела на него, но в то же время сквозь него.

— Достаточно. Ты ведёшь себя, как стерва, а я терпеть этого не собираюсь, — предупредил он меня голосом едва громче шепота.

Я нагло выдохнула и закатила глаза. В этот раз я посмотрела на него. Прямо на него, пронзая невидимыми кинжалами его глаза. Мои губы встретились с его, прежде чем я успела подумать об этом. Один быстрый поцелуй, и я отступила.

— Твой обед готов, — сказала я, кивком указав на бело-зеленый ланч-

бокс, стоя со всё ещё скрещенными на груди руками.

Весь день прошёл, как и планировалось. Почти. Мы с девочками собирались пойти поплавать в бассейне, когда зазвонил мой телефон.

— Да, чем я могу Вам помочь? — сказала я, используя профессиональный голос.

— Господи, Габриэлла. Ты все ещё продолжаешь? Я на объекте и не могу уйти. Мне в любую минуту могут привезти цемент. Привези мне что-нибудь от изжоги. Я сейчас сойду сума.

Я улыбнулась, услышав стук. Я знала, что Пэкстон бил себя в грудь кулаком, пытаясь избавиться от изжоги.

— Зачем? Ты же все равно собираешься есть бекон на обед.

— Не думаю. Можешь захватить мне те роллы, что ты делала на днях?

— О, ты имеешь в виду те, что были с медово-горчичным соусом, который тебе не понравился?

— Он мне не понравился. Заткнись и привези мне что-то от изжоги. Я отправлю адрес на твой GPS.

Мой взгляд привлекла набирающая обороты ссора из-за голубой кухонной лопатки.

— Хорошо, но сейчас мне нужно успокоить кошачью драку. Скоро буду.

— Из-за чего они теперь ругаются?

— Кто знает? У Роуэн голубая лопаточка, а Офелия пытается выменять её на зелёную.

— Почему?

Я на пол секунды опустила телефон и засвистела, засунув два пальца между зубами.

— Прекратите, — сказала я, перекрикивая их мелкую ссору. Это не помогло. Они посмотрели на меня большими глазами, но лишь на пол секунды. Офелия выхватила голубую лопатку прямо из рук Роуэн, и последняя заверещала.

— Ахх. Мне пора, Пэкс. Скоро буду у тебя. — Я повесила трубку, прежде чем было произнесено еще хотя бы слово, и кинулась к орущим девочкам. Офелия завела обе руки себе за спину, когда я протянула ей раскрытую ладонь.

— Я встала на стул, чтобы первой достать голубую. Но Роуэн первая решила ее взять. Я об этом думала. Поэтому она не может получить ее. Я первая это сказала.

— Отдайте мне обе. Зачем они вам?

— Я первая ее взяла, — запищала Роуэн.

— Хватит. Достаточно этих склок. Идите к себе в комнаты, — сказала я, строго глядя на обеих.

— Но я...

— Ррр! Тшш. Обе идите в комнаты, пока я не разрешу выйти. Я приготовлю вашему отцу обед, и мы отвезем его ему. Если вы обе не перестанете ругаться, я оставлю вас там. С ним. А теперь идите и подумайте о том, как сильно вы любите друг друга. Шевелитесь, — сказала я и вдобавок шлепнула каждую из них по попке. Они ушли с надутыми губками, Роуэн все еще бормотала, что первая ее взяла. Причина ссоры осталась загадкой. Я понятия не имела, зачем им нужна была глупая лопатка или почему идентичная зеленая не подходила.

Пока готовила здоровый обед своему упрямому мужу, я, возможно, даже исполнила победный танец. Я громко подпевала Кети Пэрри, танцуя бедрами и радуясь недугу мужа. *Говорила же.*

Ко времени, как я пришла за девочками, они обе сидели в комнате Роуэн на полу и строили планы на зачарованный бал. Барби Офелии должна была пойти в ледяном платье, как в «Холодном сердце». Кукла Роуэн же собиралась надеть розовое платье с серебряными туфельками. Обе девочки расчесывали длинные волосы своим куклам, сидя в позе лотоса на полу.

— Так-то лучше. Поехали к папе.

Словно маленькие солдатики они встали и пошли за мной. Барби остались у каждой в руке. Боже, я их любила.

Когда мы доехали к месту работы Пэкстона, я немного уняла свою прыть. Я была поражена. Весь задний дворик превратился в красивое дополнение к пляжному домику. Бассейн, казалось, вливался в океан. Мягкие голубые огоньки сияли под водой. Я держала каждую девочку за руку, осматривая работу Пэкстона. Он делал гораздо больше, чем просто стриг газоны.

Вид был потрясающий, и я отчаянно желала подойти к каменному патио. Пэкстон стоял, согнувшись, замазывая цементом щели. Он поднял на нас взгляд и откинул скребок, прежде чем подойти к нам.

— Вау, Пэкстон. Это шикарно. Ты это сделал? — спросила я, снимая с плеча сумку и оглядываясь.

Он снял кепку и краем футболки вытер пот. Мой взгляд перескочил с летней кухни на его загорелый торс, затем на его глаза и ухмылку. *Поймал.*

— Оцениваете меня, миссис Пирс? — спросил он меня с полуулыбкой, приподняв правый уголок рта.

Я сунула ему в руку таблетки и сказала заткнуться. После перевела

внимание на бутылку с холодной водой, которую принесла ему, пытаюсь скрыть румянец на щеках.

— Выпей это. Кола не поможет избавиться от изжоги.

Пэкстон выпил полбутылки воды, вздыхая от облегчения, когда протягивал ее мне назад. Я смотрела на девочек, купающих своих Барби на краю бассейна, лишь бы не встречаться взглядом с ним.

— Я впечатлена. Ты делаешь хорошую работу, — сказала я, оглядываясь назад, чтобы уклониться от его изумрудных глаз. Результат действительно был хорош. Потрясающая работа, я была *сверх* впечатлена.

Пэкстон провел мини-экскурсию, пока девочки бегали по просторному двору. Я думала, у нас вид был красивый. Но от этого просто захватывало дух. Прямо над океаном, даже с незавершенными работами во дворике, он был шикарен. Мои пальцы слегка касались его, когда он в деталях рассказывал о водопаде из известняка, который он строит. Я давала ему возможность взять меня за руку, но Пэкстон этого не сделал. Он указывал на разные плоды своей работы, рассказывая с гордостью в голосе. Муж несколько раз коснулся меня, но за руку так и не взял.

— Нам пора. Им нужно обедать, — сказала я, когда его позвал какой-то молодой человек с другой стороны бассейна.

— Сейчас иду, — крикнул он в ответ. В этот раз мои губы изогнула улыбка. Мой взгляд не покидал его живот, когда он снова поднял футболку, чтобы вытереть пот. Его джинсы низко свисали, и из-под них выглядывала голубая с белыми полосами резинка нижнего белья. — Ты снова это делаешь, — сказал он. На мгновение мне показалось, что он упрекает меня в этом. Мне было все равно.

— Не могу сдержаться. Ты очень сексуальный, когда работаешь, — сказала я, признавая правду. Я сделала шаг к нему, но он остановил меня.

— Не делай этого, Габриэлла.

Я спросила бы его, чего мне не делать, но это не привело бы ни к чему хорошему. Не подходи ко мне. Вот, что он имел в виду. Он не хотел, чтобы я приближалась. Почему — оставалось вопросом. Иногда мне казалось, что это у него травма головы.

— Ладно, увидимся позже.

Так все продолжалось целую неделю. Мы ужинали вместе, я шла на вечернюю прогулку, мы трахались, он оставлял меня одну, мы завтракали вместе. Я, как могла, держала язык за зубами, и мы вели себя как нормальные муж и жена в присутствии девочек.

Изменения произошли только во время субботней игры в бейсбол. Я не сидела на скамье с Пэкстоном и его фальшивыми друзьями. С моими

фальшивыми друзьями. Всю игру я простояла внизу, просунув пальцы с сетку забора.

Мы опоздали, потому что, как только мы сели в машину, Офелия вдруг захотела по-большому в туалет. Когда она закончила, я увидела, что Роуэн обула ковбойские сапоги. Пришлось вернуться за кроссовками.

Остальная часть компании была уже там. Возле горки питчера. Все мужчины сидели на трибунах, а девушки — возле палатки с едой.

— Я отведу девочек к тренеру и возьму что-то попить. Хочешь чего-нибудь? — спросила я Пэкстона, улыбающегося своим друзьям, которые уже были готовы спорить о победах детей. Ставить деньги на пятишестилеток было, как по мне, детским садом.

Пэкстон достал кошелек и протянул мне двадцатку.

— Принеси мне воды. Удачи девочки. Забейте для папочки пару хоум-ранов.

Я оставила Пэкстона, чувствуя самодовольство. Первые несколько недель он все время жаловался на то, что я постоянно даю ему воду. Теперь же он сам ее попросил. Улыбаясь, я отвела девочек к тренеру и пошла к подругам. Фальшивым.

— Знаю, Кэндес, но как ты можешь молчать? Я бы повырывала ей все волосы.

Я замедлила шаг, услышав громкий шепот Триши. Я остановилась за крупным парнем, одетым с ног до головы в джинсовую ткань, и прислушалась. Даже без упоминания моего имени, я знала, что речь шла обо мне. Следующей заговорила Кэндес.

— Она не знает, кем является. Не помнит. Как можно воевать с кем-то, кто ничего не помнит?

Следующий голос принадлежал Шейле. Той, которая нравилась мне меньше всех. Во всяком случае, мне казалось, что мы с Кэндес были подругами. По крайней мере раньше. Но и это оказалось не более чем фантазией.

— Ты этому веришь? Действительно думаешь, что она ничего не помнит?

Я проглотила свои слезы и ушла прочь. Что я сделала? Мне нужно было поговорить с Лейном. Что-то подсказывало мне, что, в чем бы меня ни обвиняли, это было связано с ним. Я краем глаза увидела Пэкстона, но не повернула к нему, вместо этого я пошла дальше, к забору. Мои пальцы схватили металлические треугольники. Жгучее ощущение где-то в животе лишь сильнее наполнило тикающую бомбу. Вызванная этим тревога была невыносимой.

Сначала я почувствовала прикосновение его рук к своей спине, затем услышала запах одеколона.

— Что ты делаешь?

Я повернула голову налево, но не посмотрела на него. Просто мимолетно взглянула и вернулась к Роуэн, делающей сальто посередине поля.

— Я немного посмотрю игру отсюда.

— Почему?

— Просто хочу так. Можно?

— Конечно, мне какой черт. Верни мою двадцатку.

Я выудила купюру из кармана и протянула ему между двумя пальцами. Быстро отвела взгляд, но недостаточно. Он успел заметить.

— Что случилось?

Я вытерла слезу и пожала плечами, пытаясь избавиться от него. Его рука соскользнула с моей спины, и я послала его подальше.

— Иди к своим фальшивым друзьям и их фальшивым женам, — указала я кивком. Кэндес смотрела прямо на меня, но она не выглядела злой. Она была грустной. Я медленно выдохнула, стараясь успокоить волнение, наполняющее мои вены, наблюдая за карапузом, отбивающим мяч. Он промахнулся.

Пэкстон подошел ближе ко мне, взяв обе мои руки из-за спины. Мои глаза закрылись, и я сделала еще один вдох, когда он произнес мое имя.

— Габриэлла?

Хоть я и услышала вопросительную интонацию в его голосе, я не смогла ответить. Не знаю что, но что-то было не так. Что-то важное. Это я знала точно без каких-либо доказательств. Они мне были не нужны. Я чувствовала это.

— Все хорошо. Можешь просто уйти?

— Нет. Я не уйду. Что произошло? Пять минут назад все было хорошо. Ты поругалась с кем-то из соседей? Что, Габриэлла? Что произошло?

— О боже, Пэкстон. Я могу сделать хотя бы что-то без твоего встречающего носа? Я прямо здесь. Ты сможешь видеть меня. Но я туда не пойду.

— Почему?

— Я хочу посмотреть отсюда.

Пэкстон изо всех сил пытался показать свою власть надо мной. Но я не поведусь на это. Он мог взять свои павлиньи перья и засунуть к себе в задницу. Мне было плевать, я не собиралась сдаваться.

— Габриэлла, я повторяю в последний раз. Повернись, подойди к тем

скамьям, посади свою стройную задницу возле меня и подумай о манерах.

— А что потом? — спросила я, вгрызаясь в него взглядом.

— Что «потом»? Что ты имеешь в виду? — спросил он, нахмурившись.

— Что после угрозы. Снимешь с меня штаны и отшлепаешь? Я не поднимусь туда.

Пэкстон огляделся, чтобы убедиться, что нас не слышат, и шикнул на меня.

— Черт подери, Габриэлла. Что за хрень?

Я повернулась и уперлась обеими ладонями ему в грудь.

— Пэкстон, молю тебя, иди к своим друзьям и оставь меня в покое. Мне хорошо и здесь. Единственный способ заставить меня присоединиться — это поднять и отнести. Сама я туда не пойду.

— Кто-то должен сдаться, Габриэлла. Со мной это не сработает, — сказал он, будто я чего-то не понимала.

— Со мной тоже, Пэкс. Что ты предлагаешь тогда?

— Этот разговор не окончен. Есть причина, по которой ты не хочешь пойти со мной туда. Обещаю, ты расскажешь мне прежде, чем эта ночь закончится. Имей в виду.

— Ага, имею, — сказала я с чрезмерным высокомерием.

Его ноздри раздулись, и, клянусь, я услышала рык, но он молчал. И так меня оставили одну. Пэкстон развернулся и пошел к нашим соседям. Тем, кто ненавидел меня за что-то, чего я не помнила. За что-то плохое.

Я пережила игру, изо всех сил стараясь держать себя в руках. Молча молилась и просила Господа вернуть мне память, затем наоборот — молила никогда мне ее не возвращать. Не думаю, что хотела вспомнить все. Не уверена, что я была тем человеком, которым себя представляю. И если быть честной, я боялась, что не понравлюсь себе. Или дело было в Пэкстоне. Неужели я боялась, что больше не буду нравиться ему?

Три отчаянные домохозяйки держались вместе. За все время ни одна из них не сказала мне ни слова. Триша прошла прямо мимо меня в уборную с телефоном у уха. Шейла и Кэндес притворились поглощенными беседой, когда игра закончилась. Напряжение было сильным, и все его чувствовали. Парни кивком поприветствовали и попрощались со мной, прежде чем пойти за своими отпрысками.

Даже Офелия и Роуэн почувствовали его. Клянусь, они решили остаток дня быть худшими детьми в мире.

Роуэн ударила Офелию. Офелия назвала Роуэн тупицей. Они поругались из-за глупого карандаша, который Роуэн нашла на своем

сидении. Он был розовым, а значит принадлежал Офелии. И все это по дороге из парка в загородный клуб. Наверное, минут двадцать.

Я массировала виски, когда мы заезжали на парковку. Офелия верещала невероятно длинное «нееееет».

В этот раз Пэкстон усмирил их.

— Хватит! — Даже я подпрыгнула. — Вылезайте из машины и прекращайте. Никаких больше драк сегодня. Вы меня поняли? А?

— Да, — ответила Офелия тихим, испуганным голосом.

— Роуэн? — спросил он таким же строгим тоном, соответствующим злой мимике бровей.

— Хорошо, — ответила она своим мягким голоском.

— Отлично, теперь забейте пару мячей в лунки. — Пэкстон щелкнул языком и подмигнул, давая им знать, что он не злится. Мне он тоже подмигнул. Мое сердце затрепетало. Это чувство я бы описала как блеск, сверкающий у меня в груди. Черт. Это не значит ничего хорошего.

Пэкстон был более одержим гольфом, чем бейсболом. Я смотрела, сидя на жесткой скамье под кленом, благодарная за минуты тишины. У меня болела голова в задней части глаз. Устойчивая пульсация слышалась в обоих ушах.

Мой мозг наполняли триллион вопросов, но ни на один из них не было ответа. Ни единого. Но их могли дать. Например, Лейн. Он может знать. Я посмотрела на Пэкстона, стоящего за Роуэн, и на свой телефон. *Был ли у меня его номер?*

Моя спина выпрямилась, а рука полезла в сумку. Убедившись, что Пэкстон не смотрит на меня, я включила телефон. Ну, конечно. Номер Лейна был где-то в середине моего списка контактов. В истории звонков не было ни одного вызова, ни одного сообщения. Конечно, это не удивило меня. Пэкстон постоянно брал мой телефон, чтобы проверить. Я не говорила ни с кем, кроме него. А потому мне было все равно. Он мог посмотреть, что хотел. Единственные сообщения, что он мог там найти, были от него.

Оба моих больших пальца быстро заскользили по экрану.

Габриэлла: *Что за хрень? Объясни, что происходит.*

Я тут же удалила сообщение и принялась ждать, и ждать, и ждать. Лейн не ответил, и мой единственный шанс ускользнул от меня, прихватив с собой надежду.

Пэкстон спрашивал о драме на бейсбольном поле несколько раз в

течение дня. Я все время повторяла, что ничего не произошло. Что я просто засомневалась. Но он не повелся на это.

Вечером я приготовила легкий ужин, и мы поели на летней кухне возле бассейна. Куриный салат и овощи на гриле. У меня и Роуэн курицы не было. Она недавно решила, что тоже не хочет есть мясо. Кроме хот-догов и пепперони.

— Можно нам теперь в бассейн, папочка? — спросила Роуэн, съев полпорции.

Пэкстон указал ей на тарелку.

— Нет, ты едва прикоснулась к еде. Сначала поешь.

— Я почти доела, — сказала Офелия, натыкая на вилку картошку и закидывая ее в рот. — Я раньше залезу.

Я дважды ударила вилкой по своей тарелке, привлекая ее внимание.

— Фи, прекрати. Ешь медленнее или вообще не полезешь в бассейн.

— Не-а, папа сказал, что можно. Да, папа? — спросила она, глядя грустными глазками слева от себя. Пэкстон растаял, позволяя обвести себя вокруг пальца.

Я строго посмотрела на нее.

— Ты сейчас серьезно, девочка? Нельзя так делать. Как бы ты себя почувствовала, если бы я сказала, что Роуэн важнее тебя? Это ты сейчас и делаешь. Ты хочешь, чтобы я чувствовала себя менее важной, чем папа?

- Эй, Габриэлла. Это сложновато для четырехлетки, — сказал Пэкстон, ставя меня на место.

— Ей почти пять. Она понимает, правда, Фи?

— Ты важная, мама.

— Видишь, она понимает каждое слово, — сказала я Пэкстону между делом. — Спасибо, малышка, съешь и огурцы.

— Они мне не нравятся.

Я не возражала. Она меня поняла. Она точно знала, что только что сделала, и хотя бы раз я поставила Пэкстона на место. *Это преподаст ему урок.* Но какую бы гордость я не испытывала из-за этого, я не могла записать это на свой счет. Слова уже вылетели из моего рта, как словесный понос. Бесконтрольный. Какую погоду мне сделает еще один гвоздь в моем гробу? Я уже была обречена.

Мне отказали в просьбе о прогулке, когда девочки пошли в душ. Это было моей последней надеждой. Я не знала, был Лейн на пляже или нет. Мне не разрешили выяснить это. Вместо этого я убирала на кухне и мыла полы в третий раз за неделю. Переступая через свою гордость, я сделала это. Это было моей жизнью, пока не перестало таковой являться. Пока все

не выяснится. До правды. Какой бы она ни была.

Глава 17

Никак нельзя было предугадать, что запланировал для меня Пэкстон. В сообщении говорилось принять душ, лечь в кровать и ждать, пока он не придет. Я приняла душ, но пока еще не легла в кровать. На самом деле я хотела, чтобы он пришел. Хотела, чтобы он причинил мне любую боль, какую хотел, лишь бы затмить все мысли. Не хотелось оставаться с ними наедине.

Вместо того, чтобы думать о чем-то, что сбивает меня с толку, я думала о двух маленьких девочках и их сумасшедшей маме. Я видела нас, бегущих вдаль по пляжу. Мы пускали воздушных змеев высоко над морем. Если бы я могла вернуться в те времена. До того, как упала мама, до Рода и Динка, до того, как от меня забрали Иззи, до мисс Портер, Фелкона и до Маркуса Лонга, и...

Подождите. Маркус Лонг?

- Ты перестала слушаться. Травма головы сделала тебя глупой.

Я не ответила на комментарий Пэкстона. По крайней мере на часть про глупую.

— Они спят?

— Не волнуйся об этом. Я прекрасно могу позаботиться о девочках и без тебя. Расскажи, что произошло сегодня на игре.

— Я же сказала, ничего важного.

— Да, сказала. Ложись, шлюха.

Я закатила глаза и заметно закачала головой. Я не боялась Пэкстона Пирса. Ни чуточку. Может когда-то, может стоило, но я не боялась и не собиралась притворяться в обратном. Может его гнев прервет эту бурю мыслей. Даже моя попытка повиноваться и лечь на кровать была дерзкой. Это не было грациозное движение, я просто плюхнулась на нее. Сразу на спину. Словно летела с пятого этажа. С пожарной лестницы. Мои глаза были закрыты, а комната погрязла в тишину. Я знала, что если открою глаза, то увижу на лице Пэкстона озадаченное выражение лица.

Глаза все еще были закрыты, когда я услышала открываемый комод, а затем шуршание в изголовье кровати.

— Поднимись. Ляг правильно и молчи. Ни слова, если только я не разрешу. Поняла, шлюха?

— Ага.

— Я сказал молчать.

— Значит перестань задавать мне вопросы.

— Заткнись, нафиг, Габриэлла.

Все еще не открывая глаз, я сделала вид, что застегиваю губы на молнию и выкидываю ключик за голову. Когда я услышала жужжание, захотелось открыть глаза, но вместо этого я ухмыльнулась. Вибратор. Этим он собирался мучить меня? Ну, хорошо. Поехали. Я передвинулась туда, куда хотел Пэкстон. Наверно я даже засмеялась, почувствовав, как он привязывает мои руки к изголовью.

— Смейся, смейся. Тебе это понравится.

Ноги были следующие на очереди. Вибрация отдавалась по кровати, пока мои лодыжки стягивала плотная кожа.

— Последний шанс, прежде чем начнется веселье. Мое веселье. Расскажи, что произошло на поле.

Тишина. Я не произнесла ни слова. Ни единого.

Пока.

— Ах, — мгновенно застонала я. Срань Господня! Эта штука вращалась. Клянусь, он едва коснулся меня, а я уже была на грани оргазма. К моему удивлению, это была его цель. Пэкстон довел меня до истинного экстаза за считанные секунды. Даже не минуты.

Как только я кончила, Пэкстон выключил вибрирующее устройство и оставил меня привязанную к кровати. Хмм. Я молча обдумывала свое положение. Пэкстон не мог уже закончить со мной. Открыв один глаз, я подозрительно покосилась на закрытую дверь. Я ждала, гадая, что он придумал. Зная, что, скорее всего, он наблюдал за мной, я не проявляла эмоций. Не те, на которые он надеялся. Я напевала песню, которую не знала. Но все же она была знакома.

Прошло ровно тридцать минут. Как только открылась дверь, я закрыла глаза, не желая предоставлять ему чувства удовлетворения.

— Просто скажи, что тебе сказали. Что-то произошло сегодня. Есть ли какая-то связь с днем твоего исчезновения? С твоей аварией?

Ничего. Я не ответила. Думаю, я тайно надеялась на повтор наказания. Так и случилось. Пэкстон щелкнул языком и раскрыл меня двумя пальцами. В этот раз понадобилось немного больше времени, но все равно я кончила. Сильно, дрожа всем телом.

Я ухмыльнулась, раскусив эту игру, как только вибратор выключился. Улыбаясь, я подмигнула ему, когда он обернулся посмотреть на меня, закрывая дверь. Не нужно говорить, что последней смеяться буду не я.

К концу второго часа и спустя четыре оргазма я была вымотана. Я не хотела больше оргазмов. Но, конечно, это было не мое решение. Пэкстон

приходил каждые тридцать минут и задавал один и тот же вопрос, затем заставлял меня кончать. Я была стойкой столько, сколько смогла. До четырех утра.

Я была опустошена и не хотела больше кончать, да и не думаю, что могла бы. Пэкстон вошел в комнату, спросил, что меня так расстроило, и раскрыл меня двумя пальцами. Я извивалась, пытаюсь избежать этого раза.

— Перестань, я не могу, Пэкстон.

Используя свои пальцы, Пэкстон скользнул внутрь меня, улыбаясь и забирая контроль себе.

— Мы можем остановиться. Скажи, кто и что сказал.

— Нечего рассказывать. Я слышала их разговор. Не знаю, о чем они говорили, знаю только, что обсуждали меня. А может и нет. Может это просто моя неуверенность, — произнесла я, изливая слова умоляющим тоном. Я не могла продолжать. Не могла вынести этого.

— Пусть будет по-твоему.

Я изо всех сил старалась держаться и не кончать. Но контролировать это невозможно. С каждым разом времени нужно было больше и больше, но, тем не менее, я кончала. Снова и снова. Не хотела, но выбора не было. Я просила, молила каждый раз, словно от этого зависела моя жизнь. Так оно и было. По крайней мере, так казалось. Я умоляла, не способная больше страдать.

Восемь утра. Вот, когда Пэкстон, наконец, излил свой заряд мне в рот и оставил одну, но не для сна.

— Пора вставать. Иди готовь завтрак. Скоро проснутся девочки. Возможно, ты захочешь пересмотреть свое решение скрывать от меня что-то в будущем. Я иду на пробежку, зайду к Трише поговорить, а потом пойду спать.

Я не произнесла ни слова. Не могла. Мое тело парализовало. Ни одна мышца не двигалась, пока он развязывал мои руки и ноги. Как бы я не хотела размять запястья, я этого не сделала. Не могла. Мое тело приросло к матрасу. Я была выжата.

— Иди прими душ. Ты пахнешь сексом.

И снова я промолчала. Говорила только про себя. *Чего ты, черт возьми, ожидаешь, мудака?*

На этом Пэкстон меня оставил. Я приняла душ, и мой мучительно долгий день начался. Я готовила, убирала, играла с девочками, а Пэкстон был задницей.

После обеда у бассейна, он лег отдыхать с обеими девочками в беседе. Я убирала беспорядок и слушала их беседу с Офелией. Через две

недели у нее день рождения, и она хотела устроить вечеринку такую же, как у Шанс. У Шанс была вечеринка принцессы с настоящей принцессой.

— И Шанс придет, и может Коллин, но он иногда бывает злым, — объясняла она, накручивая на палец волосы. Я почти сказала ей прекратить это делать, ведь мне придется слушать ее крики, когда я буду расчесывать их. Но я ничего не сказала, потому что не хотела разговаривать с Пэкстоном. Я занесла остатки обеда внутрь и осталась там. Подальше от Пэкстона.

Он думал, что вся эта «хочу, чтобы дом сиял» игра волновала меня. Ни капли. Выполнение повседневных обязанностей, в которых не было особой нужды, занимало мои мысли. Я много думала. Раскладывала по полочкам все выученное за время этой запутанной новой жизни.

Я подпевала радио «*Watch me Nae, Nae*», натирая все видимое серебро на кухне. День Рождения Офелии завладел моим разумом, пока я натирала рукоятку духовки до состояния сверкающего хрома. Ни за что на свете я не соглашусь на вечеринку со степфордскими женами.

— Ты сегодня совсем не жизнерадостно ведешь себя с девочками. Что случилось? — спросил Пэкстон, проводя руками по моей талии.

— Прости, я постараюсь исправиться.

Мягкие губы ласкали мою кожу, пока хватка вокруг меня усиливалась.

— Несколько недель назад я бы поверил в это. Но ты плохо скрываешь сарказм.

— Я даже не пыталась. Девочки спят?

— Офелия — да. Роуэн одевает Барби. Мне не нравится, когда меня игнорируют. Думаю, тебе стоит перестать так делать. — Я закрыла глаза, когда его пальцы слегка коснулись моего живота. Легкое посасывание его губ на моей шее, вынудило меня откинуть голову ему на плечи.

— Я ненавижу тебя. Ненавижу то, что ты так жесток со мной и делаешь подобные вещи. Ненавижу тебя, — и снова фильтр моих слов перестал работать. Я не хотела быть слабой в его присутствии. Не хотела, чтобы он видел, что делал со мной глубоко в душе. Это сияние.

Пэкстон напрягся позади меня, и его губы остановились на моей коже. Я не стала ждать указаний, повернулась сразу. Наши взгляды встретились, и эмоции накалили воздух между нами. Пэкстон тоже был слаб.

— Не знаю, что произошло между нами. Я не могу так.

Мои слова прозвучали так же, как и его: тихо и хрипло.

— Не можешь что? Любить меня? Ты не можешь любить меня?

— Я не хочу любить тебя, Габриэлла. Я хочу заботиться о тебе финансово, хочу дать тебе все, что ты хочешь, хочу, чтобы ты была хорошей

матерью моим детям.

— Ты хочешь контролировать меня.

Он держал мои руки по бокам. Мы смотрели друг другу в глаза, наши губы разделяло всего несколько сантиметров.

— Это сделка. И все было хорошо, пока ты не решила иначе. Почему ты не можешь стать прежней собой? Вернуться к прежним нам?

— Ты этого хочешь?

— Нет.

Мое сердце сделало сальто. Может это и немного, но уже что-то. Это его способ сказать мне, что он чувствует. Чувствует меня. Мои губы раскрылись, и его язык ворвался внутрь. Его руки скользили по моим бокам, пока не остановились на ребрах. Мои руки обернули его шею, и мое тело слилось с его. Ни в коем случае Пэкстон не мог отрицать этого. Это обжигающее притяжение между нами. Он чувствовал мое сияние. Я это знала.

Что-то изменилось в тот день. В тот момент. Был сделан еще один крутой поворот. Его прикосновение было мягче, поцелуи — слаще, а его злость развеялась. Он все еще желал контроля, и я отдала ему его. Почти. Позже тем вечером, когда мы гуляли по пляжу, у нас произошла небольшая размолвка.

Роуэн и Офелия были поглощены волнами, выталкивающими их на песок. Пэкстон сидел на песке, притянув мою руку. Но не поближе к себе. Просто положил ее себе на ноги. Он никогда так не делал. Я облокотилась ему на грудь.

— Мне необходимо знать, где ты была, Габриэлла. Я не забуду об этом. Ты не просто так уехала. У тебя должна была быть цель. Но план провалился. Что-то не так. Ты никогда ничего не скрывала от меня. Я знал каждый твой шаг. — Пэкстон поцеловал меня в макушку, но это не был милый жест. Не в тот раз.

Он распрямил пальцы, когда я попыталась переплести их. Секунду я думала, что он не сделает ответного жеста, но потом он смягчился. Его пальцы согнулись вокруг моих, и он глубоко вздохнул. Глубокий вздох поражения.

— Может там не было ничего плохого? Может я просто подвозила кого-то или что-то вроде того? Что-то незначительное, потому что я хороший человек и не более. Ты об этом не думал?

Я выпрямилась, когда Роуэн закашлялась от соленой воды. С ней все было хорошо, но ссора все равно родилась.

— Роуэн покашляла на меня. Скажи, что она должна прикрывать

рот. — Офелия не дала мне времени ответить. Она набрала в рот воды и плюнула ею в сестру. Одним сплошным потоком. Конечно, Роуэн от этого обезумела.

Я поднялась, отпуская руку Пэкстона, и закачала головой.

— О, боже. Иди, разберись.

— Свистни им.

— Это перестало работать на третий раз. Иди, прежде чем кто-то утонет.

Пэкстон зарычал, как медведь, и согнул пальцы в виде медвежьих когтей. Этого хватило. Девочки закричали и разбежались в разные стороны. Офелию он поймал первой. Ее маленькое тело тряслось под его рукой, пока он бегал за кричащей Роуэн. Я улыбнулась им, чувствуя... хммм... *счастье?*

— На прогулке с семьей. Как мило.

Я прикрыла рукой глаза от яркого солнца и подняла взгляд. Белые кроссовки, синие спортивные шорты и простая белая футболка.

— Я писала тебе, — выпалила я. Может, потому что знала, что времени у меня мало.

— Да, знаю. Не делай так больше. Ты лучше выглядишь. Как себя чувствуешь? — спросил Лейн, его голос менялся в зависимости от сокращаемого Пэкстоном расстояния между нами.

— Намного лучше, спасибо, — сказала я тем же фальшивым тоном. *Что за черт?*

— Лейн, как дела, друг? — произнес Пэкстон, протягивая руку. Мужчины пожали руки, пока я настороженно наблюдала за ними, ища признаки напряженности. Они были. Без сомнения. Фальшивость можно было учуять за милю. Весь этот район был фальшивым.

Пэкстон и Лейн поговорили о последней игре, теща свое самолюбие, хвастаясь о победах и проигрышах. Можно было подумать, что речь идет о супер кубке.

— Увидимся позже. Кэндес ведет нас на какую-то пьесу в городе. Пожелайте мне удачи.

— Ага, удачи. Увидимся.

Пэкстон вернулся к своему месту за моей спиной и поцеловал меня в голову. Я так хотела видеть его выражение лица, его глаза. Мне нужно было прочесть его эмоции после этого разговора.

— Тебе он тоже не нравится, не так ли?

— Лейн? Да нет, он-то еще нормальный. Мне не нравится его жена.

— Почему?

Пэкстон откинулся на локти и сменил тему.

— Не важно. Что ты запланировала на вечеринку Офелии? Она очень взволнованна из-за нее. Хочет, чтобы она была грандиознее, чем у Шанс.

— Да, насчет этого. Может нам уехать? Только мы. Сделать семейный праздник.

— Сомневаюсь, что Офелия на это согласится. Она хочет вечеринку принцессы с Беллой. Забудь эту ерунду с соседями и спланируй вечеринку. Научись держать язык за зубами, и не придется волноваться, что о тебе будут говорить за спиной. Поэтому ты молчишь, когда мы в обществе. Поэтому ты не разговариваешь с другими о нашей личной жизни. Есть вещи, которые я просто не позволю. И это одна из них. — Пэкстон сел и провел руками по моим рукам.

Я повернулась на нем, упираясь одним коленом ему в гениталии, другое положив ему на бедро. Его тело снова опустилось на локти, когда мои губы коснулись его.

— Я согласна. Но давай все же уедем на день рождения Фи, — я не дала ему времени ответить. Раскрыла его губы языком и опустилась своим весом на него. Обе его руки скользнули мне под рубашку на спину. Мы вели себя, как влюбленные подростки. На короткое мгновение не существовало никого, кроме нас. Только Пэкстон и я. Я слышала смех девочек и звук волн, и все же существовали только мы. Мы были поглощены этим моментом.

Я вздрогнула от холода. Офелия опустилась своим мокрым телом мне на ноги, а Роуэн — на спину. Пэкстон схватил всех нас трех одним быстрым движением. Его пальцы опустились к моему бедру, и я ударила его, пытаясь использовать Роуэн в качестве живого щита. Он и ее зашекотал, заставляя ее тело вжаться в мое. Офелия избежала щекотки и попыталась скинуть его с нас, но его пальцы добрались и до ее боков.

Лейн, наблюдающий за нами издалека, испортил момент. Это было самое странное. Словно он злился на меня. Я видела отвращение на его лице, когда он выдохнул и ушел, качая головой. Мой взгляд перескочил на глаза Пэкстона. Он посмотрел по направлению моего отвлечения и обратно на меня.

— Пойдемте, карапузы, пора купаться, — сказал он грустно, не отводя от меня глаз. Пэкстон что-то знал или, по крайней мере, чувствовал, но что? Что я сделала? Я же не была настолько глупа, чтобы изменять такому мужчине, как Пэкстон. Он бы убил меня.

Я видела бегущего вдали Лейна, когда Пэкстон поднял меня на ноги.

— Я читал, что в подобных случаях пациент может не вспоминать

ничего многие годы просто потому, что не хочет вспоминать. Обычно из-за какой-то травмы, но не всегда. Просто к слову, — сказал Пэкстон, пожав плечами, и указал на тропинку раскрытой рукой.

Я сделала глубокий вдох морского воздуха, до отказа наполняя легкие. Вот, как это ощущалось. Не важно, что мы оба чувствовали притяжение. Это неоспоримое притяжение, которое впутало нас в эту паутину обмана. Что-то более сильное всегда разделяло нас.

Таковыми были наши с Пэкстоном отношения. Шаг вперед и два назад.

Пэкстон изо всех сил пытался снова стать придурком. Но я не позволила ему. Не рядом с девочками. Но все это мелочи. Как только они залезли в ванную, он приказал мне идти в комнату, принять душ и ждать его.

Я отказалась.

— Нет, ты не сделаешь этого, Пэкстон. Ты слышал, что я обещала Фи почитать книжку. Сначала я ей читаю, потом буду ждать тебя в комнате.

Пэкстон дернул меня за руку и с силой сжал ее.

— Ты, блядь, будешь делать то, что я тебе велю.

Его гневные слова сквозь стиснутые зубы не особо заставили меня подчиниться. Не в этот раз. Я не видела преград и не могла контролировать себя. Мои пальцы попытались ослабить его хватку вокруг моей руки, и я плюнула. Прямо ему в лицо. Оба его глаза закрылись, затем снова открылись. *Ох, черт.*

Боль от его хватки ослабла, когда он убрал руку, чтобы вытереть лицо рубашкой. Я не двигалась. Стояла по стойке смирно, ожидая неизбежного. Пэкстон убьет меня.

— Уйди нахер от меня, пока я не выбил тебе зубы.

— Пэкстон, прости. Я не хотела.

— Что, мать твою, с тобой такое, Габриэлла?

Я грустно улыбнулась и обошла его. Я чувствовала себя потерянной. В одну минуту я была рада и счастлива, а в другую — это.

— Травма головы, — сказала я, пожимая плечами, и ушла на кухню.

Два стакана молока и четыре крекера лежали для Роуэн и Офелии на столе. Я посадила свою пятую точку на столешницу и ждала их, пытаясь понять хоть что-то. Неважно что. Хотя бы что-то должно было встать на свое место. Какое-то другое воспоминание, кроме как до жизни с Пэкстоном. Было бы хорошо, чтобы оно было связано с Лейном.

Роуэн появилась на перекус обернутая в полотенце, а Фи пришла в пижамных шортах, перекошенных на бок, и без маечки. Я молча улыбнулась им обеим. Обе залезли на табуреты передо мной и откусили от

своих крекеров. Девочки рассказывали, как они увидели змею, когда ранее ходили в магазин с папой. До смены настроения. Когда Пэкстон не был зол.

— А я не получу крекер и молоко? — спросил Пэкстон, прерывая мой транс. Я задумалась о Роу и Фи. О том, насколько они отличались от меня и моей сестры. Я пока не вспомнила ни одного момента, когда бы я злилась на нее. Я любила ее всем сердцем. Конечно, Роуэн и Офелия тоже любили друг друга, но как же часто они ссорились.

Я позволила своему взгляду переключиться на Пэкстона, слезая со столешницы. Он поцеловал мокрые головы девочек и сел рядом с Роуэн.

— Где твоя одежда? — спросил он Роуэн, когда понял, что она в полотенце. Повернувшись, он задал тот же вопрос Офелии, когда заметил, что она полураздетая.

Я налила стакан молока и бросила упаковку крекеров перед ним. Салфетку он мог взять сам.

— Что думаешь по поводу поездки в Диснейленд на твой день рождения, Офелия? — спросил Пэкстон, глядя на меня. Это перемирие? Господи. Этого мужчину просто нереально понять.

— Я могу взять с собой Роу-Роу?

Мы оба засмеялись, и я почувствовала себя лучше. По крайней мере я не боялась повторения предыдущей ночи. Точнее, надеялась, что этого не будет. Я не смогла бы выдержать еще одной такой ночи. Пятнадцатиминутный сон, пока Пэкстон водил девочек в свой магазин, не особо-то и помог против усталости. Я не могла дождаться, когда смогу поспать.

Девочки говорили с Пэкстоном о Диснее. Офелия была на седьмом небе от счастья из-за поездки в свой день рождения. Даже, когда Пэкстон поставил перед ней выбор или вечеринка принцессы, или Дисней, она выбрала путешествие. Слава Богу.

Глава 18

Забавная ситуация случилась, когда девочки легли спать. Мы оба разошлись в разные стороны. Пэкстон — наверх, я — к себе в комнату. Я приняла душ, все время зевая. Дождаться не могла, когда лягу в кровать, расслаблю свое вымотанное тело и позволю мозгу поспать. Обернув пахнущее лавандой тело в мягкий черный атлас, я, как обычно, вышла на улицу. Океан был тихим, но полным жизни, пена выглядела величественно.

— Ты изменила мне, Габриэлла?

Мне не нужно было смотреть вверх, чтобы понять, что Пэкстон стоит надо мной. Тихие слова повисли в воздухе, и я подняла взгляд, чтобы увидеть его. Силуэт на фоне луны. Я прислонилась к каменному столбу, глядя на него.

— Я не знаю, Пэкстон.

— Что-то произошло.

— Боюсь, что да, но клянусь, я не знаю что. Расскажи, что знаешь.

— Я ничего не знаю. Могу лишь догадываться.

— Я могу подняться?

— Пожалуйста.

Я не стала ждать официального приглашения. Если Пэкстон настроен хоть немного раскрыться, я не упущу этот момент. Заглянув к обоим моим спящим ангелочкам, я подошла к лестнице, успела подняться всего на несколько ступенек, когда поняла, что этот разговор требует выпивки.

Порция рома, полпорции абрикосового бренди, немного лимона, ананасовый сок и ликер Galliano. Разлив напиток в два бокала, я сделала глоток. Чертовски вкусно. Откуда я знала, как его готовить? У меня неплохо получилось, если я сама такое сделала.

— Я уже решил, что ты передумала, — сказал он со второго этажа.

Я ответила улыбкой и одним словом:

— Коктейли.

— Ты не пьешь.

— Перестань говорить это. Не знаю, как жила с тобой шесть лет без алкоголя. Мне повезло, что это не было дольше. Вот, попробуй.

Я услышала глубокий вздох, когда он забрал у меня бокал и пошел к своей комнате. Я последовала за ним, чувствуя себя, как и всегда, когда он делал подобное. Ниже него. К моему удивлению, он остановился и дал мне пройти первой. Наши взгляды встретились, когда я проходила мимо него,

ощущая запах его одеколона.

— На балкон? — спросила я через плечо.

— Да, я всегда сижу там перед сном.

— И я.

Пэкстон усмехнулся мне.

— Да, я знаю. Я наблюдаю за тобой.

Я пошла напрямик к каменной стене. Мне нравился вид из комнаты Пэкстона. Будь то утро или вечер, вид был красивый. Пэкстон вышел за мной, но встал лицом к дому.

Скрестив лодыжки, он сделал глоток своего напитка.

— Очень вкусно. Что это?

— Понятия не имею, но явно у него есть название. Словно я хотела именно этот коктейль, но микс ингредиентов слишком тяжелый, чтобы случайно их смешать. — Я подошла к краю и сделала нечто вызывающее. Как на пляже. Сделав большой глоток, я встала между его ног. Он расставил их, давая мне возможность встать ближе. Что я и сделала. Я прислонилась прямо к его гениталиям, оставляя верхнюю часть тела на некотором расстоянии, и посмотрела ему в глаза.

— Расскажи. Что ты думаешь, я сделала?

— Ты уже знаешь.

— Лейн?

— Ага.

— Но что случилось? Почему ты так думаешь?

Пэкстон сделал еще глоток и выпалил слова.

— Ты знала, что Кэндес наняла частного детектива за несколько недель до твоей аварии?

— Нет, Пэкстон. Я ничего не знаю об этом. — Если бы он только знал, каково это — не помнить абсолютно ничего из своего прошлого с ним. Может, тогда бы он лучше меня понимал.

— Да, она прислала мне сообщение несколько дней назад. У нее есть что-то, что она хочет мне показать.

— Что?

— Не знаю. Я сказал, что не хочу видеть это сейчас. Что и так происходит достаточно всего и без добавления новых проблем.

— И все? Она отстала?

— Вроде того. Если не принимать во внимание ее грубость с тобой. Я знаю, что произошло. Она высказалась тебе, не так ли?

— Нет, не совсем. Я услышала их разговор. Было ли это резким изменением? Я правила ей до субботы.

Он допил коктейль, вытер рот и поставил бокал на поручень позади себя. Его руки притянули мою талию к себе, сам он выпрямился. Его теплые губы встретились с моим плечом, а руки скользнули под халат.

— Она приостановила все после твоей аварии. Но детектив хотел получить плату, несмотря на то, нужна ли ей еще информация или нет. Она только получила посылку несколько дней назад.

Мои брови приподнялись, сопровождая тяжелый вздох.

— Что ж, это объясняет, почему она отменила наш ланч и почему избегала меня. Не знаю, что сказать, Пэкстон. Думаешь, у нее есть доказательства?

— Думаю, да, но знаешь что?

— Что?

— Я не хочу думать об этом. Не хочу знать и не хочу, чтобы ты вспоминала. Это все изменит. Я больше не буду хотеть тебя, Габриэлла.

— Может тебя это удивит, но я с тобой согласна. Я уверена, эти последние несколько недель были вершиной того, что я получала от тебя. Если ты хочешь знать — иди, посмотри. Но если я действительно это сделала, подумай вот о чем. Почему я это сделала?

— Я думал об этом каждый день с тех пор, как увидел тебя с ним.

Шок на моем лице соответствовал словам, сорвавшимся с моих губ.

— Ты видел нас? Где?

Я попыталась выпрямиться, но Пэкстон не отпустил меня. Он сильнее сжал вокруг меня руки и снова поцеловал мое плечо.

— У камней.

— Что ты видел?

— Он обнимал тебя, а ты уткнулась лицом ему в грудь. Думаю, ты плакала.

Что ж, это совсем не то, что я ожидала услышать.

— Может это было что-то другое. Может у нас не было интрижки?

— Женщины не позволяют мужчинам так касаться их, если не вовлечены чувства. Ты никогда не разрешала мне себя так обнимать. Ты никогда не плакала у меня на плече, как делала это с Лейном.

В этот раз я отстранилась.

— Ты серьезно? Ты ненавидишь меня. Даже возможности не даешь мне приблизиться к тебе.

— Я никогда не ненавидел тебя. Черт возьми, Габриэлла. У нас было соглашение. Оно не должно было превратиться в это. Что бы это ни было между нами. Я никогда не хотел обнимать тебя, вытирать твои слезы. Не так все это должно было обернуться.

Я молчала. Просто стояла. Ошеломленная. Пэкстон обошел меня и провел пальцами по своим волосам.

— Это гребаная авария. Ты провела с ним три часа, прежде чем разбилась. Не так ли, Габриэлла? Ты трахнулась с ним в тот день? Это он завладел твоим вниманием посреди хренового урагана?

Это я ненавидела больше всего. Неважно, что я скажу, Пэкстон не поймет меня. Никто не поймет. Меня обвиняли в вещах, ужасных вещах, которых я не помнила. И я не знала, кого винить. Я чувствовала себя плохо, но не знала за что. За то, что встала между Кэндес и Лейном? За измену Пэкстону? За то, что потеряла память? Я не знала, из-за чего должна была чувствовать себя плохо, и объяснить это Пэкстону было невозможно. Он не мог понять. Я этого не понимала. Даже капельку.

Пэкстон снова провел руками по волосам, затем сжал их в кулаки и зарычал. Опустив руки, он смягчился.

— Я думал, мы неуязвимы. Думал, у нас все хорошо. Что никто к этому не прикоснется. Что-то, о чем многие мужчины только мечтали. У нас, блядь, было это, Габриэлла, и ты все испоганила.

— Ты уже говоришь не о Лейне, не так ли? — спросила я, делая осторожный шаг к нему.

— Абсолютно, — его тон изменился на пораженный, и он глубоко вздохнул. Я сделала еще один шаг. — Я об этом, Габриэлла. Ты не приходишь ко мне. Я прихожу к тебе.

Еще один шаг и тихие слова.

— Я хочу приходить к тебе, Пэкстон. Не знаю, что я делала с Лейном, но я не хочу быть в его объятиях. Я хочу ощущать твои руки на себе.

— Но раньше не хотела. Почему сейчас?

— Не знаю. Знаю, ты устал это слышать, но это так. Я не могу ответить на эти вопросы и не уверена, что смогу.

Губы Пэкстона атаковали мои. Пламенный поцелуй полный эмоций. Мой халат упал на пол, а пятая точка прижалась к холодному парапету. Он с легкостью вошел в меня, и я чувствовала каждый его сантиметр. Мы целовались с глубокими эмоциями, страсть накатывала волнами. Я едва заметила, когда он наклонил меня назад, прижимая губы к груди. Я доверяла ему. Может так было не всегда, но в тот момент, я доверяла ему свою жизнь. Он не даст мне упасть.

Прошлой ночью, после четвертого или пятого оргазма, я клялась, что в жизни больше не захочу его. И все же я хотела кончить больше всего, и испытать этот оргазм хотела с Пэкстоном.

Между нами что-то было. Что никто из нас не мог отрицать. Если он

не ощущал того, что чувствовала я, когда мы касались друг друга, когда мы целовались и занимались любовью, то с ним что-то не так. Между нами что-то было, и он тоже должен был это чувствовать.

Гневные слова слетали с его губ, пока он толкался в меня.

— Черт, Габриэлла. Черт. Черт. Черт. Я не хотел этого. Все так запутанно. Я не хотел этого.

— Хмм, хорошо, — стонала я, передвигая его пальцы к своему бугорку. Я управляла им, задавая темп его движениям. Он зарычал, как медведь, но послушался. — Ах, да, детка. Вот так. Ммм, — стонала я, выгнув спину.

Пэкстон притянул меня к своему телу, выскользнув из меня. Проклятье.

— Иди сюда, пока я не уронил тебя.

На секунду я подумала, что мы пойдем в кровать. Но нет. Пэкстон развернул меня лицом к океану и вернулся к своей позиции. Это было волшебство. Пэкстон брал меня сзади, пока я смотрела на бесконечный океан. Обстоятельства были волшебны, как и луна над нами, и, кажется, я была влюблена. Господи. Я была влюблена в Пэкстона.

Той ночью я не покидала объятий Пэкстона. Я спала, прислонившись к его груди, всю ночь. Прежде чем встать утром, мы снова занялись любовью, затем я проводила его на работу. Мы перевернули еще одну страницу. Пережили переломный момент. Возможно. Надеюсь. Увидим. После последних нескольких месяцев, мне нужен был отдых.

— Что ты делаешь? — спросил Пэкстон агрессивным тоном, но с улыбкой.

Я потянула его за край футболки, привстав на носочки.

— Провожая тебя на работу. Позволь мне побыть милой.

Пэкстон обхватил рукой мою спину и притянул к себе, хватая за попу. Он не произнес ни слова, но поцеловал меня на прощание. Это уже что-то. Для Пэкстона это достижение.

Окрестности выглядели мрачно из-за нависшего тумана. Я проследила за черным грузовиком, пока он не исчез из поля моего зрения, и закрыла дверь.

Внезапно жизнь после того дня начала крутиться вокруг нас. Пэкстона, меня, Роуэн и Фи. Я все еще позволяла Пэкстону контролировать меня. В большинстве случаев, но на моих условиях. Я не встречалась с соседями, и они ко мне не тянулись. Хотя я и не ожидала иного. Уверена, если бы мы даже вернулись назад, ничего бы не изменилось. Я ничего не могла бы поделать. Что-то произошло между мной и Лейном. У Кэндес были доказательства, да и другие меня ненавидели. Я не могла этого

изменить или исправить. Я даже не помнила причин этой ситуации.

Хотелось бы мне, чтобы этого не произошло, но прошлое не изменить. Чем больше я узнавала о себе, тем меньше себе нравилась. Если я изменила Пэкстону, то на то была причина, и не думаю, что я чувствовала вину из-за этого. Но мне было жаль Кэндес. Она мне нравилась, и мне казалось, что мы действительно были друзьями. Тем не менее, между нами с Пэкстоном все вроде было хорошо. Впервые с тех пор, как я потеряла память, я чувствовала себя счастливой. Казалось, что все будет хорошо.

Я была счастлива без друзей. Все необходимые мне друзья были у меня в семье. Два моих маленьких Клайда будут верны мне до конца, с Пэкстоном вопрос спорный, но меня все устраивало. После моей аварии все изменилось, и я ничего не могла поделать с этим, да и устала оглядываться назад. Просто хотелось оставить все в прошлом и идти вперед, что собственно я и делала. Я перестала волноваться о прошлом и о том, кем была. Теперь мне предстояло стать лучшим человеком. Начиная с этого момента.

Последующие несколько дней были напряженными. Мы с Пэкстоном много раз бодались. Я сдавалась, когда чувствовала необходимость, и стояла на своем, когда могла. Когда знала, что это может сойти мне с рук. У Пэкстона был определенный вид, который давал мне понять, что уже достаточно. Иногда он сдавался, хотя и не желал этого. Это приводило меня в замешательство. Я гадала, как вообще оказалась замужем за таким мужчиной. Мужчиной, которого легко разозлить и который желает контролировать все вокруг.

Например, наша поездка в Дисней. Он сказал мне распланировать ее. Я сделала это с двумя взбудораженными девочками. Я ведь не могла читать его мысли. Откуда мне было знать, что он не хотел останавливаться в самом Диснее? Что у меня был бюджет? Он ничего из этого не сказал. Он просто просил распланировать, а сам уже должен был позаботиться о растратах. Я сделала то, что он мне велел.

Мы только доели свежие салаты со свежавыжатым соком. У Пэкстона и Роуэн там еще была курица на гриле. У меня и Фи — тертый сыр мюнстер. Фи была новообращенным вегетарианцем, не желая есть мясо. Она была вегетарианкой, как и ее мама, пока папа не выражал желание съесть бекон или чизбургер. Тогда она ждала следующей возможности снова стать вегетарианкой. Она такая забавная.

— Почему я не могу поесть настоящую курицу? Жареную? — спросил Пэкстон, перебирая салат.

Я быстро поймала стакан с лимонадом Роуэн, когда она едва не

опрокинула его, и приподняла брови.

— Можешь. Можешь даже добавить туда пол банки Пепто[прим. пер. — безрецептурный противоязвенный и противодиарейный лекарственный препарат, не зарегистрирован в России.], если хочешь.

— Смешно.

— Правда, — сказала я слегка дерзко. Это была правда. Каждый раз, когда Пэкстон настаивал на чем-то жирном или жареном, он впоследствии просил что-то от изжоги.

— Раньше все было хорошо.

— Да? Смотри, что делаешь, Роу-роу. Разольешь лимонад.

— Папа дал мне тяжелый стакан.

— Ты сама его хотела, — сказал Пэкстон, оправдываясь.

Она разогнула локти, положив руки рядом с тарелкой, и серьезно посмотрела на него.

— Но мне шесть.

Я засмеялась. Не могла сдержаться. Это было чертовски мило и прямо. Словно говорила ему, что не нужно слушать шестилетку. Потрясающе.

Пэкстон сменил тему. Только потому, что он ненавидел, когда его ставят на место.

— Ха-ха. Ты распланировала день рождения Офелии?

Фи решила ответить сама.

— Да, мы остановимся в бассейне. Да, мама?

— Что-то типа того. Это водный гостиничный комплекс. Всего три километра от парка. Там так круто, Пэкстон. Подожди, пока увидишь. Можно провести там несколько дней, просто расслабляясь.

— И там есть четыре водных горки, — сказала Роуэн, помогая мне восторженно рекламировать место отдыха. Я дожидаться не могла, когда мы окажемся там.

Пэкстон разозлился, как только узнал о моих планах. Он не сказал ни слова, не усмирил восторг девочек, но ему и не нужно было. Взгляд, которым он меня наградил, и две линии на его лбу сообщали мне о его злости.

Только лишь когда я стала уносить посуду в дом, он решил поведать мне, в чем дело. Он вызвался помочь, что было необычно. Он никогда не помогал с домашними делами. Это не его работа.

— Калифорния? Ты знаешь, какое расстояние между Калифорнией и Флоридой? Что не так с Орландо? Теперь придется еще и лететь. Четыреста двадцать баксов за ночь? Почему ты такая тупая?

— А ты? Даже девочки знают разницу между Диснейлендом и Миром

Дисней. Ты сказал Диснейленд. Диснейленд в Калифорнии, не во Флориде. Ты ничего не сказал об этом, Пэкстон. Откуда мне было знать? — Он сказал Диснейленд. Я слышала своими ушами.

— Сколько ночей?

Я съежилась, вжав голову в плечи.

— Пять.

— Прекрасно. Следующие две недели я буду у себя в офисе, пытаюсь заработать достаточно денег. Приходи туда, как только уложишь девочек. Я собираюсь отбить около пяти тысяч на твоей попке за следующие две недели.

— Пэкстон, как ты можешь злиться на меня за что-то, что сам сказал сделать?

— Ты не должна была рассказывать девочкам, не поговорив со мной. А теперь что? Скажешь им, что остановимся в двухзвездочном отеле «Super 8» вместо пятизвездочного рая?

— Да. Им будет все равно. Они счастливы уже просто поехать в Дисней. Нам нужны деньги?

Я застонала, когда моя спина ударилась о дверной проход. Рука Пэкстона привычно оказалась на моей шее, а губы приблизились к моим.

— Деньги в этом доме не твое дело. Твои обязанности — это дом, те девочки и забота обо мне. Поняла, шлюха?

Я изо всей силы толкнула его.

— Пошел ты! Я не шлюха. Не называй меня так больше. Никогда.

Пэкстон сделал два шага назад, на лице выражение искреннего шока. Глаза широко раскрыты, рот распахнут.

— Мама! Мама! Роуэн разлила свой лимонад.

Пэкстон благодаря отвлечению взял себя в руки.

— Иди, малышка.

Я ушла. Ушла в руках с бумажными полотенцами и колотящимся сердцем в груди. Матерь Божья. Я только что толкнула Пэкстона Пирса. Мне пора было загадывать предсмертное желание.

Пэкстон не соврал по поводу работы в своем кабинете. Как бы мне не хотелось пойти к нему, попытаться поговорить, посмотреть на его реакцию, я этого не сделала. Я даже позволила девочкам заснуть возле меня на диване, чтобы он мог прийти и отнести их в кровать. Он сделал это, но игнорируя меня.

Я видела, что он поглощен работой за столом. Погряз в бумагах, разложенных перед ним, и документации на экране компьютера. Мне понадобилось минут десять, чтобы собраться с силами и прервать его. Все

слова слились в одно.

— Они обе спят, Пэкстон. Можешь отнести их в кровати?

Он поднял глаза, скрываемые за очками в темной оправе. Проклятье. Пэкстон Пирс был одним из тех парней, кого очки делали чертовски сексуальным. Он снял их и опустил на стол, не произнося ни слова и больше не смотря на меня.

Наши глаза снова встретились, когда он поднял Роуэн с моей правой руки. Мой взгляд был мягким и молящим, надеясь, что это смягчит его настроение. Его взгляд был затуманенный и злой. И кто тут должен дуться? Господи Боже. Я сделала глубокий вздох, когда он ушел, целуя сонную Роуэн в макушку, и растерла затекшую шею. То же самое повторилось с Офелией. На меня не обращали внимания. Лишь редкие взгляды и все. Мы снова сделали два шага назад.

Пэкстон прошел мимо меня к себе в офис. В этот раз он закрыл дверь. Он даже не потребовал, чтобы я пришла за обещанным наказанием. Как же все было запутано. Я чувствовала себя отвергнутой, и от этого было грустно.

Я поправила одеяльца у моих Клайдов, поцеловав их, и оставила его в покое в кабинете. Что еще я должна была сделать? Я пыталась. Каждый день пыталась удовлетворить этого мужчину, но не смогла этого сделать. Может ванна с лавандовой пеной и хороший крепкий напиток улучшит ситуацию.

Это был хороший план. Но он не сработал. Я выпила коктейль, но успокаивающая пенка закончилась. Роуэн и Офелия израсходовали полбанки на свое купание в душе. Они провели там около часа, пока я сидела на стойке и читала книгу, автоматически закруженную на мой планшет. Очевидно, я сделала предзаказ еще несколько месяцев назад. Меня так поглотила история жизни этой девушки, что я не заметила, чем дети занимались. «*Черный Дождь*» от автора Джетти Вудрафф. Я прочла ее за один присест и тут же заказала следующую книгу. К счастью, ждать оставалось всего пару дней. Идеально для отпуска. Книга будет у меня на планшете еще до нашего отъезда. Потрясающая книга, завладевшая моим вниманием, стала причиной того, что у меня не было пенки.

Напиток был хорош, и, думаю, он помог мне немного успокоить нервы, но что-то другое давило на меня. Я знала, что была бесповоротно влюблена в Пэкстона. Почему? Понятия не имела. Пэкстон был самым сложным мужчиной на земле, и я была очарована им. Но я не была глупа. Я не знала, смогу ли я терпеть Пэкстона Пирса всю жизнь. Это не подходит мне. Я не знала, способна ли на это.

Я не заходила в офис к Пэкстону в ту ночь и в следующую, и в следующую за ней. Пэкстон каждую ночь работал допоздна. Проводил несколько часов вечером с девочками, но меня игнорировал еще больше. Он оказался еще большим мудаком, чем я думала. Девять дней. Столько дней он практически жил в офисе. Столько дней он меня игнорировал. Даже секс. Он не прикасался ко мне. Не целовал. Он просто играл в молчанку. Я изо всех сил пыталась пробраться под его толстую кожу, но безрезультатно. Сдавшись, я со страхом ждала пятидневной поездки.

Пэкстон Пирс был невыносимым мужчиной. Ни одна женщина не могла его удовлетворить. Даже я.

Глава 19

Роуэн и Офелия были вне себя в день нашего отъезда. Я собрала все вещи и загрузила их в машину до того, как Пэкстон вернулся с работы накануне вечером. Мне уже было на все наплевать. Наплевать на его детскую молчанку, на путешествие, на Пэкстона. Я больше не могла так жить. Может раньше, но не сейчас.

Именно я изменила поведение, когда мы приехали в аэропорт. Это было на закате, около восьми часов вечера. Пэкстон подгадал время. Он знал, что лететь нам долго, и ночной перелет казался идеальным решением. Меня волновали не вечерние планы Пэкстона. А аэропорт, самолет и его лицемерие.

— Оу, смотрите, девочки. Частный самолет, — подметила я, следя за двухместным гольф картом, приехавшим за нашими вещами.

Пэкстон бросил на меня мрачный взгляд.

— Не двигайся.

— А нам можно? Мы можем выйти? — спросили Роуэн и Фи, которых переполнял адреналин. Я ненавидела, когда он так делал. Обычно он старался не быть кретином в их присутствии, но иногда такое поведение проскакивало. Или они слышали, что не следовало, как и в этот раз. Правда они не поняли эту фразу, как поняла ее я. Слава Богу, они были слишком взбудоражены, чтобы заметить подавление отцом их матери.

Пэкстон улыбнулся своим отпрыскам и дал им желаемое.

— Да, вы можете выйти.

Я, как хорошая девочка, сидела и ждала разрешения покинуть машину. Пять минут. Столько он заставил меня ждать. Он разговаривал с пилотом, пока девочки помогали загружать карт нашими вещами. Я играла на телефоне, дымясь изнутри. Мы не могли позволить себе Диснейленд, но частный самолет — пожалуйста. Отличная логика.

Я демонстративно подняла палец, когда Пэкстон открыл дверь, но он просто забрал у меня телефон и спрятал его себе в карман шорт. *Придурок*. Я отказалась от его руки и обошла его, широко улыбаясь восхищению девочек. Палец, потянувший за петлю на поясе, остановил меня.

— Успокойся, тыковка, — услышала я шепот, скрытый за улыбкой. Пэкстон специально это сделал. Будучи непривыкшим к такой мне, он наслаждался моим непослушанием.

Рывок руки отсоединил его тело от моего. *Я покажу тебе тыковку*.

Придурок. Пэкстон смеялся мне вслед, а я качала головой. Но не ему. Себе. Я любила такого Пэкстона. Игривого Пэкстона, которому я нравилась. Я миллион раз говорила себе, что не позволю ему очаровать меня в следующий раз, когда он решит снова быть нормальным. Я обещала себе, что останусь здравомыслящей. Даже во время секса. Но мне не нужно было волноваться об этом. У нас не было секса. Девять дней! Это самое долгое воздержание, которое я помню. Шутки в сторону — это долго для меня.

Такой Пэкстон превращал меня в желе. Неважно, как отчаянно я хотела быть сильнее его, показать, из чего я сделана, но я просто не могла. Я превращалась в лужу из-за этого мужчины. Из-за этой его способности.

Пэкстон замедлил шаг и ответил на звонок телефона, все еще смеясь.

Но в долю секунду беззаботный смех сменился профессиональным тоном.

— Бассейны и ландшафт Пирс.

Я пошла вперед, закатывая глаза. Я вот-вот отправлюсь в Диснейленд с Роуэн и Фи. Не хотелось злиться, и Пэкстон не мог забрать у меня эту радость. Повод для этого особенный — не каждый день тебе исполняется пять, не говоря уже о перелете через все штаты на празднование дня рождения.

Я продолжала радоваться с двумя неугомонными девочками, особо не обращая внимания на одностороннюю беседу за моей спиной. Ни капли не удивлюсь, если он будет делать это весь перелет. Мне было все равно, я не собиралась позволять ему испортить мой отдых.

Самолет на самом деле оказался намного больше, чем казалось снаружи. С одной стороны стоял широкий диван, обращенный лицевой стороной к большому экрану телевизора, а с другой было четыре кресла, смотрящих друг на друга.

Оттуда мы и начали, пристегнув ремни безопасности и подготовившись к взлету. Пэкстон сидел напротив меня, рядом с ним Офелия. Мы делились своими эмоциями, общаясь, как настоящая семья. Мама с папой же играли в игры. Пэкстон все не сводил с меня глаз, раздевая взглядом. Я замечала, как он задерживался на моей груди, губах, на моих уже пульсирующих интимных местах. Он даже не касался меня, а сексуальное напряжение было безумным.

С этого полета все и началось. Совершенно иные проблемы. Мы ели закуски, пока смотрели фильм на диване в форме буквы С, все время болтая от возбуждения, вызванного поездкой в Диснейленд. Роуэн и Фи не могли сконцентрироваться ни на чем, так они ждали встречи с Белль и Золушкой. Мне казалось это очень милым.

Этот фильм не мог привлечь моего внимания. Все оно было обращено на Пэкстона. Он нежно держал меня за руку, бросая скрытые взгляды, словно мы были влюбленными подростками. Неожиданные поцелуи и любящие руки. Я сдалась. Я мысленно вскинула руки в воздух и тихо закричала от отчаяния.

Роуэн первая залезла на колени к Пэкстону и свернулась у него на груди, зевая с закрывающимися глазками. Офелия назвала ее ребенком и заявила, что не будет спать. Ни за что. Не сомкнет глаз, пока не увидит Диснейленд.

Через десять минут я снимала обувь с ее ножек и укладывала на диване, потянув за лодыжки. Быть может, я даже наклонилась возле Пэкстона немного ниже и задержалась дольше, чем нужно было. Я поняла, что тоже могу поиграть и насладиться этой игрой.

У меня перехватило дыхание, когда я почувствовала руку на внутренней стороне моей ноги. *Есть. Мы сошли с мертвой точки.* Мои женские части мгновенно отреагировали. Между ног и в бюстгальтере. Девять дней это действительно долго.

Я повернулась к нему, мои глаза излучали бунт, и сбросила его руку с моей ноги. Я выдержала его взгляд, разувая и Роуэн. Пэкстон выскользнул из-под ее тела, укладывая ее на диван и целуя ее светлые волосы. Я собиралась сесть в ее ногах, но он остановил меня, взяв за руку. Отойдя в сторону, он закрыл фиолетовую занавеску.

Кивок в сторону четырех кресел с другой стороны был моим приглашением сесть. Какое-то время нам было неловко. Пэкстон сел напротив меня, закинув лодыжку на колено другой ноги и скрестив руки.

Я тоже скрестила руки. Вызывающе. Наклонив голову, я поставила его на место. Вроде того.

— Я не собираюсь прощать тебя, пока ты ведешь себя, как придурок. Это было совершенно неуместно. Ты был задницей целых девять дней.

Его голова наклонилась в ту же сторону, что и моя, с улыбкой на лице. Глупой. Которую я любила. Которая делала из меня влюбленную дурочку.

— Черт. Ты уверена, что не хочешь объявить перемирие? Думаю, это путешествие станет намного веселее, если ты скажешь, что выучила урок, и мы пойдем дальше.

В моей голове эхом раздался громкий крик, приказывающий моей вагине успокоиться. Ни за что. Я не сдамся. Что он сделает? Выбросит меня из самолета? Выражение моего лица подтверждало кивок головы, убеждая Пэкстона в моем подчинении. И когда на его лице уже появилась победоносная улыбка, я выбила землю у него из-под ног.

— Эм, нет. Пошел ты. Я была глупа, Пэкстон. Ты вел себя так, будто меня не существует целых девять дней.

— Это был эксперимент. Мне не доводилось делать этого, о Боже, года три. Ты будешь молить об этом раньше, чем сама поймешь. Тебе нужно выучить этот урок. Я позволяю тебе кончить. Не забывай этого. Теперь я думаю, стоит ли добавить еще девять дней за *«пошел ты»*.

Нет. Я так не сдамся. В эту игру могут играть двое. Я поднялась с кресла, встала прямо перед ним и расстегнула шорты. Его челюсть слегка отвисла, а взгляд проследил за моими пальцами. Я расставила ноги по бокам от его, звук ширинки отдавался эхом. Пэкстон откинул голову, когда мои губы приблизились к его. Мои бедра качнулись в его сторону, двигаясь на нем круговыми движениями.

— Давай, парнишка. Посмотрим, кто сдастся первый, — сказала я низким, хриплым голосом. Каждое слово коснулось его губ, а я переступила грань. Может он сжалится и даст мне парашют. Я не стала ждать, пока он поцелует меня, и сделала это сама. Раскрыла его губы своими, снова толкнувшись в него бедрами. Я вела себя так, будто мы были молодоженами. Словно мы были влюблены. Так продолжалось около двадцати минут. Он становился все тверже, я все более мокрой, а желание накаляло воздух вокруг нас.

Мое поверхностное дыхание смешалось со стонами желания, когда его руки коснулись мягкой кожи под моей рубашкой. Кожи спины. Всего лишь. Вот, сколько власти имел над моим телом Пэкстон Пирс. В такие моменты я могу сделать все, что скажет мне этот мужчина. И в десять раз больше.

— Ненавижу тебя, — сказал Пэкстон, разрывая слова легкими поцелуями, которые он оставлял на моей шее.

Я приблизила свою улыбку к его губам и поцеловала его. Стон вырвался из меня, изменив выражение лица. Я села, опустив взгляд на колени.

— Нет. Ты не ненавидишь меня, поэтому это так тяжело для тебя. Ты слишком занят превращением меня в кого-то, кого я не помню, чтобы заметить, что есть у нас здесь.

Пэкстон посмотрел мне в глаза, заставляя ответить тем же.

— Страсть все меняет, да?

Я улыбнулась и сделала глубокий вздох.

— Еще как, — произнесла я, соглашаясь. Опуская голову к груди.

В этот раз Пэкстон опустил голову. Его пальцы гладили шов на моих шортах, пока пульсация между моих ног становилась все безумнее. Поднимаясь вверх, он едва коснулся моего сверхчувствительного бугорка.

— Это я должен мучить тебя. Ты же должна молить меня о разрешении кончить. Вот как это должно быть. А не так.

Возможно сейчас было самое время для серьезного разговора. Он, наконец, говорил, открывался шаг за шагом, но я не хотела разговаривать о чувствах. Я хотела секса.

— Ты мучаешь меня. Пойдем в ванную и трахнемся на высоте в десять тысяч метров.

Пэкстон заглушил меня поцелуем, когда я вскрикнула. Он в долю секунды стоял на ногах, подняв меня с собой.

Если бы я знала, что уборная может вместить лишь метлу и совок, я бы предложила что-то другое. Крыло, может. Мы попытались сделать это, спустив мои шорты до колен, но это не сработало. Мне пришлось выйти оттуда, чтобы снять их. Мы попробовали сделать это стоя, со мной обхватившей ногами его талию, но и это не сработало. Мы просто взрывались от страсти, но ничего не получалось. Дезинфицирующее средство для рук врезалось мне в спину.

— Ауч, остановись. Поставь меня, — сказала я, извиваясь. Пэкстон спросил почему, но я не ответила, вместо этого повернулась к раковине и попыталась наклониться, насколько это возможно.

— Черт, детка. Ты такая мокрая, — прохрипел он, проводя членом по моим складочкам. Я стонала от удовольствия каждый раз, когда его головка касалась моего клитора. Затем я застыла.

— Можно? — спросил он, приставив головку члена ко входу в мою попу.

Волна адреналина пронзила меня, когда я поняла, о чем он спрашивает.

— Эм... мы делали это раньше? Мне нравилось? Я в этом не уверена, — нервные слова вылетали один за другим.

— Нет, это было твое единственное условие, но раньше ты не разрешала мне даже палец использовать.

Я фыркнула, посмотрев через плечо.

— И ты слушал?

— Знаю-знаю. Это было не весело. По крайней мере, раньше. Мне нравится, как ты виляешь бедрами вокруг моего пальца, приглашая меня внутрь.

Мои щеки зарделись, и я солгала, думая о тех нескольких случаях, когда он использовал палец.

— Это было не приглашение.

— Нет? — спросил он, забирая пальцем мою влагу и проскальзывая

внутри. Лишь кончиком. Средний палец, я думаю. Я решила не двигаться, чтобы меня не уличили во лжи. Ни одна мышца не шевелилась, я даже не дышала. Пока он не потянулся вперед. Одного щипка моей жаждущей сердцевины было достаточно, чтобы я вжалась в него.

Пэкстон подставил головку, пока я толкалась назад. Теперь он стоял недвижимо. Совершенно, за исключением его пальцев на моем клиторе. Я застонала и наклонилась назад еще немного больше.

— Вот это моя шлюшка, иди к своему хозяину.

У меня все спуталось в голове. Его серьезный тон и победа в доминировании пробирали меня до костей. Не могу назвать это предвидением, ведь видения у меня не было. Это было больше похоже на знание. Мне это нравилось. Пэкстон был ядом, и он мне нравился. Да что ж со мной такое?

Пэкстон был профессионалом. Он знал, как правильно все распланировать. Расставить сети на будущее. Я застонала, когда он медленно убрал палец и проник в меня.

— Возможно, я разрешу тебе отведать этого позже. Не в ванной. Не сейчас.

Со времени, как он вошел в меня, и до того, как мы оба потеряли связь с реальностью, прошло минут пять. Я не продержалась так долго. Мне хватило и секунды. Настолько я была возбуждена.

Когда мы закончили, я задержалась, чтобы привести себя в порядок. Пэкстон открыл дверь, и я посмотрела на него, не ожидая, что он сделает то же самое. Его взгляд и тон голоса сказал мне, что я еще немного ослабила его. Мне этого достаточно.

— Ты сводишь меня с ума.

Я улыбнулась, положив руку на дверь.

— Тебе это нравится. — Дверь разорвала наш зрительный контакт, и я ударилась затылком о стену. Ему действительно нравилось это, а мне нравилось безумие, которое я вызывала. По правде говоря, он не меньше сводил меня с ума. И он это тоже знал.

Я свернулась в объятиях Пэкстона, укрывшись мягким белым пледом, когда вернулась в салон. Его печатающие пальцы остановились на секунду, пока его эго реагировало на то, что я наблюдаю за его работой.

— Это будет водопад? — спросила я, указывая пальцем на каменную стену в процессе строительства. Его губы поцеловали мою голову, прежде чем ответить. Я расслабилась.

— Пока не уверен. Я всю неделю занимался этим проектом. Площадь большая. Парень хочет превратить триста семьдесят квадратных метров в

зону отдыха.

— Вау, это дорогое удовольствие.

Такие разговоры с Пэкстоном превращали меня в самую счастливую девушку на планете.

— В этом-то и проблема. Его бюджет составляет четверть миллиона долларов. А мне нужно, по меньшей мере, триста, чтобы оправдать его ожидания.

Я изучила ландшафтный дизайн, открытый на экране, слегка сузив глаза.

— Это огромный водопад. Зачем такой большой?

— Он хочет посередине водную горку. Десятиметровую. На это нужно дофига камня. А в наших краях камень недешевый. Не говоря о том, что придется разбить огромную и крепкую бетонную плиту. Восемь на пять метров. Только это уже дорого.

Я немного подвинулась, чтобы было лучше видно.

— Ты можешь использовать эти куски. Они бесплатны. Это принесет выгоду.

— Заткнись. Ты и понятия не имеешь, о чем говоришь.

— Ох, правда? Что ж, скажу тебе, что ты можешь наложить их один на другой и использовать смесь бетона и три цвета диоксида, чтобы создать вид камня. Смешай и наложи эту смесь сверху, давая ей стечь вниз, прежде чем сформировать в камни. Так будет легче работать. О, и к тому же это не оставит зазоров, где смогут обжиться мелкие твари. Никто не захочет змей или ящериц в бассейне. Это хороший коммерческий ход, — добавила я и, не останавливаясь, продолжила. — Можно даже сделать несколько глубоких впадин, чтобы добавить колорита. — И тут я замолчала. Я посмотрела на Пэкстона, пребывая в таком же шоке. Фыркнув, я улыбнулась. — Понятия не имею, откуда я это знаю. Интересно, реально ли это вообще.

Пэкстон не моргнул и глазом. Уставился на меня, словно я только что открыла закон Ньютона. Словно строительство водопадов было моей специальностью. Наконец, он застонал, когда я пнула его в ребра локтем.

— Что с тобой? Перестать так на меня пялиться.

— Ты — чертов гений. Это можно проверить. Это может сработать, и я получу неплохую прибыль. Я посмотрю, что можно сделать. Только не понимаю. Ты сказала это так, будто каждый день занимаешься чем-то подобным.

Мои брови нахмурились, нос сморщился, а губы изогнулись в глупой улыбке.

— Правда? Интересно, откуда это?

— Где ты хочешь водопад? У меня за магазином в старом подвале целая куча этого хлама. Я не хочу лететь в Диснейленд. Хочу отправиться обратно домой и построить водопад.

Я засмеялась, прижавшись к нему. Это будет потрясающее путешествие. Я чувствовала это. Пэкстон рассказывал планы на владения, спрашивая мое мнение. И я его высказывала, а он слушал. Впервые с того момента, как его встретила, я чувствовала, что он ценит меня как человека. Не просто как кусок мяса, служанку или повара. А будто я была важна.

Я закрыла глаза, когда он в пятый раз потянулся к рому с соком. Зевнула и почувствовала поцелуй у себя на макушке. Расслабляющее спокойствие накрыло меня любовью и восхищением. Может потребуются много времени и усилий, но я была уверена, что мы преодолеем все. Должны были. Люди не могут чувствовать такое сильное притяжение, если оно не настоящее. А это было по-настоящему, и я буду преодолевать трудные дни с помощью таких, как сегодня, столько, насколько мне хватит сил.

* * *

— Куда ты направляешься, крошка?

Мне не нужно было поворачиваться, чтобы узнать, что голос принадлежит Томми Бою. Его рука легла мне на шею, и я почувствовала пот его подмышки.

— Мне нужно домой. Мисс Портер ждет лекарство.

— Когда мы позависаем? Ты не хочешь заниматься чем-то, кроме домашнего задания. Нужно жить. Веселиться. Вот что. Давай встретимся на твоём крыльце сегодня в одиннадцать. Старуха уже будет полумертва к этому времени.

— Не могу. Прости. В другой раз.

Я попыталась избавиться от него, но он не дал. Меня окружили три парня, одного из них я не видела раньше в нашем районе. Он был молод. Как я. Другие были возраста Фелкона. Достаточно взрослые, чтобы понимать.

— Оставьте меня в покое, я буду кричать, — пригрозила я, сердце колотилось в груди. По сравнению хотя бы с одним из них я была просто горошиной, не говоря уже о трех.

— Оставьте меня в покое, я буду кричать, — передразнил меня лидер группы. Только уверена, его сердце не колотилось. Не так, как мое.

— Хватит, — произнесла я, снова и снова повторяясь. На этот раз младший осмелился повторить за мной.

— Хватит, — сказал Томми плачущим голосом. Но мой не был плачущим. Мой был испуган. Дрожащий и полный страха. Страх, наполняющего вены.

Я не видела, что произошло сразу после этого. В следующий момент я была где-то в другом месте. Вне улиц, на которых я обжилась.

Я была посвящением. Семнадцатилеткой, помогающей тринадцатилетнему войти в Бердс. Его вступление в банду. Трое из них держали меня и наблюдали, как их новый член делал со мной, что хотел. И когда я уже подумала, что все закончилось, остальные трое тоже угостились. Им было плевать на меня. Плевать на мои крики и мольбы. Им было все равно. Никого ничто не волновало.

Я знала, где находилась, потому что была там не впервые. Фелкон отводил меня туда, когда его мать была дома. Но никто больше. Все понимали. Мысль о наркотиках, которые предлагал Томми Бой, посетила мой мозг. Хотелось отправиться туда. Туда, куда отправлялась мама, когда вставляла иглу в вену. В лучшее место.

Я бежала к дому мисс Портер, слезы лились ручьем по лицу. Я искала поддержки хотя бы одного равнодушного человека. Кого-то, кому будет не безразлично.

— Где, блядь, ты была? Я могла коньки отбросить, ожидая лекарств.

Этим кем-то она явно не была. Она даже не заметила выражение пустоты на моем лице. Ее интересовал лишь ужин перед телевизором и бокал вина. Это все, о чем она волновалась.

— Я с тобой говорю, шалава. Я знала. Знала, что это лишь вопрос времени, пока ты начнешь раздвигать свои ноги перед местными черными парнями. Вот где ты была, шлюха?

Я не могла дышать. Хотелось умереть. Хотелось, чтобы рядом была моя близняшка. Тогда я побежала в свою комнату и собрала все, что у меня было. Пару вещей, мягкую игрушку в виде луны и семь долларов, которые откладывала на побег. Деньги, которые я откладывала с каждого раза, когда мисс Портер отправляла меня в магазин.

Мне хватило бы этого, чтобы доехать до конца улицы, но мне было плевать. Я в любом случае ушла. Ушла под крики мисс Портер мне вслед.

— Эй, ты куда идешь? А ну вернись, шлюха.

Я бежала, пока были силы.

* * *

Я открыла глаза и увидела себя на компьютере. Не эту себя. Бывшую. Пэкстон смотрел видео, где стоял сзади меня. У меня заболело сердце, и я все поняла. Поняла, почему я выглядела как робот, когда он прикасался ко мне. Я закрылась. Совершенно закрылась. Единственным выражением на моем лице была пустота. Если бы я не видела, что он толкается в меня сзади, ни за что бы ни подумала, что мы занимались этим.

— Пэкстон?

Экран мгновенно потух. Но меня это не заботило. Я просто не хотела больше вспоминать. Я знала, что происходило. Читала об этом. Некоторые травмированные пациенты вспоминали все шаг за шагом. Каждый раз мозг отдыхал, предоставляя достаточное количество времени. Это не было даже похоже на воспоминания, хотя именно этим и было. Я знала, что это произошло на самом деле, и знала, что это была причина того, что я ничего не чувствовала раньше к Пэкстону. Я хотела, чтобы это прекратилось. Не хотела больше вспоминать. Сейчас моя жизнь была лучше. Жизнь после аварии.

— Что? — произнес он едва слышным шепотом.

Я сглотнула ком в горле и хрипло заговорила:

— Можешь обнять меня?

Я немного подвинулась, сворачиваясь у него на груди. Глаза широко раскрыты. Я не собиралась больше спать. Казалось, вообще никогда не смогу заснуть. С меня достаточно. Я не хотела вспоминать.

Глава 20

Пэкстон этого не признал, но ему понравились мои планы на отдых. Четыре дня в водном гостиничном комплексе, где мы могли расслабиться. Идеальный аквапарк для двух маленьких девочек. Первый день мы отходили от перелета, но все же повеселились. Ни Роуэн, ни Офелия не спрашивали о Диснейленде. Они были слишком заняты катанием с многочисленных горок.

Прикрыв глаза от солнца, я посмотрела на Пэкстона, держащего коктейль с розово-белым зонтиком.

— Спасибо, любовничек.

— Тшц, это семейный курорт. Ты серьезно заставишь их ждать четыре дня? — спросил он, сев и расставив ноги по бокам шезлонга.

— Посмотри на них. Не думаю, что они будут против. Расслабься и наслаждайся отдыхом, — сказала я, делая глоток фруктового напитка. Ужас. Если это была чья-то попытка сделать шипучку с инжиром и бурбоном — она провалилась. У меня даже инжира в стакане не было.

— Что не так? — спросил Пэкстон, хмурясь.

Я выбросила из головы мысли об анализе коктейля, возвращаясь к мужу.

— Ничего. Разве тут не хорошо?

— Идеально. Они тут везде могут играть и при этом оставаться у нас на виду.

— Почему, думаешь, я выбрала это место?

— Значит мы не будем ежедневно гулять по жаре?

— Если только ты этого не хочешь.

— Черт, нет. Мне достаточно одного дня в Диснейленде.

Мне тоже этого было достаточно. Те несколько дней были лучшими в моей жизни. Мы познакомились там с другой семьей, приехавшей на аналогичный отдых, и провели с ними много времени. У них были мальчишки, но Фи и Роуэн все равно они понравились.

Джек и Ди. Уильярды. Ди все время пускала слюнки по моему мужу, не упуская возможности сказать, как мне повезло. И я чувствовала себя везучей. Впервые напилась я рядом с Пэкстоном на вторую ночь. Напилась до стадии заплетающегося языка.

Я проснулась обнаженной в соседней комнате. Вроде как я помнила предыдущий вечер, но не совсем. Я знаю, что оседлала лицо Пэкстона и

объездила его язык, а после вернула услугу, и знаю, что кончила. Много. Но подробностей не помнила.

Однако я хорошо себя чувствовала. В следующую ночь все повторилось, но уже по инициативе Пэкстона. Седлание его языка стало моим новым хобби, и я даже разрешила ему взять меня в попу. Может мне понравилось, а может и нет. Тем не менее, я была удовлетворена, множество раз.

Всю пятницу мы провели в Диснейленде. Было весело, но жарко. К обеду девочки уже начали ныть, но потом все наладилось. Дневной дождик загнал нас в здание, где мы через симулятор смотрели какой-то фильм Диснея. Девочкам это очень понравилось. Они действительно думали, что находились в самом фильме, даже Пэкстон дернулся, когда мимо нас пролетела обезьяна.

Мне понадобилось какое-то время, чтобы соблазнить мужа в темном зале. Он все время убирал мою руку с пуговицы на его шортах, но я не сдавалась. Я протянула ему пакет из магазина, в котором мы только что купили футболки, и расстегнула его шорты.

— Дай мне это сделать, — прошептала я ему на ухо свои намерения в сексуальной манере. Он прикрыл руку пакетом и опустился на сидении.

По меньшей мере, двести человек сидело в том же зале, и никто не догадывался о сексуальных действиях, происходящих рядом. Даже наши смеющиеся дети были совершенно поглощены реалистичным шоу вокруг нас. В какой-то момент я даже уронила флайер на пол. Естественно мне нужно было поднять его. Моя голова не шевелилась, пока я тянулась рукой к листку и заглатывала его аж в глотку. Это произошло лишь раз. Пэкстон не позволил бы мне повторить подобное, но его заводила опасность быть обнаруженным не меньше, чем меня. Он кончил мне в руку за десять минут до окончания фильма. Боже благослови того, кто придумал влажные салфетки.

Такой была вся неделя: веселье днем, эротика ночью. Иногда. Мы один раз попросили наших новых друзей посмотреть за девочками, чтобы принять быстро ванную, и вернули им услугу, отпустив на ужин в ресторане на их годовщину. В итоге, о лучшем отдыхе я не могла и просить. Слава Богу, Пэкстон решил не быть придурком в течение десяти дней. Не хотелось бы терять и минуты нашего путешествия. Из Калифорнии я уезжала счастливой женщиной.

Наша последняя ночь была грандиозной. У Офелии была вечеринка в честь дня рождения с Золушкой и фейерверками.

— Ты ведь понимаешь, что Роуэн тоже захочет путешествие на свой

день рождения? — спросил меня Пэкстон, целуя в щеку. Мы стояли в сторонке и наблюдали, как наши девочки общаются с ненастоящими персонажами, на которых хотели быть похожими. Я прижалась ближе к груди Пэкстона и засмеялась, когда Офелия уверила Золушку, что той придется найти новую работу, когда она вырастет, потому что сама будет работать здесь, а Золушка может быть только одна.

Пэкстон обнял меня, приковывая к себе, и поцеловал в шею.

— Маленькая командирша.

— Она твоя. Чего еще ты ожидал?

Той ночью у нас с Пэкстоном было самое потрясающее занятие любовью. Этого даже не должно было случиться. Я была на пути к опьянению, намереваясь уехать из комплекса с шумом. Но этого не случилось. Пэкстон оставил меня с девочками, почитать им новую книгу, которую Золушка подарила Офелии на день рождения. С автографом и всем подобным. Обе девочки тихо слушали, пока я читала им историю, которую они слышали тысячи раз.

Когда пришел Пэкстон, я как раз укрывала их, оставляя поцелуи на их сонных головках. Мы столкнулись в дверях. Он остановил меня, схватив за руки. Не знаю, что произошло после этого или что послужило причиной. Я посмотрела на него и мною овладели чувства. Сияние.

Пэкстон держал меня за руки, глядя в глаза.

— Я никогда не говорил тебе этого.

Мои слова звучали по-дурацки. Я не узнавала свой голос.

— Не говорил что?

— Я люблю тебя.

Сияние взорвалось в моей груди, и я перестала дышать. Я не только не ожидала этих слов, я не ожидала такой реакции на них. Пэкстон любил меня. Почему это было для меня таким шоком? Я ведь чувствовала это, но никогда не представляла, что услышу их. Не от Пэкстона.

Я ответила тем, что потянулась к его губам, встав на носочки. Я не произнесла слов в ответ. Просто поцеловала его. Пэкстон ответил на поцелуй и закрыл дверь между нашей комнатой и комнатой девочек. Не знаю, что сделало этот раз непохожим на другие. То, как он смотрел на меня, толкаясь внутрь и обратно? То, как он нежно исследовал руками мое тело? То, как мое тело было одержимо им? Или то, что мы вместе взорвались удовольствием. Что бы ни было причиной, ощущения были внеземные, и что-то еще изменилось между нами. Откололся еще один кусочек стены между нами, и я стала на шаг ближе. Я была бесповоротно влюблена в Пэкстона Пирса. Я была влюблена в свою жизнь.

Опять я ослабила защиту и упала. Упала сильно, и я знала всем сердцем, что, если он меня отпустит, мне будет очень больно. Это разрушит меня. Ранит так сильно, что я могу и не выжить.

Я отправлялась в это путешествие с намерениями помириться с ним, отчаявшись от девяти дней молчания. Уезжала я уже позабыв об этом. Мне не хотелось возвращаться во Флориду. Я хотела остаться в Диснейленде, где жизнь была похожа на сказку. Мою сказку.

Наш полет домой оставил горьковатый привкус. Девочки смотрели фильм, разрисовывали новую раскраску с принцессами и спали. Роуэн положила голову мне на колени, а Офелия заснула на одном из сидений. Она не устала. Она просто хотела смотреть в окно. Я сидела рядом с мужем, жадно глотая каждое его слово о том, как он планировал воплотить мою идею в жизнь. Я на сто процентов была уверена, что у нас появится водопад еще до того, как Роуэн и Офелия пойдут в школу.

Мы снова воспользовались крошечной ванной комнатой для нашего удовлетворения и тоже немного поспали. Четыре часа глубокого сна. Он нужен был нам обоим. Особенно мне. Я каждую ночь бодрствовала максимально возможное время, боясь нежеланных воспоминаний.

Я даже не почувствовала, как мы приземлились, пока Пэкстон тихо не позвал меня по имени. Я поднялась и потянулась, увидев яркое солнце. Ах, нормальное время. Наконец-то. Чертовски тяжело привыкнуть к разнице в три часа. Особенно пяти и шестилетним девочкам. В восемь вечера они уже спали. А значит, и просыпались они рано. Наши поздние randevu нагнали нас к концу отдыха.

Девочки уже были бодры и бегали по парковке так, будто они только отправлялись в Диснейленд. Я же была полной противоположностью. Мне был необходим кофе. Пэкстон взял меня за руку, зевнув вместе со мной, и направился к нашей машине. Когда у него зазвонил телефон, я отпустила его руку и пошла вперед с девочками. По тому, как он ответил, было ясно, что звонят по работе.

— Бассейны и ландшафт Пирс. Это Пэкстон.

Мои мартышки запищали, когда я подбежала к ним сзади и зарычала, щекоча их. Офелия тут же села на землю. Мне пришлось переступить через нее, чтобы не упасть. Она все время так делала. Я засмеялась и обернулась на серьезное выражение лица Пэкстона.

— Первый банк Картера? Да, я знаю, где это, но у меня нет в нем счета. Вы там ее видели?

Теперь я слушала.

— Мама, я буду сидеть за тобой. Скажи Фи, что теперь моя очередь.

Она выбирала снеки.

— Снеки не считаются. Да, мама? — спросила Офелия, и после этого разразилась ссорой.

Снеки не считаются. Вот, о чем они ругались. Я проигнорировала ссору из-за пустяка и прислушалась к словам позади меня.

— Делгардо? Ну, да. Девичья фамилия моей жены Делгардо, но не Изабелла. Не знаю, кто это. Я могу позвонить Вам завтра? Я только что буквально приземлился после отпуска с семьей. Могу встретиться с Вами завтра днем.

Пэкстон подхватил Офелию из-за спины и перекинул через плечо, заканчивая разговор. Я обернулась на него, нуждаясь в прочтении его лица. Оно было коварное, как у кошки, готовящейся прыгнуть на сочную мышку. Я была той мышкой.

— Без ссор. Мы только прилетели.

Мое сердце колотилось от адреналина. Изабелла. Он знал что-то об Иззи.

— Пэкстон, кто это был?

Я ожидала увидеть в ответ ухмылку. Пэкстона, который ненавидит меня, но нет. Он был взволнован. Возможно, слегка грустен.

— Частный детектив. У него есть некоторая информация о дне, когда ты уехала. Какие-то снимки с Первого банка Картера. Я не совсем понял все. На парковке обнаружили брошенную машину. Она записана на Изабеллу Делгардо. Это твоя девичья фамилия. Ты знаешь кто это?

— Думаю, да. Что он сказал? Где она?

Пэкстон открыл заднюю дверь и обе девочки забрались внутрь. Я придержала Роуэн за плечо и прошептала на ухо:

— Это ее день рождения. Можешь сесть за папой? — она кивнула в согласии и улыбнулась. Я похлопала ее по попке и подмигнула, поблагодарив.

Пэкстон закрыл дверь и повернулся ко мне, волнение читалось в его глазах и в морщине на лбу.

— Кто это, Габриэлла?

— Я не помню точно, Пэкс. Помнишь, я спрашивала, есть ли у меня сестра? Я уверена, что есть. Я точно знаю, что ее зовут Иззи Делгардо, но почему ты не знаешь этого?

— Ты сказала, что у тебя никого не было. Сказала, что твою мать поймали за нелегальное пересечение границы, когда тебе было три или пять. Не знаю. Ты сказала, что выросла в приемных домах. Ты солгала?

Я видела его внутреннюю борьбу. Он хотел оторваться на мне, но не

хотел рушить то, чего мы с таким трудом добились.

— Не делай этого, Пэкс. Я не знаю. Я понятия не имею, что говорила тебе раньше, и ты знаешь это.

— Это все изменит, не так ли, Габриэлла? — его голос срывался, а глаза были напряжены.

Я пожала плечами и взмолилась о его доверии.

— Пэкстон, клянусь. Я не знаю.

— Мне стоит проигнорировать это? Удалить письмо?

Я должна была сказать да. Сказать там и тогда, что не хотела знать. Но не смогла. Моя близняшка. Я хотела знать. Должна была.

— Не думаю, что мы можем. А ты?

— Мама! Роуэн облизала мою руку, — крикнула Офелия, прижавшись носом к окну.

Пэкстон открыл мою дверь, и я села в тихую машину. Я не слышала ни споров с заднего сидения, ни строгого голоса, которым он приказал им замолчать, ни прогноза погоды по радио. Тропический шторм, далекий от статуса урагана, должен был обрушиться на нас через четыре дня.

Та ночь стала началом конца моей жизни. Девочки успокоились к семи часам, а к восьми уже спали на диване. Роуэн спала, закинув ноги на меня, а Офелия свернулась возле своего отца в позу, похожую на кренделек. Пэкстон слегка переложил ее, чтобы она не проснулась с затекшей шеей. Ее голова мертвым грузом упала на подушку, при этом она умудрилась ударить ножкой Пэкстона прямо между ног. Он закричал, схватившись за свои орешки, передвигая ее ногу.

Я переплела наши пальцы и склонилась к нему. Его губы коснулись моего лба, спрашивая меня о том, где я витала.

— Что у тебя на уме, Габриэлла?

Я тяжело вздохнула и провела своими пальцами по его.

— Я не готова прощаться со своим счастьем. Мне кажется, что пришел мой черед. Я заслужила его. Понимаешь?

— Ты действительно заслуживаешь счастья, Габриэлла. Где была эта женщина шесть лет назад?

Я пожала плечами, выдыхая.

— Обратил бы ты на меня внимание, если бы встретил тогда теперешнюю меня?

— Я не знаю. Я давал тебе то, в чем ты нуждалась.

— Не знаю, что это значит, Пэкс.

— Неважно. Давай просто подождем и узнаем, что у него есть. Может это пустышка.

Я знала, что это не так. Что бы он не нашел, это явно была не пустышка. Много ли существовало девушек по имени Изабелла Делгардо? Моя Клайд. Это была Иззи, должна была быть.

— Это важно, Пэкстон. Что, если это она? Моя сестра?

— Перестань, Габриэлла. Я просто не знаю, как осознать это сейчас. Ты говорила, что у тебя никого нет.

— Почему я так говорила? Почему, Пэкстон?

— Я не хочу говорить об этом при девочках. Давай поговорим о чем-то другом.

Я вздохнула с поражением. Еще один кусочек мозаики, который никуда не подходил. В этом не было смысла.

— Я пойду в душ, — сказала я с тяжестью на сердце. Я была вымотана, и голова болела. Может стоило принять одно из моих обезболивающих и отключиться. Может оно убережет меня от следующего воспоминания.

Пэкстон потянул меня за руку, заставляя снова посмотреть на него.

— Хочу, чтобы ты спала сегодня в моей кровати.

Я улыбнулась, оставляя руку в его руке.

— Я тоже этого хочу.

Я пошла в свою ванную, принимая душ в рекордное время. Вода была далека от горячей. Не нужно было быть сантехником, чтобы понять, что горячей воды не было. Я быстро помылась, пропуская интимные места. Пока я вытиралась, мои зубы стучали, но закончив, быстро поднялась к Пэкстону. Даже не остановилась, чтобы заглянуть к девочкам. Не могла. Я продрогла до мозга костей.

— О, боже. Согрей меня. Горячей воды нет.

Мое дрожащее тело мгновенно успокоилось, когда Пэкстон обнял меня. Мой взгляд упал прямо на его расслабленное достоинство, свисающее в правую часть его пижамных штанов. Я прижалась спиной к его груди, и он толкнулся мне в попу своими бедрами.

— Перестань. Я только что сказала, что мне пришлось принять холодный душ, а тебе все равно. — Мои зубы снова задрожали, и я вздрогнула, молясь о тепле.

— Уверен, дело опять в рубильнике. Он почему-то выключается, когда я открываю левую дверь гаража. Утром исправлю. Хорошо? — спросил он, сильнее обнимая меня и укрывая своим телом.

— Ммм, отлично, но теперь я зла на тебя.

— Я знаю, что тебя согреет и не даст больше злиться.

Я перевернулась на спину и раздвинула ноги.

— Хорошо, — согласилась я.

— Я не это хотел предложить, похотливая девчонка. Я хотел перекинуть тебя через колено. Это согреет тебя.

Я подумала, что чувствую по поводу нового прозвища. Похотливая девчонка. Я была не против. Это намного лучше, чем шлюха. А последнее мне не нравилось.

— Я ни за что не вылезу из-под этого теплого одеяла. Я до смерти замерзну.

— Не замерзнешь. Обещаю. — Пэкстон поднялся, облокотившись на мягкое изголовье. — Иди сюда. Позволь согреть твою попку. — Хрипотца в его тоне, напряжение его члена и взгляд его глаз убедили меня. Температура моего тела сменилась от тревожно низкой до лихорадки за семь десятых секунды.

Пэкстон положил руку мне на живот, когда я собиралась лечь ему на колени.

— Нет, детка, нет. Стой так.

Что ж, это что-то новое. Я не испытывала еще это унижительное удовольствие, стоя на четвереньках. Волосы упали мне на лицо, когда я почувствовала его впервые, не ожидая удара. Пэкстон дрожил правой рукой, левой растирая тепло, исходившее от моей попы.

Я выдержала пять мучительных шлепков, многочисленное поддразнивание моего пульсирующего бугорка и палец, проникающий в мою попку. Мои глаза закрылись и снова открылись, когда я почувствовала его, твердого и ожидающего, пока я качнусь назад, беря его сама. Я немного подумала и сделала это, зажмурившись. Стоны и сексуальное напряжение заставили меня. Я обнажилась для этого мужчины. Добровольно отдала ему все. Я хотела весь остаток наших долгих жизней делать его счастливым. Если бы только это было так просто.

Я сменила положение без разрешения, когда его палец скользнул в меня. Расставив ноги по бокам, я приблизилась к нему. Мы оба смотрели вниз, наблюдая, пока он направлял свою головку в мою щелочку, выдыхая. Я медленно опустилась, чувствуя его ствол, заполняющий меня.

Пэкстон ущипнул меня за сосок, другой сжав зубами, пока я качалась на его члене. Он уперся рукой мне в грудь, опуская меня назад. Моя голова коснулась матраса, и Пэкстон взял инициативу на себя. Он взял в руки обе мои груди, используя их, чтобы притягивать меня к себе, толкаясь в меня. Находясь в подобной позе, у меня был потрясающий секс. Чувство оргазма все нарастало, приближаясь в точке взрыва.

Мои руки заняли место Пэкстона на груди, в то время как он

передвинул свои мне на бедра. Он двигался быстро, отправляя меня за грань. Его бедра остановились, когда я закричала от экстаза, сжимая оба соска между пальцами. Пэкстон следил за каждым моим движением. Словно ему было мало.

Как только мое дыхание успокоилось, я улыбнулась ему, и он выскользнул из-под меня. Я выпрямила согнутые колени и раздвинула для него ноги. Наши тела слились воедино, а губы соединились в страстном поцелуе. Я снова кончила одновременно с Пэкстоном спустя несколько минут, дрожа от эйфоричных эндорфинов.

Когда мы оба пришли в себя, свернувшись в объятиях друг друга, я заговорила. Я видела, что он хотел спать в отличие от меня. Я боялась того, что узнаю, если закрою глаза.

— Где твои мать и отец, Пэкс? Почему я не виделась с ними?

— Тшш, спи.

— Почему? Я хочу знать.

— Нечего знать. Мой отец ненавидит меня за то, что я превратил эту собственность в замкнутое пространство, а моя мать — шлюха. Давай спать.

Я хотела продолжить разговор, но замолчала. То, как он сжал меня, дало понять, что он закончил. Больше не было произнесено ни слова.

Утро у нас прошло напряженно. Я встала раньше его, как и должна была, и приготовила завтрак. Яичница из двух яиц, пшеничный тост и свежие фрукты. Ну, почти свежие. Я купила их за несколько дней до отъезда. Я не приготовила ему обед, как обычно, потому что знала, что в это время он встречается с частным детективом. А потом я не знала, чем заняться. Весь день была, как на иголках.

Я изо всех сил пыталась выполнять повседневные дела, не замечая нависшей тревоги. Будто Пэкстон придет домой и все еще будет меня хотеть. Будто все это не исчезнет. Не сможет. Это будет что-то хорошее. Может он примет ее с распростертыми объятиями. Эта мысль не была самой безумной. Я видела изменения в нем с первого дня нашей встречи. Мы могли сделать это. Мы могли справиться.

Глава 21

Я устроилась поудобнее в беседке, чтобы почитать, Офелия крепко спала возле меня, а Роуэн играла с Барби в мелкой части бассейна. Я всю неделю ждала возможности почитать вторую часть этой книги. Но почему я решила, что смогу сконцентрироваться на ней в тот момент, осталось для меня загадкой. Веки тяжелели, и я боролась со сном, не желая отключиться рядом с Офелией.

— Можно пойти поиграть с Шанс? Мы с ней совсем не видимся. Почему, мама? — спросила Роуэн, находясь в нескольких метрах от меня. Я опустила планшет и задумалась над ответом. Барби взлетела ввысь и нырнула обратно в воду, разбрызгивая ее.

— Не сегодня.

— А когда мы пойдем покупать мне форму для школы?

Эм... ладно. Это легкий вопрос.

— Я поговорю об этом с папой.

Роуэн опустила голову под воду и поплыла к другому краю бассейна. Покачив головой, я вернулась к планшету. Безумный ребенок. Сделав глубокий вдох, я закрыла свою настолько ожидаемую книгу и открыла свои стихи. Я все еще не чувствовала себя творческой натурой, но все же они были хороши, и мне нужно было что-то, что успокоит нервы. Если бы Пэкстон был тем типом мужчин, которым можно было бы просто позвонить и спросить. Он ведь знал, что я сижу как на иголках в ожидании его.

Все мысли исчезли из моей головы. Я вошла в то состояние, когда смотришь в одну точку и просто не можешь отвести взгляд, а в голове — пустота. Мама называла такие моменты разбалансировкой. Говорила, что они значат, что в твоей жизни что-то не так, и таким образом мозг отдыхал.

— Фи, давай, милая, просыпайся.

Я резко распахнула глаза, услышав голос Пэкстона. В его голосе были нотки спешки, которые заставили меня нахмуриться.

Повернувшись к нему, я гадала, когда он успел прийти. Видимо отключился не только мой мозг. Я даже не слышала его.

— Пойдем, Роуэн. Триша заберет вас ненадолго.

— Йей! — крикнула из бассейна Роуэн. Мы ни с кем не встречались. Даже на гимнастике. Кэндес перевела Шанс в послеобеденную группу, чтобы не встречаться со мной, но меня это устраивало. Я бы сама так

поступила, если бы она не опередила.

— Пэкстон? Что ты делаешь? Я не хочу, чтобы они шли к ним.

— Заткнись. Не произноси ни слова.

Ох, черт. Что-то случилось. Информация, которую он только что получил, была плохой. А может и нет. Я не совсем догадывалась, в чем дело, но узнал он что-то важное. А насколько важное мне предстояло узнать.

Пэкстон бросил Роуэн полотенце, выгоняя ее из бассейна. Подняв Офелию, он понес ее в дом, тихо что-то говоря ей. Я уставилась ему вслед, пытаюсь понять, что из происходящего было реальностью, а что — нет. Зачем Трише нужно было забирать их? Сердце громко случало в груди из-за нервов, гоня кровь быстрее по венам. Я понятия не имела, что он задумал. Ни капли.

Я собралась и пошла за ним внутрь, подавая идущей рядом Роуэн сухую одежду.

— Пэкстон, что ты делаешь?

Ничего. Он ни слова не сказал мне. Он просто прошёл мимо меня по открытому пространству первого этажа к входной двери и передал девочек. Я даже не успела попрощаться с ними. Триша странно посмотрела на меня, пока Пэкстон опускал Офелию на пол, но не заговорила.

— Я скоро приду за вами, — сказал он им, целуя каждую в щеку.

Они обе согласились, счастливо закивав головами. Они любили Тришу.

— Что ты делаешь, — спросила я, как только закрылась дверь. Выражение его лица мгновенно изменилось, и я испугалась. Коленки поджались, когда он направился ко мне. Два больших шага, и он был уже возле меня.

— Иди сюда, — процедил он сквозь зубы. Он сильно сжал мою руку и потащил в свой кабинет. К своему стулу.

— Что? Что ты делаешь?

— Заткнись, нахрен. Сейчас узнаешь. Разве я не говорил, что узнаю правду, Габриэлла? Не говорил? Или лучше называть тебя Изабеллой?

Я раскрыла рот, готовая спросить, о чем он говорил, когда он открыл почту и проиграл запись с камеры видеонаблюдения. Черный внедорожник подъехал к парковке, прямо напротив камеры. Такой же, как и мой, только черного цвета. Маленькая белая хонда криво припарковалась позади. Я в замешательстве посмотрела на злое лицо Пэкстона. Он повернул меня обратно к компьютеру. Они исчезли. Те изменения в его взгляде, которые произошли за последние несколько месяцев. Исчезли в мгновение ока.

Пэкстон ненавидел меня.

Я смотрела широкими глазами, как две девушки долго обнимались. Слезы наполняли глаза, пока я становилась свидетелем воссоединения.

— Это Иззи и я? О, боже. Это она, — моя рука легла на сердце, я не верила своим глазам.

— Нет. Это ты и Габриэлла. Ты чертовски хороша. Достояна награды Эмми.

Я, скривившись, посмотрела на него, пытаюсь понять, что вообще он нес.

— Это гениально. Ты, мать твою, гениальна.

— Что ты имеешь в виду? — спросила я голосом, похожим на мышинный писк.

Пэкстон обошел стол и принялся измерять комнату, расхаживая туда-сюда.

— Предполагаю, разыгрывать амнезию намного легче, когда притворяешься кем-то другим. Это, блядь, дерьмо одинокой белой женщины [*прим. пер.: упоминание фильма 1992 года «Одинокая белая женщина»*]. У меня даже в голове не укладывается. Тебе стоит написать книгу. Я даже вижу это. Большие экраны. Думаю, Бен Аффлек должен сыграть мужа-идиота, согласна?

— Ты думаешь, я — Иззи?

— Ох, ты это знаешь. Все вскрылось. Можешь перестать играть.

Его рука резко опустилась на стол передо мной, громко и грубо. Я подскочила, сжавшись от его взгляда.

— Где, черт возьми, моя жена? Скажи мне, Изабелла. Где моя жена? Та, которую ты убила. — Его голос стал жутко низким. Пугающим. Я боялась.

— Я не убивала ее. Я люблю ее. Я ни за что бы ей не навредила.

— Ну, да. Конечно. Все это ради денег? А, Изабелла? Думала, сможешь просто так прийти сюда и взять то, что принадлежит мне? Теперь все обрело смысл. Проверка твоего прошлого все объясняет. Останови меня, если я не прав.

Пэкстон расхаживал по комнате передо мной, пока я сидела в большом кожаном кресле. Одинокая и потерянная. Я могла лишь слушать.

Он вырисовывал пальцем круги у своего уха, продолжая свой марш-бросок.

— Твоя мать была немного с приветом, прыгнула с пожарной лестницы навстречу своей смерти, когда тебе было одиннадцать. Штат не смог найти кого-либо, кто согласен был взять двух девочек вашего возраста,

поэтому вас разделили. Ты отправилась в Мичиган жить с Уолкерсами. Милая пара. Они вырастили семерых, кажется? Или восьмерых? Да, восемь детей, которых некуда было отправить. Ты была одной из них. Ты была хорошим бейсболистом. Три звания чемпиона штата. Впечатляюще. Ты даже пробовалась в ландшафтном дизайне, но провалилась. Затем ты работала в баре стриптиз-клуба, где преуспела. Это объясняет, почему у тебя так хорошо выходят те коктейли. Да? Я оставлял тебя наедине со своими детьми. Как я мог быть таким тупым. Даже не знаю, что тебе сказать. Хотелось бы, чтобы ты могла прочувствовать ярость, наполняющую мои вены сейчас, Габриэлла. Хочу перерезать тебе глотку, отвезти в океан и скормить акулам.

— Я бы никогда не причинила вред Роу и Фи. Ты это знаешь.

— Я даже не знаю, кто, блядь, ты такая.

Внезапно я испугалась за свою жизнь.

— Что ты собираешься делать?

— Я ничего не буду делать. Сделаешь ты. Просто вспомни, детка. Мы все невиновны, пока не доказана наша вина.

Мой взгляд упал на роскошные часы в золотой оправе, затем на фото Роуэн и Фи. Они счастливо улыбались: Роуэн искренне смеялась, улыбка Офелии была ровной и фальшивой. Той, которую она использовала, когда ее просят улыбнуться.

После этого я ничего не слышала. У меня в голове раздавался истошный крик, пока я пыталась осознать, что происходит. Я снова сомневалась в реальности своей жизни.

— Это за тобой, — ухмыльнулся Пэкстон. Его рука вырвала меня за волосы из кресла.

— Мисс Делгардо?

— Уберите эту шалаву из моего дома, — сказал Пэкстон, злобно толкнув меня к полицейским в форме.

У меня земля ушла из-под ног от этого толчка и тяжести на сердце. Я упала на колени, испуганная до чертиков.

Оба мужчины помогли мне подняться. Один из них с помощью наручников. Я едва помню, как мне прочли мои права. Это было больше похоже на эхо в голове. Что-то о краже личности и исчезновении Габриэллы Пирс.

Последняя мольба к мужу, и меня увели незнакомцы.

— Пэкстон?

Он стоял в дверях, засунув руки в карманы, с напряжением на лице. Я не переставала смотреть ему в глаза, даже когда почувствовала руку на

голове, направляющую меня на заднее сидение полицейской машины. Солнечный день внезапно стал пасмурным. Я не разорвала зрительного контакта. Даже когда мир вокруг закружился, и я вот-вот была готова потерять сознание. Я попыталась сморгнуть размытость, продолжая фокусироваться на Пэкстоне. Молить глазами. Но не могла. Это было слишком. Все вокруг потемнело.

* * *

— Я не хочу ехать. Хочу остаться с тобой.

Я покрепче обняла ее за закрытыми дверями, пока наши новые родители и соработник обсуждали наши жизни. Жизни, которые разделят нас, но это никого не волновало. Я не могла жить без нее. Не хотела. Она мне нужна. Она была частью меня и это не какое-то там клише, типа руки или ноги. Она была моим сердцем. Гэбби была моим сердцем.

— Послушай меня. Хочу, чтобы ты внимательно меня послушала. С этого момента ты больше не Гэбби. Ты поедешь к Уолкерсам, и у тебя будет потрясающая жизнь. Клянусь, мы будем снова вместе, даже если это будет последнее, что я сделаю. — Я сняла свою розовую кофточку и выскользнула из туфель, объясняя ей, что теперь будет. Я должна была. Должна была защитить ее. Я знала район, в котором жила миссис Портер. Уже была там, в нескольких кварталах от ее дома. Приемный дом в злочном районе Форт Маерса. Преступный район. Гетто. Я не хотела, чтобы Гэбби оказалась там. Она бы там не выжила.

— Иззи, что ты делаешь?

— Нет, не Иззи. Я Гэбби, а ты — Иззи.

— Иззи! Что ты делаешь?

— Гэбби. Я Гэбби. Дай мне свою кофту! Быстрее, — произнесла я, стреляя глазами в дверь.

— Это не сработает, — волновалась она, снимая свою фиолетовую кофту.

— Сработает. — Мое сердце отстукивало миллион раз в минуту, адреналин зажег все мои нервные окончания, а руки дрожали, как у наркозависимой. Я делала, что должна была, потому что любила ее.

— Иззи, я не хочу жить без тебя, — плакала Гэбби. Последняя отчаянная попытка заставить меня изменить свое решение.

— Я — Гэбби. Ты — Иззи, — сказала я, сквозь ком в горле. Я обняла ее, вдыхая запах ее волос и запоминая ощущение ее тела. — Именно так мы

будем частью друг друга. Хорошо? Мы еще увидимся. Я обещаю, мы будем снова вместе, Иззи. Богом клянусь, — сказала я, давая обещание, которое не могла сдержать.

— Это моя любимая кофта. Сохрани ее. Я хочу ее вернуть.